

ГУБЕРНСКІЙ ДОМЪ

12+

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

историко-
краеведческий
и литературный
журнал

1 (130)
2023

Доброе слово

Губернатор Костромской области С.К. Ситников 2

Время и место

Пучкова Е.В. Дни Островского в Костроме 3
Родионова А.В. Празднование 200-летнего юбилея
А.Н. Островского в Щельково 6
Румянцева О.Н. Вещи А.Н. Островского
в коллекции Костромского музея-заповедника 10
Стрелинская С.Н.
Редкая книга в собрании Музея-заповедника «Щельково» 13
Сухарева Е.Н. «И вновь открыты двери школы...» 16
Ожимкова В.В. Галичский тракт: дорога в усадьбу Островского 19

Архивы и свидетельства.

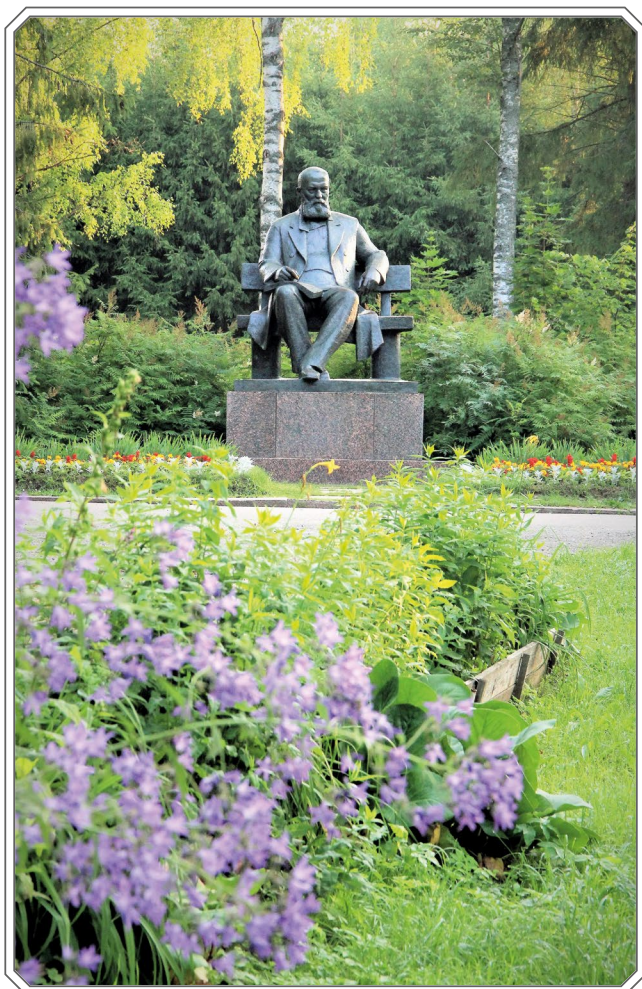
Ковалёва Л.А. Костромские Островские 25
Орлова Г.И. Марианна Островская, внучка драматурга 32
Сазонов Д.И. Павел Фёдорович Островский 38
Тугарина Н.С. Островский в кругу друзей 45
Кузнецова М.Г. Историк-краевед В.Н. Бочков в Щелькове 49
Чернова Л.А. Село Покровское, что на Сендеге 53
Рябинцев Р.В. Островский в «экспедиции писателей» 61
Недомарацкая М.С. История в документах 64
Николаев Н.Л. Щельково: времена перемен 71
Попова И.И. Секреты костромской беседки 75
Едошина И.А. История с памятником Островскому 78

Культура и Просвещение

Цветкова Е.В. Путешествие в прошлое щельковского парка 83
Зябликов А.В. Из истории «волжской драмы» 98
Цветкова Е.Л. Ярилин день 105
Басова Н.Ф. Новый библиографический словарь 108
Корнилов П.Б. Островский и костромичи 109
Тунгусов В.Д. Имя Островского в экскурсионных маршрутах 112
Елманов В.С. Долой Островского! Да здравствует Островский! 115

КОСМОС ОСТРОВСКОГО

Александр Николаевичу Островскому – 200 лет. В 2023 году общественно-культурная жизнь и в стране, и в Костромской области во многом проходит и будет проходить дальше под знаком этого юбилея. Фестивали в театрах, выставки в музеях, читательские конференции в библиотеках, детские спектакли в школах, конкурсы снежно-ледовых скульптур на площадях, фильмы в кинотеатрах и на телеэкранах. Кроме того, отмечаются и другие даты, связанные с Островским: постановка

Памятник А.Н. Островскому в Щелькове.
2022 год. Фото Леонида Маркеева.

первой пьесы «Не в свои сани не садись» – 170 лет; написание «Снегурочки» – 150 лет; создание музея-заповедника в Щелькове, присвоение имени драматурга Костромскому театру и улице Мшанской в Костроме – 100 лет; проведение первого театрального фестиваля «Дни Островского в Костроме», открытие в Щелькове памятника драматургу – 50 лет...

Повышенное внимание к жизни и творчеству «хозяина русской сцены», интерес к миру героев его пьес вполне понятны и объяснимы. «Александр Николаевич Островский, конечно, не типичный драматург, а особенный, можно сказать, отдельный. Он сугубо русский драматург. И главное его достоинство – создание русских типов своего времени. В любом своём произведении, будь это драма или комедия, он выразил своё время, да так удачно, что всё, о чём он написал, вечное. Он абсолютно современен...» Так писал в 2003 году в добром слове для «Губернского дома» ещё один наш земляк, выдающийся драматург Виктор Сергеевич Розов (к слову, тоже юбиляр этого года – 110 лет).

Александр Николаевич Островский родился 12 апреля. В этот же день, спустя 138 лет, в космос полетел Юрий Алексеевич Гагарин, родословием своим также связанный с Костромским краем. Есть нечто символическое в этом совпадении. Как и космическое пространство, пространство произведений Островского загадочно и притягательно, и каждый читатель или зритель может путешествовать в нём и делать свои открытия. Совершим и мы путешествие по страницам журнала, наполненным благодарной памятью и любовью к нашему юбиляру. Милости просим в «Губернский дом»!

Дорогие друзья!

В этом году мы отмечаем 200-летний юбилей выдающегося русского литературного деятеля, великого драматурга Александра Николаевича Островского, чье творчество неразрывно связано с Костромским краем.

В соответствии с Указом Президента России масштабные мероприятия в честь 200-летия со дня рождения драматурга пройдут по всей стране. И наш регион занимает в них одно из центральных мест. В Костромской области запланировано более 300 различных мероприятий, посвященных жизни и творчеству великого русского драматурга.

Творческое наследие Александра Николаевича Островского является предметом гордости нашей отечественной культуры и литературы. Президент России Владимир Путин отмечал, что сбережение культурного и духовного наследия — это один из ключевых государственных приоритетов. Роль культуры неопределима в сохранении национальной идентичности нашей страны.

Коллектив журнала провел кропотливую, плодотворную работу по подготовке номера,

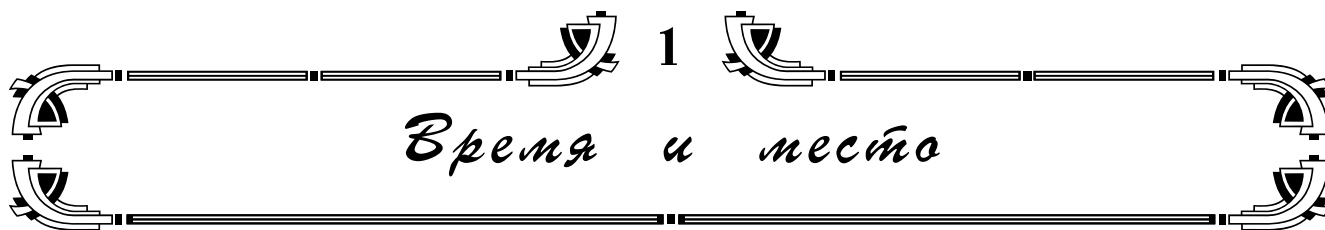
посвященного 200-летию со дня рождения Александра Николаевича Островского. Выражаю признательность сотрудникам «Губернского дома» за безупречное служение делу сохранения и развития российской культуры.

С.К. СИТНИКОВ,
губернатор Костромской области

Фамильное захоронение Островских в с. Николе-Бережки. 2019 год.

Фестивали

ДНИ ОСТРОВСКОГО В КОСТРОМЕ

Островский... Почему он так популярен? Ведь в его пьесах не происходит каких-нибудь экстраординарных событий: его герои книг не читают, ни о чем таком важном не рассуждают, живут как живется. Он с самого начала отказывается от эффектных сценических приемов и исключительных обстоятельств. В его пьесах нет экстремальных ситуаций и исключительных героев. В них обычные ситуации с обычными людьми, драмы которых уходят в быт и человеческую психологию. Не случайно Островский считается создателем жанра психологической драмы с ее внешним и внутренним конфликтами. Героями его пьес становятся не исторические деятели и дворяне, обычно населявшие высокие трагедии. Островский первым в русской драматургии выводит на передний план негероический быт темного купеческого царства. Купечество считалось прослойкой, призванной всего лишь обеспечить наполнение товарами лавок и магазинов. До Островского купцы на сцене появлялись либо как персонажи комические, либо как эпизодические. Основой пьес Островского становится повседневная жизнь, складывающаяся из незаметных, непримечательных событий и фактов. В пьесах Островского, как и в жизни, комическое и трагическое идут рядом, полностью нарушая устоявшиеся к тому времени театральные традиции. Его герои не плохие и не хорошие. Они живые. И им веришь. Они такие, как в жизни: далеко не идеальные,

однако обаятельны. Но их жизнь насыщена таким количеством подробностей, так невероятно интересна, что пьесы Островского по-прежнему бьют рекорды популярности. Но обаяние театра Островского порой таинственно и в чем-то самом важном и существенном до конца необъяснимо. Великий драматург не скрывает от зрителя горького и подчас скорбного содержания извечных коллизий русской жизни. Но он так умеет подать это содержание со сцены, осветить таким богатством театрального юмора, что даже самые безнадежные драматические сюжеты вселяют в душу духовную бодрость и свет. За это его и любят.

На просторах театральной России не проходит дня, чтобы на какой-нибудь сцене – столичной или провинциальной – не игрались бы его пьесы. При жизни драматурга критики не раз твердили, что он «исписался» и «устарел», после его ухода тревожились, что современный актер «разучился» играть Островского, а его герои продолжают жить в театре и пленять зрителей, как в былые времена.

И где, как ни в Костроме, мог зародиться первый фестиваль по пьесам Островского. Здесь вам покажут беседку Островского, по словам драматурга «Вид из этой беседки вниз и вверх по Волге такой, какого мы еще не видели до сих пор» (и не беда, что беседка уже не та). Покажут и церковь, в которой служил дед драматурга, и бульвар, описанный в пьесе «Гроза», и место, где стоял трактир из

«Бесприданницы». Именно здесь, в Костроме, впервые в провинции начали ставить пьесы молодого драматурга, быстро ставшего «хозяином русского театра». И первый в России театральный фестиваль спектаклей по пьесам А.Н. Островского тоже зародился здесь. Это старейший театральный фестиваль в России, ему удалось пережить и перестроечные времена, и лихие девяностые, когда прекратили своё существование многие фестивали.

Тогда в 1973 году, в Костроме впервые состоялся показ лучших спектаклей театров России по пьесам драматурга в связи с его 150-летием.

Это был настоящий праздник. Конференции, круглые столы, участники фестиваля экспериментально искали ответы на вопрос: «В чем состоит современное значение наследия А.Н. Островского?» Подводя итоги фестиваля, Министерство культуры РСФСР и Всероссийское театральное общество (ныне — Союз

театральных деятелей) приняли совместное постановление о регулярном проведении в Костроме «Дней Островского», включающих в себя не только показ лучших спектаклей театров по произведениям драматурга, их обсуждение, но также проведение научных конференций, сценографических и музейных выставок, связанных с историей постановок пьес самого известного русского драматурга.

Еще в 1979 году, подводя итоги фестиваля, журнал «Театральная жизнь» писал: «Показанные в Костроме работы, как правило, смотрелись с интересом, в каждой было что-то привлекательное, своеобразное, но оставили они впечатление далеко не одинаковое по глубине и целостности. Дело тут, думается, в качестве поиска, который может идти вместе с драматургом, а может лишь рядом с ним или вопреки ему».

Активное участие в работе фестиваля 1983 года принял Г.А. Товстоногов, отметивший на

Костромской драматический театр им. А.Н. Островского.
Сцена из спектакля «Не было ни гроша, да вдруг алтын». 2017 год.

закрытии фестиваля: «Я люблю Александра Николаевича Островского давно и преданно, считаю его современным автором, каким является каждый подлинный классик. Уверен, что Островский никогда не перестанет быть репертуарным автором. Но мне кажется, что мы еще не нашли современного подхода к богатой и разнообразной сокровищнице, какой является вся драматургия А.Н. Островского... Найти своё — вот задача».

С той поры это и стало своеобразной задачей фестиваля. Ведь все мы не просто ставим пьесы Островского, а пытаемся в них найти что-то, что мы пропустили, не заметили. Объективные факты: Островский остаётся в репертуаре русского театра, к нему обращаются режиссёры самых разных направлений. Постановки были разные, но никогда у публики не проваливался драматург. Зрителю нравится сама история, персонажи, текст, ибо это совершенство русской разговорной речи.

Сейчас фестиваль пройдет пятидесятый раз. Опять сошлись три даты: 215 лет театру, 100 лет назад театру было присвоено звание А.Н. Островского. За прошедшие десятилетия география фестиваля расширилась, включив в себя западные окраины России, просторы Урала и Сибири. В рамках фестиваля выступали театры Москвы и Петербурга, Нижнего Новгорода, Пензы и Казани, Оренбурга и Калининграда, Владивостока и целого ряда других городов.

В различные годы в фестивале принимали участие такие прославленные коллективы, как Государственный академический Малый театр России, Московский драматический театр им. М.Н. Ермоловой, Центральный академический театр Российской армии, Санкт-Петербургский академический театр им. А.С. Пушкина, театры из Орла, Белгорода, Иванова, Смоленска, Владимира, Архангельска, Рязани.

Всегда фестиваль открывает новое имя, всегда есть хоть один новый театр, — который ни разу не был на нашем фестивале. В разные годы это были Северский молодежный театр, Кимрский театр драмы, Камерный театр г. Череповца и т.д. Новое имя театр откроет и на этот раз. Ожидается, что фестиваль продлится

«Богатые невесты». Постановка 2019 года.

10 дней, пройдет в сентябре. Летом в театре отремонтируют фасад и внутренние помещения театра, в том числе заменят кресла в зрительном зале. Этот фестиваль будет отличаться и обилием столичных театров, и старых друзей. Конечно, будут и выставки костюмов, и фотовыставка «Фестивалю – 50», и «круглые столы», и «капустники». Министр культуры РФ Ольга Любимова приезжала в декабре в Кострому и обещала лично присутствовать на открытии фестиваля.

Театральному фестивалю «Дни Островского в Костроме» — жить дальше и радовать зрителей новыми встречами с пьесами великого мастера.

Е.В. ПУЧКОВА,
*заведующая литературно-драматической
частью Костромского театра имени
А.Н. Островского*

200-ЛЕТИЮ А.Н. ОСТРОВСКОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ...

В юбилейный год, посвящённый 200-летию А.Н. Островского, Музей-заповедник «Щелыково» планирует много мероприятий разной направленности, и одно из основных, безусловно, это выставки.

Выставка «Предметный мир пьес Островского», размещённая в литературно-театральном музее усадьбы (открыта в начале февраля 2023 года и до 28.08.), призвана помочь современному читателю лучше понять героев Островского, быт и уклад жизни разных сословий. Материалы к экспозиции были отобраны исходя из авторских ремарок в пьесах, реплик персонажей, относящихся к миру вещей того времени. На выставке представлены предме-

ты быта (дворянского, купеческого, крестьянского), предназначение многих из которых в наше время забыто. Здесь можно увидеть полку, собственноручно вырезанную драматургом, картины Б. Кустодиева и другие интересные вещи.

В преддверии главной юбилейной даты этого года откроется выставка «Семейный альбом драматурга А.Н. Островского» (литературно-театральный музей: 07.03 – 18.06. 2023 г.), рассказывающая о семье и близких друзьях драматурга, на которой будут представлены редкие подлинные фотографии и документы, издания XIX века (книги и ноты).

Межмузейный выставочный проект к 200-летию А.Н. Островского под эгидой Ассоциации литературных музеев Союза музеев России – «До Островского и после», который откроется 12 апреля в Москве в ГМИРЛИ им. В.И. Даля, в июле приедет в Щелыково. Выставка посвящена изучению литературных связей между пьесами А.Н. Островского и драматургией его предшественников и последователей: от Фонвизина и Гоголя до Чехова. Она поможет раскрыть основные особенности творчества Островского. Какие темы выбирает Островский и почему? Какие персонажи есть в пьесах Островского и что у них общего с персонажами Гоголя или Чехова? Почему Островский до сих пор не сходит с театральных подмостков? На выставке будут представлены личные вещи писателей, рукописи, книги, живописные и графические работы из коллекции ГМИРЛИ им. В.И. Даля, Музея-заповедника «Щелыково» и других музеев.

К 100-летию юбилею музея-заповедника откроется выставка «Память в лицах и делах. Вековая история музея» (сентябрь – ноябрь 2023). Представленные здесь документы и фотографии расскажут о создании и становлении музея, о важных этапах в его развитии.

«Гримерная актрисы». Полка резная, собственноручная работа А.Н. Островского.

Сюжет «Мир театра в пьесах Островского». Кресла из партера Малого театра. 1820-е годы.

Выставки, которые еще можно будет увидеть в нашем музее:

– «Щельково и щельковцы: от Островского до наших дней» (Голубой дом, август – октябрь), рассказывающая о театральных традициях места. На представленных уникальных фотографиях можно будет увидеть звезд театра и кино с удочками и корзинами, играющими в волейбол или теннис, репетирующих капустник или готовящих уху из свежепойманной рыбы;

– «Наше великолепное Щельково» (июнь – август) и «Зима не вечна» (ноябрь – январь), вернисажи картин художников, часто приезжавших и приезжающих на пленэр в Щельково. По некоторым из этих картин можно проследить изменения пейзажей Щелькова или воссоздать то, что было утрачено во времени;

– совместный проект с обществом книголюбов – выставку экслибриса и миниатюрной книги по произведениям А.Н. Островского можно будет увидеть в ноябре в Голубом доме;

– «Рождественские мотивы» (декабрь – январь) – выставка о рождественских и новогодних традициях и обычаях щельковских мест.

В этот год выставки из собрания Музея-заповедника «Щельково» можно будет увидеть во многих городах и музеях страны: Санкт-Петербурге, Москве, Пензе, Саратове, Белгороде, Воронеже, Кинешме, Калининграде, Юрьевце, музее Н.А. Некрасова «Карабиха».

В июне у нас откроется обновленная экспозиция «Дух времени таков...», посвященная сценическим воплощениям пьес Островского в разные эпохи. Пространство этой выставки будет превращено в театр (сцена, закулисы,

зрительный зал), в котором экспонаты – программы, афиши, эскизы и макеты декораций и костюмов, созданные известными театральными художниками (братья Стенберги, Рынди́н В.Ф., Дмитриев В.В., Сельвинская Т.И., Бархин С., Кочергин Э. и др.), – будут играть главную роль.

В юбилейный год музей планирует расширить цифровизацию пространства. Сейчас уже есть аудиогид, созданный совместно с «Ростелекомом», и аудиоспектакль «Островский и цветы» на платформе подкаста «Жуть», сделанный в рамках спецпроекта Союза театральных деятелей РФ. В апреле планируется запустить собственное мобильное приложение музея, которое позволит посетителям комфортно бродить по дальним уголкам парка, не боясь заблудиться, – в приложении будет карта заповедника, работающая в офлайн ре-

жиме, ведь из-за сложного рельефа сигналы сотовой связи доступны не везде. Также здесь будет информация по постройкам, которые не сохранились до нашего времени, и элементам «дополненной реальности».

Уже начиная с мая в мемориальном парке «откроются» мини-читальни – места для отдыха, где помимо лавочек будут еще небольшие шкафы с книгами. На полках для читателей, решивших передохнуть в тени, будут произведения А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова и других авторов.

В канун празднования 200-летнего юбилея со дня рождения А.Н. Островского (12 апреля), а также 150-летия написания пьесы «Снегурочка» (4 апреля) музей планирует провести «Неделю Островского» – цикл мероприятий для посетителей с рассказами об Островском и его пьесах. Старт этой неделе, в первых числах

«Чаепитие». Экскурсию ведет директор музея А.В. Родионова. 2023 год.

апреля, даст концерт студентов театрального училища им. М. Щепкина при Малом театре, попасть на которой смогут посетители музея, записавшиеся заранее и купившие билет на любую из выставок в этот день.

В День памяти А.Н. Островского (14 июня) пройдет панихида на могиле драматурга и торжественное мероприятие на территории музея-заповедника, в котором примут участие артисты Малого театра, театра им. В. Маяковского, костромского драмтеатра им. А.Н. Островского и других. Также в этот день планируется показ студенческого спектакля по одной из пьес А.Н. Островского выпускного курса ВТУ им. Б. Щукина при театре им. Е. Вахтангова и открытие планшетной выставки «Обетованная земля Александра Островского», посвященной Щелькову.

Запланирована церемония гашения юбилейной марки, выпущенной Министерством цифрового развития к юбилею драматурга. Дата будет объявлена дополнительно.

Традиционная «Щельковская усада» – усадебный праздник варки варенья, пройдет в этом году 22 июля. На празднике можно будет посмотреть интересное театрализованное представление, попробовать варенье (рецепт этого года мы объявим в июне в соцсетях), поиграть в народные игры, купить изделия различных мастеров, поучаствовать в мастер-классах и многое другое.

Поскольку А.Н. Островский был страстный рыбак, то планируется заложить традицию проведения фестиваля рыбной ловли. Не менее страстными рыбаками были и некоторые известные артисты, часто отдыхавшие в Щельково. Провести такой фестиваль планируется летом этого года.

Основные программы творческой Резиденции СТД РФ «Щельково» состоятся в августе, и почти весь месяц у посетителей музея будет шанс увидеть спектакли на открытой площадке, перфомансы в парке и в окрестных полях, работы художников и архитекторов, расположенные в самых неожиданных местах.

Сюжет «Денежный вопрос».
Справа кошелек дамский «монетница-скряга».

В начале сентября пройдут традиционные «Щельковские чтения» на тему «А.Н. Островский – человек, драматург, мыслитель». Завершающим большим аккордом юбилейного года станет празднование 100-летнего юбилея музея в сентябре. Планируется выступление актеров, режиссеров, художников, чья жизнь неразрывно связана с Щельково, различных театральных и музыкальных коллективов, праздничная программа.

Коллектив музея всегда старается придумать для посетителей что-то новое и интересное, так что когда бы вы ни планировали свой визит к нам, загляните на наш сайт или в соцсети и узнайте, что еще вас ждет в музее-заповеднике, кроме выставок и прогулок в парке.

Будем рады видеть читателей «Губернского дома» в этом году в Щельково!

А.В. РОДИОНОВА,
директор Музея-заповедника «Щельково»

МЕБЕЛЬ ИЗ КВАРТИРЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО

В собрании Костромского музея-заповедника хранятся предметы, имеющие прямое отношение к А. Н. Островскому и его семье. Большая часть из них была приобретена музеем у внучки драматурга, Марии Михайловны Шателен, в 1962 году. Общее количество предметов – 23. Ниже приводятся каталожные данные на эти предметы мебели, а также справка М.М. Шателен, содержащая их историю. Согласно принятой в музее классификации предметы хранятся в 3-х фондах:

1. «Литературный музей»

1 предмет:

КМЗ КЛМ ОФ-484. Фотография на картоне. Внучка А.Н. Островского М.М. Шателен и М.А. Островская. 1973 г.

2. «Фото-аудио-видео материалы»

2 предмета:

КМЗ КОК-48031. Документ. Справка, выданная М.М. Шателен – внучке драматурга А. Н. Островского, подтверждающая продажу мебели, принадлежавшей А. Н. Островскому, костромскому музею.

КМЗ КОК-16125/20. Фотография. Внучка А.Н. Островского М.М. Шателен с мужем и ребёнком.

3. «Дерево. Разное». 20 предметов:

КМЗ КОК-17011. Буфет двухъярусный трёхстворчатый, шпонированный (фанированный) дубом. Вверху буфета – резные украшения. 1860-1870-е гг.

КМЗ КОК-17543. Стол обеденный четырёхугольный, обклеенный дубовым шпоном. 1860-1870-е гг.

КМЗ КОК-17542/1-8. Стулья дубовые от столового гарнитура драматурга. 8 шт. 1860-1870-е гг.

КМЗ КОК-17544. Диван угловой с резными украшениями на спинке. 1850-1860-е гг.

КМЗ КОК-17009, КМЗ КОК-17010. Книжные шкафы двухъярусные.

КМЗ КОК-17547/1-4. Стулья из ореха. 4 шт. Три стула обтянуты гобеленовой тканью. У четвёртого стула ткань более поздняя, бордовая. 1880-е гг.

КМЗ КОК-17545. Диван из кабинета писателя, шпонированный ореховым деревом и оббитый гобеленовой тканью. 1880-е гг.

КМЗ КОК-17546. Кресла ореховые резные. Спинка и сиденья обиты гобеленовой тканью. 1880-е гг.

Диван из кабинета писателя А.Н. Островского. 1880-е годы.
КМЗ КОК-17545.

Стул. 1880-е годы.
КМЗ КОК-17547/2.

Стул дубовый. 1860-1870-е годы.
КМЗ КОК-17542/2.

Книжный шкаф двухъярусный. II пол. XIX века.
КМЗ КОК-17009.

Кресло резное. 1880-е годы.
КМЗ КОК-17546.

Справка

Я, нижеподписавшаяся, внучка драматурга А.Н. Островского (дочь старшей дочери А.Н. – Марии Александровны, по мужу Шателен), Шателен, Мария Михайловна, настоящим подтверждаю, что проданная мною Костромскому историко-архитектурному музею-заповеднику 24 мая 1962 года мебель, перечисленная в приёмо-сдаточном акте, действительно принадлежала Александру Николаевичу Островскому и стояла в его квартире в Москве в доме кн. Голицына на Пречистинке (ныне ул. Кропоткина) у храма Спасителя (адрес взят с конвертов, адресованных А.Н. Островским своей жене). Мебель была вывезена из Москвы вдовой драматурга Марией Васильевной Островской в начале 90-х гг. XIX в., когда она переехала на постоянное жительство в Петербург, где жили её сын Сергей Александрович Островский и дочь (моя мать) Мария Александровна Шателен с семьёй. Мебель стояла частично на квартире М.В. Островской в д. № 93 по наб. р. Мойки, частично в квартире С.А. Островского (адрес мне неизвестен). После смерти М.В. Островской (1906 г.) стоявшую в её квартире мебель унаследовал С.А. Островский. С 1907 г. и по настоящее время мебель стояла в квартире в доме № 20 по Красной (ранее Галерной) ул., где мой дядя, С.А. Островский, жил до 1920 г., а с 1920 г. живу я со своей семьёй. После смерти Сергея Александровича Островского (в 1929 г.), обстановка столовой и кабинета так и осталась в нашей семье. Все стоявшие в книжных шкафах книги из библиотеки А.Н. Островского, а также рукописи, хранившиеся в этих же шкафах, были мною, почти сразу после смерти С.А. Островского, переданы в Институт русской литературы (Пушкинский дом) Акад. наук СССР, где последние годы своей жизни работал С.А. Островский. Туда же, несколько позже, мною был передан письменный стол А.Н. Островского, так как в связи с разделом квартиры и значительным уменьшением занимаемой мной площади поставить этот стол у себя мне было некуда, и он последние годы находился в другой квартире у совершенно посторонних А.Н. Островскому лиц. Остальную обстановку Институт

не мог взять за полным отсутствием места для её размещения.

В квартире моих родителей, Марии Александровны Шателен (урожд. Островской) и Михаила Андреевича Шателена, тоже стояла мебель из квартиры А.Н. Островского, а именно спальня А.Н., его бюро и кое-что из гостиной обстановки; мне это известно из рассказов родителей, а также из попавшей ко мне после смерти отца переписки матери с ним 1891 г. После смерти отца, чл.-корр. Акад. наук СССР, Михаила Андреевича Шателена, согласно высказанным им ещё при жизни пожеланиям, обстановка спальни была направлена в Дом-музей А.Н. Островского в Щелыково, а бюро и единственная уцелевшая из обстановки гостиной вещь – угловой диван – были переданы мне. По той же причине, что и письменный стол, бюро я также передала в Пушкинский дом.

Стоявшая в моей квартире обстановка, помимо того, что ею приходилось ежедневно пользоваться, и поэтому она несколько поизносилась, ещё сильно пострадала от блокады Ленинграда, особенно обстановка столовой, которая всю войну простояла фактически под открытым небом, под слоем обвалившихся¹ потолочной штукатурки, обломков стропил и балок и т. п.

В дополнение ко всему ранее указанному сообщаю, что гарнитур столовый и угловой диван стояли в квартире А.Н. Островского много лет, а кабинет появился уже в 80-х годах, когда несколько улучшилось материальное положение драматурга. Эти сведения я привожу со слов моего отца.

М. Шателен
24 мая 1962 г.
г. Ленинград, Красная ул. 20, кв. 99.
(КОК 48031)

Материал подготовлен
О.Н. РУМЯНЦЕВОЙ,
кандидатом культурологии

Примечания

1. Вероятно, пропущено слово.

Экскурсии Костромского музея-заповедника по памятным местам, связанным с А.Н. Островским, читайте – стр. 112.

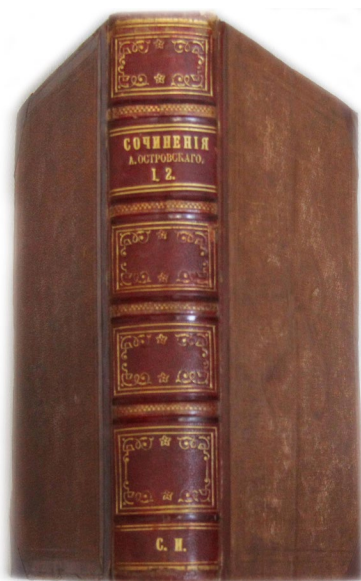
КОЛЛЕКЦИЯ «РЕДКАЯ КНИГА»

Понятие «Редкая книга» не имеет четкого определения в книговедческой литературе. Какую книгу следует называть «редкой»? Существуют разные мнения: книга, которая сохранилась в единичном экземпляре; книга необычной судьбы или высокого уровня художественного, полиграфического исполнения; книга, принадлежавшая известному человеку; книга, изданная более века назад и ранее.

Все эти качества можно объединить одним словом – «ценная». Кроме уникальности содержания, красоты оформления в расчет берутся особенности, отличающие данный экземпляр от множества других того же издания: автографы, экслибрисы, пометы, помогающие проследить не только судьбу книги, но и судьбу ее хозяина.

Опираясь на эти критерии, учитывая все особенности книги, в 1986 году из научной библиотеки музея-заповедника «Щельково» был выделен отдельный самостоятельный фонд – «Редкая книга». Дальнейшее формирование коллекции шло по разным направлениям и из разных источников. Книги привозили из экспедиций, закупали в букинистических магазинах и книжных лавках, принимали в дар от коллекционеров, актёров, людей искусства. Значительная часть коллекции поступила из Центральной научной библиотеки СТД и обменного фонда Российской государственной библиотеки. В настоящее время коллекция насчитывает около 6000 единиц хранения и состоит из 8 больших разделов.

Первый и самый ценный раздел коллекции – «Прижизненные издания А.Н. Островского». В него входят: первое двухтомное издание сочинений драматурга 1859 года Кушелева-Безбородко, издания Д.Е. Кожанчикова – 1867-1868 г., 1870 г; С.В. Звонарева – 1872 г., А.А. Краевско-

Островский Александр Николаевич. Книга. Конволют Сочинения – [В 2 т.] – Т. 1-2 – Издание Графа Г.А. Кушелева-Безбородко. – СПб. – Тип. Рюмина.

го – 1874 г., Е.П. Кехрибарджи – 1884 г., Н.Г. Мартынова – 1885-86 г., а также издания отдельных произведений разных лет.

Второй раздел – «Русская классика». В нем представлены произведения писателей – предшественников и современников драматурга, среди которых большое место занимают произведения Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.В. Дружинина, И.А. Гончарова, А.А. Потехина, П.М. Невежина и других.

Третий раздел – «Периодика» (периодические издания, журналистика). В фонде хранится более 20-ти наименований журналов, по которым можно проследить всю историю русской журналистики от Н. Новикова и М. Ломоносова до октябрьских событий семнадцатого года XX века.

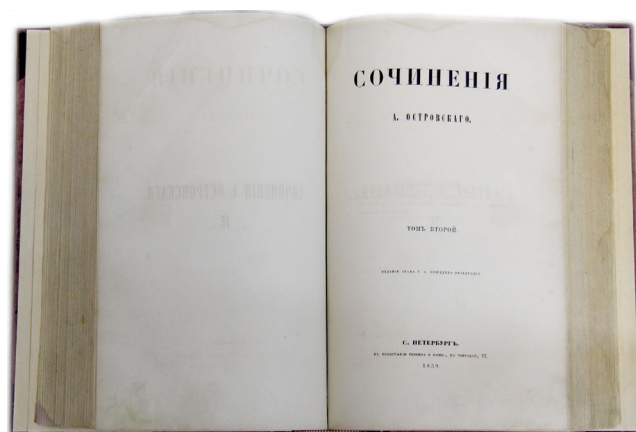
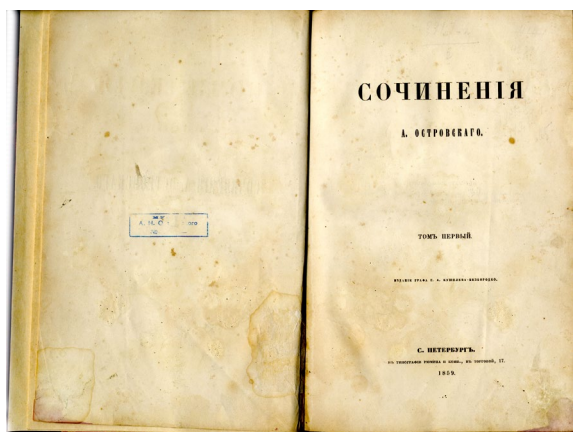
Важно то, что мы располагаем полным перечнем журналов, в которых А.Н. Островский печатал свои пьесы в разные годы: «Москвитянин», «Современник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Время», «Дело», «Телеграф».

Четвёртый раздел – «Литература о театре». В него входят книги: по истории театра, методические и практические руководства по устройству театральной сцены, театральному гриму, театральной декорации, очерки и воспоминания о жизни известных актёров, режиссёров, словари и альбомы драматических актёров и др.

Этот раздел дополняют уникальные по значимости книги с автографами известных актрис Императорского Малого театра М.Н. Ермоловой и Г.Н. Федотовой. Имеется несколько книг с пометой «Из книг М.П. Садовского».

Пятый раздел – «Научно-справочная литература». Его составляют: многотомные энци-

**Островский Александр Николаевич. Книга. Конволют Сочинения – [В 2 т.] – Т. 1-2 –
Издание Графа Г.А. Кушелева-Безбородко. – СПб. – Тип. Рюмина.**

клопедические словари Брокгауза и Ефрона (1890-1895 гг.) и Павленкова (1913 г.); русский биографический словарь (1908-1909 гг.), толковый словарь Даля (1903-1909 гг.), критико-биографический словарь Венгерова (1889 г.), иностранные словари. В него же включена литература по истории, экономике, сельскому хозяйству.

Шестой раздел – «Музыка. Ноты» – содержит книги о жизни и творчестве композиторов, о развитии оперы в России, об известных оперных постановках. Из нот самые ценные: «Снегурочка» П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакова; а также подборка «Собрания любимых цыганских песен» с автографами дочери драматурга Любови Островской.

В седьмом разделе – «Народная культура» – собраны книги, которые знакомят с народными ремеслами и фольклором. Песни, легенды, сказания, былины, собранные П.В. Киреевским, П.Н. Рыбниковым, П.В. Штейном в разных уголках России, дают богатый материал для изучения русского народа.

В восьмом разделе – «Иностранная литература» – представлены произведения знаменитых писателей: Шекспира, Скаррона, Прудона, Мольера, Кальдерона и др., а также популярный в 1870-е годы французский журнал «Обзорение двух миров».

Особое место в коллекции занимает «Церковная книга». Среди этих книг имеются экземпляры XVIII века с пометой «Книга принадлежит Никольскому храму». Храм св. Николая

находился на территории усадьбы драматурга, его посещала семья Островского и сам Александр Николаевич. На погосте Никольской церкви находится фамильное захоронение Островских.

Кроме того, музей располагает подборкой газет XIX века, в которой более пятисот единиц хранения. В газетах «Московские ведомости», «Русское слово», «Голос», «Дело» в хронике «Театр» часто упоминается А.Н. Островский с новой пьесой, печатаются критические статьи и заметки о театральных постановках пьес драматурга.

Главной задачей комплектования коллекции «Редкая книга» является воссоздание щелыковской библиотеки А.Н. Островского, утраченной в двадцатые годы XX века. Несомненно, библиотека, которую начинал собирать еще отец драматурга – Николай Федорович, представляла большую ценность. В ней были собраны книги русских и иностранных авторов, исторические труды, разнообразные периодические издания. Всего около трех тысяч наименований. Сохранилась пошкафная опись книг, сделанная Сергеем Александровичем Островским, сыном драматурга (издана: Академия наук СССР. Библиотека А.Н. Островского. Ленинград. 1963 г.), согласно которой ведется комплектование аналогов печатных изданий, составлявших библиотеку А.Н. Островского. Сотрудники музея хранят и изучают уникальную коллекцию и всегда готовы поделиться

интересными фактами, собранными на страницах книг.

Некоторые факты об издании первого собрания сочинений А.Н. Островского. Первое собрание сочинений А.Н. Островского в 2-х томах было издано в 1859 году графом Г.А. Кушелевым-Безбородко, отпечатано в типографии Рюмина и КО, С.-Петербург. Конец 1850-х годов был тяжелым периодом в творческой деятельности А.Н. Островского. Критика ругала, нападала, травила. Говорили, что Островский «исписался». Узнав, что граф Г.А. Кушелев-Безбородко приобрел и отлично издал стихотворения А.Н. Майкова, Островский просит И.Ф. Горбунова хлопотать у Кушелева о приобретении и его сочинений, что явилось бы для него «совершенным благодеянием». В письме от 16 июня 1858 года Александр Николаевич писал: «Сделайте милость, любезнейший Иван Федорович, хлопочите. Надо ковать железо, пока горячо. Желания графа купить мои сочинения меня чрезвычайно обрадовало».

Сам Островский вел речь только о пьесах, не печатавшихся отдельно, но издатель, против его ожиданий, выразил желание приобрести все его сочинения. Александр Николаевич был этим чрезвычайно обрадован, мало того, граф Кушелев-Безбородко предоставил возможность ему самому назначить авторский гонорар. Личность графа Г.А. Кушелева-Безбородко была известна и популярна среди людей искусства и литературы. Этот несметно богатый потомок екатерининского вельможи считал себя меценатом, особо благоговел перед литературой. В его доме гостили А. Писемский, И. Гончаров, Л. Мей, И. Тургенев, А. Фет, Д. Григорович и другие. Простоватый и добродушный, он легко давал деньги на литературные предприятия, которые другим издателям казались не в подъем. Островский продал графу право на издание своих сочинений в 2-х томах за 4000 рублей. И графа нисколько не смущало, будет ли раскупаться двухтомное издание пьес, или он останется в убытке.

Еще для Островского стало редкой удачей, что цензором собрания сочинений оказался И. Гончаров, и именно с его благожелательной

помощью в первом томе появилась ранее запрещенная комедия «Свои люди – сочтемся», хоть и с некоторыми изменениями, внесенными самим автором.

На выход издания Кушелева-Безбородко большими статьями откликнулись многие журналы: в «Отечественных записках» статья с отзывом Н.Н. (князя Н.С. Назаревича), в «Библиотеке для чтения» А.В. Дружинина. «Современник» поместил статью «Темное царство», подписанную: Н. – боков (псевдоним молодого талантливого, остроумного и дерзкого критика Н. Добролюбова). Два тома, изданные Кушелевым-Безбородко, окончательно убедили Добролюбова, что речь идет о писателе, глубоко зачерпнувшим народную жизнь и заслужившим от критики иного суда, чем тот, на который она до сих пор была щедра.

Островский, хотя и говорил, что совершенно равнодушен к тому, что о нем пишут, но никогда не был безразличен к отзывам о себе: «Меня возмущает несправедливость. Если собрать все, что обо мне писали до появления статей Добролюбова, то хоть бросай перо. И кто только не ругал меня?»

В этот период творческой жизни А.Н. Островского два человека, граф Кушелев-Безбородко, издавший собрания сочинений в двух томах, и критик Н. Добролюбов, опубликовавший статью «Темное царство», утвердили, добавили известности и вдохновили драматурга на новую работу. Издание двухтомного собрания сочинений в 1859 году стало подведением итогов первого раннего периода творчества драматурга А.Н. Островского.

Книги из коллекции «Редкая книга» и в настоящее время остаются востребованными. Посетители библиотеки находят ценные материалы для своих докладов, статей, диссертаций. Книги являются выставочным материалом для многих выставок. Регулярно в соцсетях публикуются статьи об уникальных изданиях. Фонд коллекции «Редкая книга» систематически пополняется.

С.Н. СТРЕЛИНСКАЯ,
хранитель музейных
предметов Музея-заповедника «Щельково»

И ВНОВЬ ОТКРЫТЫ ДВЕРИ ШКОЛЫ

А.Н. Островский считал, что народное образование играет в общественном развитии решающую роль. Он активно пропагандировал свои просветительские взгляды и в жизни, и в творчестве. Герой пьесы «Таланты и поклонники» Петр Мелузов, молодой человек, кончивший курс в университете и ожидающий учительского места, говорит, обращаясь к чиновнику Бакину: «У нас с Вами... постоянный поединок, непрерывная борьба. Я просвещаю, а вы развращаете... я... свое дело буду делать до конца. А если я перестану учить, перестану верить в возможность улучшать людей или малодушно погружусь в бездействие и махну рукой на все, тогда покупайте мне пистолет, спасибо скажу».

11 января 1882 года деньги в сумме 1016 рублей, собранные Петербургским клубом художников на создание ученической стипендии имени А.Н. Островского, по желанию драматурга поступили в Кинешемскую земскую управу. На эти деньги земством был приобретен участок земли в сельце Панарыне для строительства училищного дома с необходимою мебелью, классными принадлежностями и помещением для учительницы. Александр Николаевич принял на себя звание попечителя этого училища. В 1883 году как попечитель школы Островский пожертвовал на ее достройку дополнительно 516 рублей.

Александр Николаевич поощрял занятия своих детей с деревенскими ребятами. Особенно охотно обучала их грамоте дочь драматурга Мария.

Часто приезжала в Щельково и сестра Островского по отцу Надежда Николаевна Островская. Она преподавала язык и литературу в Сиротском и Николаевском женском институтах, имела собственное учебное заведение. С 1880 года была попечительницей Сретенского женского городского училища, состояла в должности члена-контролёра, а за-

Начальная школа им. А.Н. Островского.

тем помощницы председательницы Общества вспомоществования гувернанткам и домашним учительницам. Первыми её публикациями были «Азбука для обучения по звуковому методу» и «Руководство для учащихся». В 1881 году она сотрудничала в журнале «Детский отдых». Позднее стали появляться её рассказы и повести для детей старшего и младшего возраста.

Следует упомянуть, что учительницей стала и внучка драматурга Марианна Островская, дочь сына Александра. Всю свою жизнь она посвятила школе и была удостоена почётного звания – заслуженного учителя РСФСР.

После смерти Островского зашла речь о строительстве народного училища в Щелькове, и в 1897 году оно было построено. 16 сентября 1899 года Кинешемское уездное земское собрание постановило: присвоить построенному в усадьбе Щельково народному училищу имя А.Н. Островского. 23 декабря того же года Министерство народного просвещения утвердило это решение.

Попечителем учебного заведения стала жена драматурга Мария Васильевна Островская. Закон Божий в новом учебном заведении преподавал священник погоста Николо-

Бережки Михаил Успенский, а учительницей стала Александра Баскакова, окончившая Московскую женскую гимназию и служившая до этого в Костромском двухклассном женском училище.

С тех пор школа ни разу не закрывалась. Много мальчишек и девчонок прошло через стены щельковской школы. Во время Великой Отечественной войны в школе учились дети эвакуированных из Москвы сотрудников и актеров московских театров.

В алфавитной книге школы, в которую записывают пришедших первоклассников, на одной странице можно увидеть имена разных поколений одной семьи. На букву «С» в 1956 году записан Николай Сухарев (мой свекор), в 1983 – Сухарев Михаил (мой муж), а в 2011 и 2013 – наши дети Матвей и Арина Сухаревы. Автор статьи отработала в этой школе 9 лет.

Любовь Семеновна Бастырева, Мария Ивановна Комарова, Галина Александровна Веселова, Ирина Юрьевна Асонова – имена учи-

телей, которых с любовью и благодарностью вспоминают ученики нашей школы.

В 2005 г. Постановлением губернатора Костромской области от 3 февраля 2005 г. №38 начальное училище им. А.Н. Островского (с. Щельково) включено в список памятников истории и культуры регионального значения.

В 2012 году к школе был присоединён Щельковский детский сад.

В 2022 году отметила школа своё 125-летие и стоит она в своем первоизданном виде.

Сейчас заведует школой и учит ребят грамоте Наталья Михайловна Соловьева, сама когда-то ставшая первоклассницей в этих стенах.

На базе школы много лет проводится программа «Маленькая музейная школа». На ее занятиях ребята посещают святая святых музея – его фондохранилища, экспозиции, ближе знакомятся с трудом музейных сотрудников, с историей своей малой родины.

А еще едут ученики со всей России на «Урок в старой школе», который проходит в с. Нико-

Учитель Г.А. Веселова с учениками. 1962 год.

На уроке в старой школе.

ло-Бережки в «Доме Соболева». Гостеприимная хозяйка дома покажет предметы крестьянского быта и расскажет о жизни в костромской глубинке в конце XIX – начале XX веков.

Как только прозвонит колокольчик, ребят пригласят на урок в сельской школе, устроенной в светелке крестьянской избы. За большим столом попробуют гости писать на берёсте и восковых дощечках, гусиными перьями в старинных прописях. Занятие по грамматике сменится арифметикой. Школьники познакомятся со старинными мерами длины, узнают, что

такое аршин и вершок. Нерадивых учеников строгий учитель в конце урока может и наказать, поставив на горох.

После занятий ученики отведают горячей каши из русской печи с краюхой хлеба и чашкой ароматного чая с травами.

В жизни каждого человека обязательно должен быть урок, на котором учитель зажигает в его душе маленькую искру любви, добра, надежды.

И не погаснет эта искра, пока светятся школьные окна...

Е.Н. СУХАРЕВА,

заведующая отделом

Музея-заповедника «Щельково»

Литература

1. Островский А.Н. Сочинения. В 3-х т. Т.3. Пьесы. 1973-1883./ сост. и коммент. В. Лакшина. М.: Художественная литература, 1987. С.420
2. Купцова О.Н. Надежда Николаевна Островская. / Щельковские чтения. А.Н. Островский и современная культура. / под ред. к.ф.н., проф. КГУ им. Н.А. Некрасова И.А. Едошиной. 2000. С. 83—96.
3. Ревякин А.И. Островский в Щелькове. / Ред. Н.С. Гродская. М.: ВТО, 1978. С. 107, 108.
4. Муренин Н. Столетняя школа. Губернский дом. Кострома. 1-2. 1998.

Празднование 120-летия школы. 2017 год.

ГАЛИЧСКИЙ ТРАКТ: ДОРОГА В УСАДЬБУ ОСТРОВСКОГО

Вблизи усадьбы А.Н. Островского проходили три пути: Вятский тракт (именуемый в быту «большаком»), дорога на Галич (тракт «торговый»), Нижегородский тракт по левому берегу Волги – «почтовый». Все они, так или иначе, были связаны с драматургом.

Речь пойдет о Галичском, «торговом» пути, по которому А.Н. Островский ездил в Кинешму на заседания мировых судей, на ярмарки в Семеновское и просто в гости. По нему же он добирался из Москвы в свою усадьбу Щелыково. Этот путь в течение жизни он совершил более сотни раз. Что же представлял собой давно забытый всеми Галичский тракт во времена Островского? Старые дороги не исчезают бесследно, хотя обнаружить их не так-то просто. Былой тракт может обернуться проселочной дорогой или вовсе просекой в лесу. Многое, что было на тракте – забыто, еще больше утрачено безвозвратно. А то, что «сохранилось» – разрушается временем, погодой и... людьми.

Галичский тракт – старинный торговый тракт, соединявший Казань и Галич (Костромской губ.), большей частью своей проходивший по марийской земле. Называется так по городу Галичу, который находился на торговых путях, расходящихся лучом (именно в нем велись наиболее крупные торги). Торговцами даже был придуман свой язык, помогающий публично обсуждать любые секреты или плести козни, не боясь, что их раскроют. Галич был городом умелых и хитрых торговцев, а также смелых воинов. Его еще называют «городом трех крепостей», которые сменяли друг друга.

Когда возникла дорога, сказать сложно, но в середине XVI века она упоминается в связи со взятием Казани Иваном Грозным. Возможно, этот тракт существовал еще во времена расцвета Казанского ханства, и Царский полк

просто воспользовался им для наступления на Казань.

В течение долгого времени Галичский тракт был единственным маршрутом, соединявшим северную часть губернии с южной, и, кроме того, кратчайшим путем в торговый город Кинешму из Галича.

Со стороны Галича тракт прозывался Кинешемским, со стороны Кинешмы – Галичским. Бесспорно, проложили его там, где уже были деревни и села. Этот старинный тракт в какой-то степени проходил по той же самой дороге, что и сейчас. Дорога на Кинешму от Семеновского (с 1948 года – Островское) проходила по улицам, входящим некогда в деревню Волкоуша. Деревня эта древняя и большая. В XVII в. о ней сложилась пословица: «Сто домов – двести воров». В дальнейшем деревня слилась с Островским, в настоящее время – это улица Кинешемская (С прокладкой нового участка пути эта дорога, которой пользовались много столетий, оказалась заброшенной, хотя ею изредка пользуются местные жители). Далее тракт пролегал через деревни Крутец, Малое Березово, Вахраково, Ивашево, Угольское, Комарово, деревни Платково и Зубцово, Погост (ныне Бредихино), Чирково. Тракт обрывался у Волги, но не заканчивался. Заканчивался он уже в Кинешме, в центре, у почты, куда можно было попасть, переправившись через Волгу на пароме. Паром был старый, маленький, и в ветреную погоду переезд через Волгу становился просто опасным.

Военно-статистическое обозрение Российской империи, написанное в середине XIX века, среди больших торговых дорог Костромской губернии описывает Галичскую торговую дорогу: «Дорога из города Галича в город Кинешму считается не почтовой дорогой (губернской или малой), а торговой, <...>

идет открытою и возвышенною местностию часто пересекаемую значительными перелесками, реками, речками и оврагами. Дорога эта проходит чрез следующие реки: Чёлсму, Вялку, Корбу, Тебзу и Меру. <...> ». [8, с. 98] (сохраняем орфографию и пунктуацию автора – В.О). Где Кинешемская дорога пересекает реку Чёлсму, стояла мельница. Это на ней жил Аблесимовский мельник-колдун, обманщик и сват. Протяженностью эта дорога всего $108\frac{3}{4}$ версты (1верста = 1,067 км.). Это была обыкновенная грунтовая дорога. Основные пункты: Галич – Бартеневщина – Семёновское – Кинешма.

Афоризм Наполеона I «В России нет дорог – только направления» дает исчерпывающую характеристику состояния русских путей сообщения в начале XIX века. Да и что такое российская дорога? Разъезженные колеи, залитые осенним дождем. Валяющиеся рядом поломанные оси... Костромская губерния, при всей ее обширности, хороших дорог почти не имела. Галичский тракт, на 18-й версте (от Кинешмы) которого находится поворот на Щельково, не был исключением. Дорога Галич-Кинешма активно использовалась: по ней шел основной гужевой путь товаров из северных губерний на Волгу и обратно, ибо в Галиче часто проводили ярмарки для местных жителей и купцов из Вятского края. Несмотря на оживленность движения, он находился в очень плачевном состоянии. Перевозка по тракту проводилась в ту далекую пору не только на быстроногих, но и выносливых лошадях. Грузная телега могла перемещаться там только героическими усилиями и с черепашьей скоростью – не всякая повозка могла преодолеть непролазные хляби. Тем не менее, похвалу дорогам костромичи получали от высочайших особ. Разумеется, приятно было получить лестный высочайший отзыв, однако истинное положение тракта было иным. Грунтовая дорога постоянно выходила из строя, настилы через топкие места разбивались, деревянные мосты гнили. Именно о Галичском тракте драматург скажет словами Боева из пьесы «Дикарка»: «Да вот кстати – о путях сообщения! Вы дайте прежде возможность приезжать к вам, да потом уж и

приглашайте. Вот мы сейчас к вам ехали, так на Берендеевском мосту чуть было жисти своей не решились...» [11, с.141]. Хотя вся семья драматурга добиралась до Щелькова не на крестьянских телегах, поездка до усадьбы была трудной. Подчас запряженная в легкий безрессорный тарантас тройка выносливых рабочих лошадей везла Александра Николаевича те 18 верст (счит верстам в те времена начинался не от Волги, а от почты в центре Кинешмы) несколько часов: то прыгали, словно по каменным лестницам, то будто плыли по волнам. А чаще и то и другое: нырнешь – вынырнешь, упадешь на правый бок, потом – на левый. Осенний выезд из Щелькова с семьей и запасами драматург называл «многотрудным плаванием».

23 сентября 1885 года Островский сообщил в письме к В.Ф. Ватсону: «Я не писал вам долго, потому что сам с начала сентября все собираюсь в Москву. Я все жду, когда дорога поправится, но от непрерывных дождей она все хуже и хуже; теперь уж нет проезда ни в каком экипаже. Ездят в объезд, проселком и лесными дорогами, что возможно только в телеге в одну лошадь и то шагом. Вот положение – ехать надо, а ехать нельзя...» [12; с. 395,396]. Этим же путем, трясясь и чертыхаясь, ехали чиновники по делам службы в забытый богом лесной край. Если в ненастье эта дорога становилась непроезжей, то в жаркую погоду – нестерпимо пыльной.

О тягостном, неблагополучном состоянии губернских дорог живописно говорит следующий фрагмент: «Один иностранец, которому, как и мне, пришлось зараз сделать по галичскому тракту около 100 верст, вспоминал об этом ужасном событии с нервною дрожью в голосе, со слезами на глазах. И действительно, каково было его бедным иностранным костям, если и мне – русскому, казалось, когда я в первый раз совершал галичское путешествие, что чорт, и притом такой-же беспощадный, как изображен на фреске Ипатьевского монастыря, схватил мое брненное тело в свои мускулистые лапы и всеми силами старался вытряхнуть из него душу: то размахивал он его широко и отрывисто, так ударяя головой и другими частя-

ми о кибитку, что и кости, и кибитка трещали, то ожесточенно тряс его «мелкою дробью», так что зубы стучали и дрожало каждое мышечное волокно» (*сохраняем орфографию и пунктуацию оригинала – В.О.*) [13, с.164]. Незадолго до земской реформы, в конце 1850-х гг., автор статистического описания Костромской губернии Я. Крживоблоцкий, писал: «...Шоссейных дорог в губернии нет, почтовые же на протяжении 1636 верст вообще не в удовлетворительном состоянии» [8, с. 79].

В пору своей общественной деятельности в Кинешемском уезде (состоял гласным Кинешемского земства с 1874 по 1880 г.) Островскому приходилось заниматься и вопросами улучшения дорог. Состояние дорог зависело от того, в чьем ведении они находились. «Почтовые» и «земские» тракты обычно содержались за счет уездного земства. «Проселочные» дороги и тракты ремонтировались или владельцем того участка, по которому проходила дорога, или местным населением (т.н. дорожная повинность). Это значит, что жители окрестных сел и деревень каждую весну, как только спадет весенняя вода на ручьях и реках, проклиная свою судьбу, выходили чинить мосты, ровнять рытвины и засыпать образовавшиеся промоины. Еще существовала практика бревенчатой выстилки, в результате дорожные сооружения быстро изнашивались, и их приходилось чинить порой по 2-3 раза за один сезон. Следующей весной все повторялось снова, и казалось, что этому не будет конца. Если брать в счет Кинешемский уезд, отличие трактов от проселков было незначительно. И те и другие, можно сказать, жили своей жизнью. И напоминали они действительно «направления»: о дороге напоминали только колеи и «изрезанная» почва. Узкие колеса телег разрезали глинистую почву, а лошади вдобавок домешивали ее. В местах с наиболее интенсивным движением такая почва после дождей образует порой долго не высыхающую вязкую массу, а в сухую погоду – глубокие колеи. На таких дорогах и чинить было нечего. Ремонтировались только существующие мосты и переправы. Такими были дороги, хотя задачи земства по содержанию дорог и земских станций были

первоочередными и обязательными и находились под контролем губернского начальства [2, с.49]. Траты на дорожное строительство занимали довольно значительное место в расходной части земских бюджетов и никогда не были для земцев делом любимым. Лишь в конце XIX земством предпринимались попытки привести кинешемско-галичскую дорогу в более-менее приличное состояние, правда, произошло это не по местной инициативе. 12 июля 1889 г. были преобразованы некоторые учреждения, созданные для проведения крестьянской реформы. Расходы на их содержание были изъяты из числа обязательных в земском бюджете законом 1 июня 1895 г. Средства, которые прежде шли на содержание мировых судебных учреждений, статистических комитетов и пр., теперь предписывалось положить в основу специального дорожного капитала и расходовать только на дороги, имеющие большое значение для экономической жизни края [16, с.41]. Создание дорожного капитала позволило земству перейти от латания прорех к строительству новых дорог, капитальному ремонту и улучшению уже существовавших.

В начале XX века кинешемское земство пришло к выводу, что дальше в таком виде дорогу оставлять нельзя: «Галичский тракт имеет весьма важное значение для Кинешемского уезда, по этому неизбежно или провести дорогу эту между деревнями Вахраковым и Березовым по проэктированному новому направлению, или строить дорого стоящий Березовский мост» [6, с. 269]. На ремонт дорог в уезде было выделено почти 13 тысяч рублей – 5,4% всех расходов земства [7, с. 227]. За период с 1905 по 1917 год на Галичском тракте кроме указанного дорогостоящего моста через Меру был построен также мост через Сендегу в Угольском (*когда был построен мост через реку Порныш в Хвостове/Комарове, выяснит не удалось*). Со стороны Галичского уезда построен мост через реку Чёлсма. Деревянные мосты потом ремонтировались еще множество раз. С 1905-1906 гг. земство начало местами мостить дорогу булыжником, начиная с самых топких мест. Однако, как отмечало земство, в условиях топей и глинистой почвы

даже каменная настилка быстро изнашивалась при интенсивном движении большегрузных подвод. Закончилось мощение дороги в 1913 году, но мостовая дорога была только до границы с Галичским уездом. Галичское земство не сочло нужным мостить свой участок дороги: после проведения железной дороги в Кострому и соединения Ярославля с железной дорогой на Архангельск и Вологду размер гужевых перевозок по Галичскому тракту значительно сократился, тракт потерял то значение, которое он имел раньше, и начал использоваться только в местном сообщении.

Вдоль Галичского тракта, выводившего торговый путь из центра России на Волгу, расцвел ряд торгово-промысловых сел. В пределах Галичского уезда это Бартеневщина, Игодово (до 1928 года Игодово входило в состав Галичского уезда – В.О.), Кинешемского – Семеновское, Ивашево, особенно оживленные в дни базаров и ярмарок, когда со всей округи стекались крестьяне и торговые люди. Товары везли и в том, и в другом направлении. В Семеновском, например, были устроены торговые ряды, где продавали изделия из кожи и шерсти, предметы домашнего обихода, берестяные туески, льняные расшитые рубашки, крестьянскую обувь (коты¹, чулки). Кроме них были разных размеров и фасонов кадки и кадучки, валенки разной окраски с заворотами и без, скот. Более всего заезжего гостя удивляло изобилие лыковых лаптей, потому и получило село «довесок» к историческому имени – Лапотное. Спрос на лапти был велик. В шутку их называли «беретки в 44 клетки». Сюда из Кинешмы везли рыбу и икру, из Галича – сукно и овчину, зимой – свежую рыбу, летом – лук, морковь, разные семена. Игодовцы тоже могли тогда предложить свои товары. В округе жили замечательные мастера-кузнецы, бондари, а из глиняной посуды можно было выбрать товары на любой вкус (в окрестностях Игодова была целая деревня горшечников – Пиногородово, где ее и изготавливали). Многочисленные постоянные дворы сел (только в одном Игодове их было три) были заполнены гостями, а в местных трактирах (например, в Семеновском их было шесть) хмельные напитки ли-

лись рекой. Вся жизнь села была подчинена обслуживанию обозов, бесконечной чередой тянувшихся по тракту. А уж если и приходилось порой какому-либо столичному или губернскому чиновнику быть по делам службы в этих местах, то он мог довольствоваться простым постоялым двором или же гостеприимством местных «благородий» и «преподобий» [5, с.48]. Не исключено, что в каждом торговом селе, расположенном на тракте, были кузницы (например, в Семеновском их было две). Кузнецы, которые подковывали лошадей, могли отремонтировать рессоры, изготовить оси для телег, натянуть новый обод на колесо и т.д.

Многое видела дорога: расцвет и упадок самых разнообразных по архитектуре, внутреннему убранству усадеб – от чудесных усадеб-дворцов до мелкопоместных господских домов, мало чем отличающихся от обычных изб. И сейчас еще можно встретить остатки некогда величественных парков (например, в Дубянах) и фундаменты усадебных построек, поросших шиповником. В разное время по этой дороге располагались обширные владения Яковлевых, Григоровых, Жадовских, Бартеневых, Колычевых и др.

Северная часть тракта (от Семеновского до Галича) была людной, обжитой. Южная же часть была покрыта лесами: лес стоял непроницаемой стеной, уступая место немногочисленным селениям. Из более значительных деревень можно назвать лишь Комарово, в 10 километрах от современного Заволжска. Во времена Островского там было восемь изб. Село расположено слева от дороги, в стороне, на речке Порныш; с тракта издали видна колокольня его церкви, построенной в 1809 г. Близ церкви стоял старинный деревянный помещичий дом. С Яковлевыми, владевшими Комаровым вплоть до революции, А.Н. Островский был хорошо знаком и, отдавая визиты, заезжал к ним в усадьбу. За Комаровым вплоть до самого Щелыкова шел сплошной лес. Не зря одна из пьес Островского, написанная в Щелыкове, так и называется – «Лес», а Счастливец и Несчастливцев встречаются именно на Галичском тракте.

Несколько километров от Комарова по Галичскому тракту – и видна отвертка на Щельково. При жизни драматурга здесь стоял столб с надписью: «Щельково, имение гг. Островских». «На восемнадцатой версте находится поворот влево и через версту, по стоялому и хорошо сбереженному лесу, дорога приводит к глубокой долине, на дне которой бежит речка с запрудой для мельницы, а по пологой горе противоположного берега высятся здания усадьбы Щельково», – описывал тогдашний въезд в сельцо С.В. Максимов. [9, с. 87].

Галичский тракт был интересен своей бойкостью. По нему в сухую погоду мчались лихие пары и тройки запряженных лошадей с их владельцами – помещиками, чиновниками, и купцами. Тут же тянулись брички и фургоны мелких перекупщиков кустарных изделий, хлебных и других продуктов питания, медленно тащились обозы с тяжелой поклажей.

Вдоль тракта в старину были разбросаны «бойкие места», то есть кабаки, или «питейные дома». Славилась они грабежами да разбоями, позволявшими сколотить немалые состояния. Одна из пьес А.Н. Островского так

и называется «На бойком месте». 19 декабря 1869 года управительница Щелькова сообщила Островскому: «У нас сильный грабеж и много народу убивают, и наш возчик едет на Кострому: отсюда ближе бы (до Москвы – В.О.), да боится!» [15, с. 14]. Здесь «пошаливали» и в более поздние годы. И путешественников невольно охватывал страх. «Ведь с лесом, сударыня, поверите ли, только грех один... Лес подле города, всякий беглый, всякий бродяга пристанище имеет...» [10, с. 262], – говорит Восьмибратов Гурмыжской в пьесе «Лес». «Мама рассказывала, – вспоминала И.Б. Кустодиева, – что в огромном Угольском лесу, недалеко от Кинешмы, во времена ее детства, в восьмидесятых – девяностых годах прошлого (XIX века – В.О.) века будто бы водились разбойники, нападавшие на проезжих и грабившие их. Поэтому, когда маму и ее сестру Зою возили в Высоково на каникулы, их всегда сопровождали от Кинешмы два верховых с ружьями... Теперь от этого леса не осталось и следа» [1, с. 27]. М.М. Шателен, внучка драматурга, в своих воспоминаниях упоминает, что недобрую славу «пошаливающих» на

Земская станция в д. Ивашево. Нач. XX века.

Галичском тракте приобрели жители деревни Маркуши, расположенной вблизи тракта. [15, с. 269].

Была ли на Галичском тракте ямская гоньба? В «Материалах для географии и статистики...» обозначены две ямские станции (извозчики в основном из крестьян): в деревне Ивашево, содержанием ее был «из дворян титулярный советник Николай Демьянов» [8, с. 117], и Семеновском. Думаю, что такая станция была и в большом торговом селе Игодово. Отрицать возможность почтового сообщения по ней у нас тоже нет оснований – была ямская гоньба, значит, была и почтовая: на Кинешемском тракте обозначены две почтовые станции, – в Ивашево и Семеновском, и еще одна, вольная, появилась позже в Малом Березове. [4, л. 51].

В настоящее время сам тракт изменился, но местность, по которой он проложен, частично сохраняет облик середины позапрошлого века, когда там проезжал А.Н. Островский. И доныне стоят селения, в которых он останавливался по пути, беседовал с жителями.

И сейчас можно легко обнаружить следы старого тракта. При должной удаче можно увидеть мощенку, а уж характерные лесные не зарастающие просеки с системой осушения не заметить сложно. Так, например, автору статьи известны некоторые места с еще явными следами мощенки старой дороги и умирающими «екатерининскими» березами на участке от деревни Волкоуша. Хорошо сохранился кусочек старой дороги в деревнях Зубцово и Платково (Заволжский район). Встречаются кусочки старого грунтового тракта также в лесу у реки Чёлсма в Галичском районе. Такие кусочки старой дороги сохранились лишь потому, что они оказались случайно вырезанными или обойденными по тем или иным соображениям современными дорожными строителями. До сих пор по дороге еще можно увидеть старые в полтора-два обхвата березы, посаженные в два, в три, а то и в четыре ряда. И это еще одна реалья любого тракта.

Старый Галичский тракт верой и правдой служит поныне. На территории Костромской области дорога Островское – Заволжск имеет

идентификационный номер 34Н-6, на территории Ивановской области – 24К-082. До 31 декабря 2017 года допускалось использование прежнего обозначения автодороги – Р101.

В.В. ОЖИМКОВА,
*методист Государственного
музея-заповедника «Щельково»*

Примечания

1. Коты – просторная зимняя или домашняя обувь из войлока или сукна в виде коротких сапожек, ботинок; башмаки с высокими передами или круглые, будто с отрезными голенищами, с цветной суконной оторочкой или кожаным кантом. [3, стб.358]

Литература

1. Бочков В.Н. Григоров А.А. Вокруг Щелькова. Путеводитель по историко – мемориальным местам. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1972.
2. Верховский Н.Е. Грунтовые дороги Костромской губернии: в 2-х вып. Кострома: 1914-1915.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М.: Русский язык, 1989. Т.2. И – О. С. 179
4. Государственный архив Костромской области. Ф. 133. Оп. 1. Д. 3121.
5. Иванов И.С. Движение населения Костромской губернии в 1880 году. Кострома. Издание Костромского губернского статистического комитета, 1883.
6. Кинешемский календарь-ежегодник на 1916 год. Кинешма: Издание Кинешемского уездного земства, 1916.
7. Кондратьев Н.Д. Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии (Социально-экономический и финансовый очерк). Иваново: 2002.
8. Крживоблоцкий Я. Костромская губерния // Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: В 39 т. Т. 12. Тип. Н. Тиблена и Ко. СПб.:1861.
9. Максимов С.В. Александр Николаевич Островский // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / под общ. ред. В.В. Григоренко, С.А. Макашина, С.И. Машинского, Б.С. Бирюкова. М.: 1966. С. 65-126.
10. Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лащина и др. Т. III. М.: Искусство, 1973. С. 249-338
11. Там же. Т. VIII, С. 115-182.
12. Там же. Т. XII.
13. Поссе В. А. От Бадена Швейцарского до Галича Костромского (наблюдения за жизнью больших и маленьких людей) // Кострома. Галичский тракт / Книжки недели. Ежемесячный литературный журнал. СПб.: 1895, № 8. Октябрь. С. 161 – 177.
14. Пушкин А.С. «Евгений Онегин»: Роман в стихах. Проза. М.: из-во Эксмо, 2003 С.122.
15. Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове: изд. второе, испр. и доп. / ред. Н.С. Гродская. М.: ВТО, 1978 г.
16. Сизинцева Л.И. Земские дороги Костромской губернии // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований № 3. Иваново: 2015.

КОСТРОМСКИЕ ОСТРОВСКИЕ

Александр Николаевич Островский родился в 1823 г. в семье московского чиновника Николая Федоровича Островского, являвшегося, в свою очередь, потомком костромских священнических родов. Сама фамилия «Островский» была дана деду драматурга Федору Ивановичу при поступлении его на учебу в семинарию в конце XVIII века, и образована она от названия села, в церкви которого служил отец юноши – село Остров Нерехтского уезда Костромского наместничества.

В XVII – начале XVIII века упомянутое село располагалось на территории Лахотского (Лахоцкого) стана Ростовского уезда. В писцовых книгах помещтных и вотчинных земель Ростовского уезда письма и меры первой трети XVII века записано, что село Остров с деревнями, пустошами и со всеми угодьями – старинная вотчина князя Андрея Ивановича Стригина. Владения Стригиными были заложены князю Петру Ивановичу Татеву, закладная на вотчину впоследствии выкуплена князем Иваном Семеновичем Куракиным¹.

Позже селом Воскресенским, Новый Остров тож с деревнями владели пред-

ставители весьма знатного, приближенного к царскому двору рода Стрешневых. При Родионе Матвеевиче Стрешневе (1628 – 1687) в селе Воскресенском стояло 62 двора, в которых проживало 279 душ мужского пола. Затем вотчина принадлежала Ивану Тихоновичу с женой Анной Лукьяновной (Лукиничной), урожденной княжной Долгоруковой, Ивану Родионовичу и Ивану Ивановичу Стрешневым².

Почему образовалось двойное название села, точно сказать невозможно. Позволено лишь предположить, что деревянная Воскресенская церковь, стоявшая в селе и давшая ему наименование, со временем обветшала или сгорела. Была построена новая, тоже деревянная, возможно, на каком-то расстоянии от прежней. Поэтому к наименованию Остров было добавлено слово Новый. В середине – конце XVIII века было немало населенных пунктов, имеющих двойное наименование. Постепенно одно из них побеждало и закреплялось

В 1734 г. село Воскресенское, Новый Остров тож с деревнями Гришино, Слобода, Мякишево, Насакино, Михалково даны были в приданое Прасковье Ивановне Стреш-

Левицкий В.С. Портрет
М.М. Щербатова. 1781 год.

невой при выходе замуж за князя Щербатова Ивана Андреевича³.

К 1782 г. вотчиной владела супруга действительного камергера и кавалера князя Михаила Михайловича Щербатова Наталья Ивановна. Вотчина досталась ей от отца, сенатора, действительного тайного советника и кавалера Ивана Андреевича Щербатова, умершего в 1761 г. Супруги Михаил Михайлович и Наталья Ивановна были дальними родственниками.

В ревизской сказке 1782 г. указано все еще двойное наименование села – Воскресенское, Новый Остров тож. Вотчина располагалась в Лахотском стане Нерехтского уезда Костромского наместничества. Наместничество и новые уезды были образованы в 1778 г. Упомянутая ревизская сказка 1782 г., обгоревшая в пожаре 1982 г. в государственном архиве Костромской области, начинается с перечисления церковнослужителей. От первого имени остался лишь патроним – Иванов, да год смер-

ти — 1769, супруга (безымянная) была моложе на пять лет, но к 1782 году также умерла (дата утрачена). Известно, что она была «попова дочь» из села Высоцкого Закоторожского стана Ярославской губернии. Их сын Лев умер в 1768 году в возрасте 22 лет. Григория Савина определили на церковную службу по отпускнуной господина, И.А. Щербатова. Жена Григория, Марья Лаврентьевна, была «пономарева дочь» из с. Шендоры Ростовского уезда («отпущена с мужем»). Их дети: Алексей, Иван, Василий и Петр. Дочь Аксинью выдали замуж в вотчину Щербатовых в с. Демьянское «Ярославского уезда ко кресту», т.е. за церковнослужителя. Далее в документе идет перечисление дворовых людей, что говорит о наличии дворянской усадьбы.

Имя священника в ревизскую сказку не вошло, к сожалению, а именно в это время, как станет видно из другого документа, в клир Воскресенской церкви должен был входить свя-

Воскресенская церковь в с. Остров. 2008 год.

щенник Иван Дмитриевич (Иван Дмитриев, как писали в те времена) с семьей. Его сын, Федор Иванович, позже обретет фамилию – Островский.

В том же 1782 году было завершено строительство новой каменной с такой же колокольней Воскресенской церкви. В книге Баженова И.В. «Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии»⁴ не указано, на чьи средства построена церковь – обычно сообщалось, что на «средства прихожан» или «усердием» какого-то конкретного лица. Думается, что часть средств была выделена Натальей Ивановной Щербатовой, так как один из престолов посвящен св. мученикам Адриану и Наталии. Церковь была обнесена каменной оградой, внутри которой было устроено приходское кладбище. Строительство церкви, надо полагать, проходило под неусыпным наблюдением священника Ивана Дмитриевича.

В мае 1792 г. проводилось следствие об избиении дьякона Николаевской церкви села Бардакова Нерехтского уезда, находившегося в 6 верстах от села Остров. Чтобы выяснить обстоятельства дела, опрашивались священнослужители и крестьяне окрестных сел и деревень. Среди церковников перечислены члены причта Воскресенской церкви села Остров (как видим, название уже односоставное): священник Иван Дмитриев, диакон Петр Федоров, дьячок Григорий Савин, пономарь Алексей Федоров.

В приход церкви входили селения, которые находились во владении генеральши, вдовствующей княгини Натальи Ивановны Щербатовой: д. Гришино, д. Слобода, д. Мякишево, д. Насакино, д. Михалково⁵.

Следующая по времени запись с упоминанием предков Александра Николаевича Островского содержится в ревизской сказке Благовещенской церкви г. Костромы. Начинается этот документ словами: «1795 года мая дня в Костромской преосвященнейшаго Павла епископа Костромского и Галичского духовной консистории города Костромы одноприходной Благовещенской церкви священно и церковнослужители по силе состоявшегося 1794 года июня 23 дня ея императорского величества и в народе опубликованного указа,

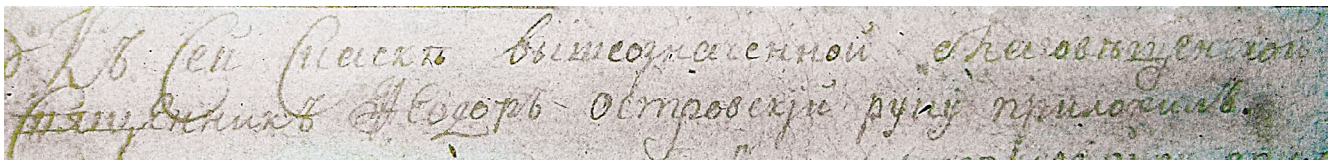
дали сию скаску о написанных по последней 1782 года ревизии при оной церкви священно и церковнослужителях, семействах и детях их с показанием из того числа разными случаями убылых и после ревизии вновь рожденных и прибылых, по самой истине без всякой утайки, а буде кем впредь обличены явимся, или по свидетельству найдется, что кто-либо утаили, то повинны положенному по указам штрафу без всякого милосердия...»⁶.

Перечень служащих в Благовещенской церкви открывается именем священника Александра Петрова (Александра Петровича, фамилия не указана), родившегося около 1749 г. и умершего в 1794 г. Вдове его Евдокии Ивановне в 1795 г. исполнилось 44 года, сын Иван умер в 1789 г. в возрасте 17 лет, сына Петра в возрасте 12-ти лет отдали в Костромскую казенную палату «к письменным делам». С матерью проживали дети: дочь Александра 17-ти лет, Анна 15-ти, Александр 10-ти, Феоктиста 6-ти и Николай 4-х лет. Старшей дочери Ольге исполнилось 19. Семью, оставшуюся без единственного кормильца, необходимо было каким-то образом содержать.

Отметим, что в случае, если у умершего священника оставалась дочь на выданье, претенденту на вакантную священническую должность предлагалось жениться на ней. Таким образом, охраняли семейства, лишившиеся отца, от нищеты, а девушки духовного звания входили в семьи своего сословия. Сведения об освободившемся месте священника или церковнослужителя духовная консистория общала в Костромскую духовную семинарию, где могли появиться желающие поступить на вакансию.

В 1795 г. Ольга Александровна вышла замуж за 25-летнего ученика богословия костромской семинарии Федора Ивановича Островского, «который в последнюю пред сим (ревизию 1782 г. – Л.К.) писан при отце, Нерехтского уезда села Острова попе Иоанне Дмитриеве». Запись о нем сделана все в той же ревизской сказке Благовещенской церкви. Исходя из документа, годом рождения Федора Ивановича Островского можно считать 1770 г., но утверждать мы не можем, так как отсутствующей метрической книге.

Автограф Ф.И. Островского: «К сей скаске вышеозначенной Благовещенской церкви священник Федор Островский руку приложил». Фрагмент ревизской сказки 1795 г.

В заключении ревизской сказки – подпись Федора Островского и других членов причта. Это – самый ранний, из выявленных, автограф представителя семьи Островских.

Вернемся к записи о священнике Федоре Островском. В конце XVIII – начале XIX века далеко не у всех священнослужителей имелись фамилии. Так, не указана она у прадеда по материнской линии, отца Ольги Александровны. Мальчики нередко получали фамилию при поступлении в духовные уездные училища или в духовную семинарию. Вполне вероятно, что с Федором Ивановичем было так же (конечно, Федором Ивановичем его никто не величал, звали Федором Ивановым, но автор будет называть своих героев так, как привычнее в настоящее время). Прибыл Федор Иванович на учебу из села Остров и получил фамилию Островский. Думается, что первоначально фамилия могла звучать как Островский, с ударением на первом слого.

Получение фамилии по месту проживания – один из способов образования фамилии. Так, в начале XIX века в Галичском духовном училище обучались Петр Верхнепустынский (чей отец служил дьяконом в Соборовской церкви, что в Верхней Пустыни), Арсений Ликургский (сын дьячка Рождественской церкви, что в Ликурге), Зиновий Стайновский (сын дьякона Воскресенской церкви с. Стайнова). Часто фамилии сыновья духовенства получали от наименования церкви, в которой служили их отцы. В том же Галичском духовном училище обучались Пармен Староторжский (сын священника Галичского Староторжского девичьего монастыря), Савва Архангельский (сын священника Архангельской церкви что на Пойме). Имелись и другие варианты образования фамилий будущих духовных лиц: от наименования птиц или растений, например. Бывало, что родные братья носили фамилии разные.

К сожалению, ревизская сказка на священнослужителей Воскресенской церкви села Остров за 1795 г. обнаружена не была. Не сохранился и документ следующей ревизии 1811 г. Поэтому, пока не установлены годы жизни Ивана Дмитриевича и имена других его детей, если таковые у него имелись.

В ревизской сказке на причт Воскресенской церкви с. Остров 1815 г. среди перечисленных имен не удалось обнаружить тех, кто мог быть сыном Ивана Дмитриевича и братом Федора Ивановича Островского⁷. Исходя из текста документа, Иван Дмитриевич умер ранее 1811 г. Состояли ли члены причта в родстве с ним? Мы можем лишь строить гипотезы.

В 1834 г. часть причта Воскресенской церкви с. Остров значится под фамилией Островских. Степан Андреевич Островский, определенный в 1817 г. (в возрасте 16 лет) на место дьячка Воскресенской церкви с. Писцово, Иван Степанович Островский, ставший в 1826 г. после смерти отца священником Воскресенской церкви, его сын Федор. Сын дьячка Глеба Яковлева Федор Глебович Островский, поступивший в 1827 г. на службу в Костромскую духовную консисторию. Дмитрий Глебович Островский 12-ти лет обучался в Костромском уездном духовном училище. Михаил и Василий за малолетством фамилиями удостоены не были.

В документе 1834 г. появилось имя, пропущенное в 1815 г.: «вдовая священническая жена Анна Иванова» – мать оставшегося сиротой после ранней смерти отца священника Василия Ильича. Вполне возможно допустить, что Анна Иванова – дочь Ивана Дмитриевича. После смерти отца она была выдана замуж за Василия Ильича, который поэтому унаследовал священническое место. Судя по возрасту их детей, событие это могло произойти около 1808 г. Анне в это время исполнилось 18 или 19 лет. Александр Васильевич и Иван Васильевич фамилию Островских не носили. Стар-

ший в 1827 году был произведен в дьячка Благовещенской церкви с. Протасово, младший в такое же звание в ту же церковь в 1833 г.⁸

В каком родстве состояли и состояли ли вообще Андрей Степанович, получивший сан священника после смерти Василия Ильича в 1815 г., и Глеб Яковлевич Островские, можно только гадать.

Что касается Федора Ивановича Островского, начало его службы в Благовещенской церкви было нелегким. В 1773 г. страшный пожар уничтожил или повредил большое количество зданий Костромы, в том числе храмов. Пострадала и небольшая каменная Благовещенская церковь, построенная в 1712 г. на месте сгоревшей же ранее деревянной. Церковь во имя Благовещения Богородицы упоминается еще в Писцовой книге г. Костромы 1628 г. Стояла она напротив Благовещенских ворот Нового города, примерно на месте современной городской администрации. В конце XVIII века был утвержден план города, в связи с чем происходила перепланировка и выравнивание улиц, проектировка новых зданий центральной части. Благовещенский храм решено было разобрать, новое здание – построить на запланированной Никольской улице, там, где ранее стояла сгоревшая церковь Николы Ратного.

Священник Островский начал служение еще в старом, обгорелом, храме. Авторы книги «Костромские святыни» предполагают, что здесь в 1796 г. был крещен его первенец – Николай, впоследствии отец драматурга Александра Николаевича Островского. И очень важной заботой священника стало строительство, начавшееся в 1790 г., и обустройство новой каменной церкви, которая была освящена в 1804 г. И уже в ней в 1807 г. был крещен последний сын Федора Ивановича – Павел⁹.

Позже на протяжении двух веков здания Благовещенской церкви на Никольской ул., ныне ул. Свердлова, достраивались и перестраивались, разрушались и возрождались. В настоящее время Благовещенский храм восстановлен и действует.

Кроме Николая и Павла у Федора Ивановича и Ольги Александровны родились еще сыновья Геннадий (1798 г.р.), Александр (1803 г.р.), дочери Мария (1805 г.р.) и Татьяна (1810 г.р.). Возможно, были и еще дети, имена которых

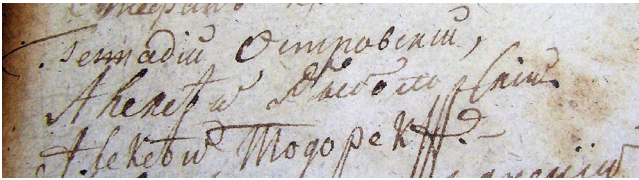
не попали в ревизские сказки, а метрические книги и клировые ведомости, которые могли бы дать более точную информацию, не сохранились.

В ноябре 1815 г., именно тогда была составлена ревизская сказка причта одноклирной Благовещенской церкви г. Костромы, 45-летний священник Островский Федор Иванович – вдов. Сыновья: Николай, 19-ти лет, обучается в Московской духовной академии; Геннадий, 17-ти лет – в Костромской духовной семинарии; Александр, 12-ти лет – в Костромском уездном духовном училище; Павел, 8-ми лет – в Костромском приходском училище. Десятилетняя дочь Маша учится дома, младшей Татьяне лишь 5 лет¹⁰.

В документах костромских учебных заведений духовного ведомства сохранилась отрывочная информация о сыновьях Федора Ивановича Островского. Николай с 1805 г. – ученик Костромской духовной семинарии. В 1810 – там же, ученик риторики. В апреле этого года он был освобожден от «хождения» в класс пения. И как сообщает инспектор певческого класса ученик богословия Михайла Любимов, «знает все»¹¹. Геннадий Островский, в Костромской духовной семинарии с 1807 г., в 1810 г. – ученик риторики¹². В 1818 г. он значится в списке учеников высшего отделения семинарии – сын костромского священника Федора Ивановича Островского (при обучении еврейскому языку «прилежания довольно, успехов хороших», позиция 8 из 32)¹³. Среди учеников греческого языка он занимал 4-ю позицию. После публичных испытаний 1818 г. Геннадий Островский был включен в список учеников высшего отделения «по первому разряду», т.е. в ряду наиболее успешных.

В том же году Геннадий Федорович завершил обучение в семинарии. Перед выпуском семинаристам предлагали различные вакантные места в церквях Костромской губернии. Выпускник мог выразить свое желание, и тогда его кандидатуру рассматривали, а мог выразить и свое нежелание. И то, и другое фиксировалось собственноручной подписью. Так Геннадий Островский расписался в нежелании поступить на службу в Богородицкую церковь с. Борщевка¹⁴, Казанскую церковь с. Новое, Дмитриевскую церковь что на Иде, Юрьевец-

Подпись Геннадия Островского о нежелании поступить на службу в Богородицкую церковь с. Борщевка. 1818 год.

кий Спасовходский собор, Дмитриевскую церковь с. Скоробогатово и другие.

Среди учеников среднего отделения в 1818 г. – Федор Островский. Вероятно, это упомянутый выше Федор Глебович из села Остров, включенный после публичных испытаний в список учеников высшего отделения по первому разряду¹⁵.

К слову, тогда же в среднем отделении духовной семинарии обучался Федор Москвин – один из известнейших уроженцев с. Воронье, будущий митрополит Киевский и Галицкий Арсений.

Александр Островский в январе 1814 г. стал учеником Костромской духовной семинарии, где «обучался чтению церковных и гражданских книг и чистописанию». В том же году было создано духовное училище, в которое перевели младших учеников семинарии, в том числе Александра Островского 23 декабря 1814 г. При выпуске из училища он получил свидетельство, в котором его характеризовали как «поведения доброго, способностей счастливых, прилежаний достолюбопытного, успехов весьма хороших, выпущен для продолжения учения в семинарии». Во время учебы находился «на своем» содержании, проживал в доме отца. В июле 1818 г. Александр «был выпущен для продолжения наук в семинарии»¹⁶. От рождения он имел 15 лет¹⁷.

Младший брат, Павел Федорович Островский, будучи 9 лет от роду, в 1816 г. окончил Костромское уездное духовное училище¹⁸. В 1818 г. обучался на низшем отделении Костромского уездного духовного училища. Ему исполнилось 11 лет, и он был одним из самых молодых учеников (среди его соучеников дети от 10 до 16 лет)¹⁹.

В 1828 г. Федор Иванович Островский по его прошению был уволен от должности священ-

ника, назначен протоиереем, затем переведен за штат Благовещенской церкви г. Костромы, в 1833 г. был переведен в Московскую епархию. Завершил он свой земной путь монахом Донского монастыря в 1843 г.

На место священника Благовещенской церкви назначен дьякон Успенского собора Федор Протопопов. Его же место дьякона в Успенском соборе занял 26-летний Павел Федорович Островский (младший сын Федора Ивановича), выпущенный из семинарии в 1826 г.²⁰ Его жене, Параскеве Ивановне, было 23 года.

В уже упомянутой ревизской сказке о священнослужителях Благовещенского собора, написанной в январе 1834 г., имеются сведения о всех сыновьях Федора Ивановича.

Николай Федорович в 1818 г. после окончания Московской духовной академии перешел на светскую службу, не продолжив дело отца и дедов. Будучи московским чиновником, выслужил дворянство, в которое был записан в 1839 г. – по Московской губернии, затем, переписан в костромское дворянство. Об этом ниже. Геннадий Федорович Островский в 1822 г. окончил курс Московской духовной академии и стал профессором Уфимской духовной семинарии. Александр Федорович в 1822 г. завершил учебу в низшем отделении Костромской семинарии, но в высшее отделение поступать не стал и был «уволен в светское ведомство»²¹. Павел Федорович продолжал службу в Успенском кафедральном соборе г. Костромы. При нем главный костромской собор, восстановленный после пожара 1773 г. и хранивший чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери, украшался. Островский оставил след в церковном краеведении. Среди произведений П.Ф. Островского – «Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря», 1870 г., «Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора» 1885 г. и др. Есть его публикации в «Костромских губернских ведомостях».

12 декабря 1850 г. надворный советник Николай Федорович Островский подал прошение в Костромское дворянское депутатское собрание о внесении его в дворянскую родословную книгу по Костромской губернии: «Первоначально род наш, в том числе и я, внесен в

дворянскую родословную книгу по Московской губернии. Ныне же, по состоянию за мною недвижимого имения в уездах Кинешемском и Солигаличском, желаю быть в числе дворян и по Костромской губернии (...). Жительствую в Кинешемском уезде сельцо Щельково»²².

5 апреля 1851 г. был подписан указ Правительствующего Сената об утверждении определения Костромского губернского дворянского собрания от 13 декабря 1850 г. о внесении «Николая Федорова Островского в 3 часть дворянской родословной книги» в связи с тем, что он «в службу вступил губернским секретарем в 1809 г. и, проходя оную по порядку чинов, произведен в 1835 г. в коллежские асессоры, имеет орден св. Станислава 4 степени»²³.

Сыновьям своим от первого брака «Александру, Михаилу и Сергею Николаевичам, получившим уже (...) своим состоянием воспитание и, потому, имеющим возможность содержать себя своими трудами» завещал он «во-первых, недвижимое мое имение Костромской губернии Солигаличского уезда в селе Богоявление Раменье тож и деревне Лебзове по последней ревизии 30 душ и со всеми переведенными в это имение из Нижегородского моего имения крестьянами, и, во-вторых, из дома моего, состоящего в Москве в Яузской части два деревянные флигеля»²⁴.

Сын его, будущий драматург, Александр Николаевич родился в Москве и в Костромскую губернию приехал уже в солидном возрасте, и не в Кострому, а в имение Щельково, купленное отцом в Кинешемском уезде. С 1872 по 1884 год он был почетным мировым судьей по Кинешемскому округу Костромской губернии, и шесть лет, с 1874 по 1880 год – гласным Кинешемского уездного земского собрания. Островские владели землей не только в Кинешемском, но и в Солигаличском уездах²⁵.

5 марта 1853 г. становой пристав Кинешемского уезда Жуковский констатировал смерть Николая Федоровича. Его вдове и детям от второго брака было завещано, в том числе, имение с усадьбой Щельково в Кинешемском уезде, впоследствии выкупленное Александром и Михаилом Николаевичами Островскими.

Здесь, на Костромской земле, 2 июня 1886 г. и умер Александр Николаевич Островский, о чем сделана запись в метрической книге Ни-

кольской церкви села Николо-Бережки: «помещик усадьбы Щельково губернский секретарь (исправлено из «статский советник») (...), 63 лет. От удара сердца. По внезапной смерти без приобщения»²⁶.

В заключение остается добавить, что село Остров, которое дало фамилию роду Островских, во второй половине XIX века входило в состав Митинской волости Нерехтского уезда. После ликвидации Костромской губернии – в состав Ивановской промышленной области, а затем Ярославской области. В настоящее время с. Остров располагается в Митинском сельском поселении Гаврилов-Ямского района Ярославской области.

Л.А. КОВАЛЁВА,
заместитель директора ГАКО

Примечания

1. Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века [Текст] : 1629-1631 годы / Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», Российский гос. архив древних актов ; [сост.: В. А. Кадик]. – Москва : Дрвлекхранилище, 2012. С. 379 [Интернет ресурс: Форум Ярославского историко-родословного общества. <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=14569>. Дата обращения 08.02.2023]
2. Наумов О.Н. «Стрешневы. Материалы к родословию» – Калуга, 2013. С. 41, 54. [Интернет ресурс: <https://tksu.ru/upload/iblock/3ad/Naumov-O.N.-Kniga-Streshnevy.pdf>. Дата обращения 08.02.2023].
3. Там же. С. 58.
4. Баженов И.В. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911. С. 159.
5. ГАКО. ф. 31. Оп. 1. Д. 28. Л. 59 – 59 об.
6. ГАКО. ф. 200. Оп.15. Д. 146. Л. 30–31.
7. ГАКО. ф. 200. б/ш. Д. 22. Л. 53 об.–55.
8. ГАКО, ф. 200, Оп. 20. Д. 159. Л. 6 об.–8.
9. Костромские святыни. Кострома, 2002. С. 112-113.
10. ГАКО. ф. 200. Оп. 3. Д. 385. Л. 55 об. – 56.
11. РГИА. ф. 802. Оп. 1. Д. 437. Л. 34; ГАКО. ф.432. Оп.1. Д. 30. Л. 6; Д. 27. Л.11. Сведения предоставлены Брезгиной Г.В.
12. РГИА. ф. 802. Оп. 1. Д. 437. Л. 52 об. Сведения предоставлены Брезгиной Г.В.
13. ГАКО. ф. 432. Оп.1. Д. 64.
14. ГАКО. ф. 432. Оп.1. Д. 67. Л.1.
15. ГАКО. ф. 432. Оп.1. Д. 64.
16. ГАКО. ф. 406. Оп.1. Д. 67. Л. 11.
17. ГАКО, ф. 432, оп.1, д. 64.
18. ГАКО. ф. 406. Оп. 1. Д. 44. Л. 1 об.
19. ГАКО, ф. 432, оп.1, д. 64,
20. ГАКО, ф. 200, оп. 20. Д. 124. Л. 25 об.–26
21. ГАКО. ф. 200. Оп. 20. Д. 124. Л. 54 об. – 56
22. ГАКО. ф. 121. Оп.1. Д. 4434. Л. 1.
23. ГАКО. ф. 121. Оп.1. Д. 4434. Л. 11–11 об.
24. ГАКО, ф.Р-34, оп. 1, д. 263, л.5–5 об. Копия с копии.
25. ГАКО. ф. 121. Оп.1. Д. 6850. Л. 54 об.
26. ГАКО. ф. 56. Оп. 8. Д. 8. Л. 166 об.–167.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАРИАННЫ ОСТРОВСКОЙ

2023 год объявлен в России годом учителя и наставника. Кроме того, это год 200-летнего юбилея великого национального драматурга А.Н. Островского. Публикуемые материалы, хранящиеся в музее-заповеднике «Щельково», связаны с внучкой драматурга Марианной Александровной Островской, заслуженным учителем РСФСР.

Из автобиографии, написанной М.А. Островской собственноручно¹:

«Я родилась в 1900 г. в Москве. Мой отец был старшим сыном драматурга А.Н. Островского, мать – дочерью его секретаря². Отец мой работал в библиотеке Московского университета. Я потеряла его, когда мне было пять лет. Мой отчим был артистом театра Зимина (теперь филиал Большого). Образование я получила в московской частной гимназии Брюхоненко (теперь средняя школа № 100), которую я окончила в 1917 году с большой серебряной медалью.

В 1918 году я начала работать в продовольственном отделе Моссовета. В 1919 году вышла замуж. Мой муж был инженером-строителем. В 1920-м году у меня родилась дочь, и работу на некоторое время я принуждена была оставить. Потом возобновила ее. Сначала я работала в библиотеке, а потом начала работать преподавателем русского языка в Калининской области, где жила в это время моя сестра. В 1926 году я уехала в Карело-Финскую республику в город Медвежьегорск. С мужем развелась. В городе Медвежьегорске семь лет работала в железнодорожной школе. Несла общественную нагрузку: была председателем Райсовета СВБ (Союза Воинствующих Безбожников) и вела антирелигиозную работу в районе. В это же время я поступила на заочное отделение языка и литературы в институт им. Герцена в Ленинграде, проучилась три года, но институт не закончила.

В 1933 году была переведена в Повенецкую среднюю школу Медвежьегорского района, где и проработала до 1941 года. Последние годы была в ней зав. учебной частью. В 1939 году я в соавторстве с двумя другими преподавателями гор. Петрозаводска принимала участие в составлении хрестоматии по литературному чтению для учащихся 7 класса. В 1940-м году в связи с изменениями в программе перерабатывала ее. В 1939-м году была награждена медалью «За трудовое отличие». В 1940-м году была избрана депутатом Повенецкого поселкового совета и руководила его культурно-массовым сектором.

В начале октября 1941 года в связи с временной эвакуацией, вызванной военными действиями, из Повенца выехала. Была эвакуирована в г. Котлас Кировской области, но, узнав, что моя сестра эвакуирована из Москвы в г. Городец, выехала в г. Городец. В марте 1942-го года начала работать в школе № 1 им. М. Горького. В 1944-м году в связи с заболеванием (обострилась контузия, полученная перед эвакуацией в 1941-м) была от работы освобождена. Год не работала и жила в Городце, получая помощь от родных. В октябре 1945 г. была назначена на работу в Бриляковскую семилетнюю школу и в феврале 1946 г. переведена в Городец, в школу № 2, где и работала до 1952-го года. Затем была направлена в школу № 4 на поселок. В 1953-м году была избрана депутатом Городецкого горсовета. С прошлого 1954-го года работаю в школе № 72».

* * *

За заслуги в области народного образования Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 28 апреля 1961 года присвоил Марианне Александровне Островской почетное звание Заслуженного учителя школы РСФСР³. Решением бюро Президиума ВТО⁴ от 20 января 1975 г. создан Общественный Совет по пропаганде творческого наследия А.Н. Островского при Президиуме ВТО. Марианна Александровна была включена в состав Совета. На первом заседании, которое состоялось 29 января, рассматривались вопросы работы музея-заповедника, задачи по дальнейшей пропаганде творческого наследия драматурга⁵. В 1979 году М.А. Островскую приняли в члены Всероссийского театрального общества⁶.

Марианна Александровна пишет о доме-музее Островского: «Что такое музей? Это собрание уникальных и чрезвычайно ценных предметов (рукописей, писем, картин, портретов), связанных с жизнью и деятельностью того, чье имя он носит. Музей чрезвычайно ценен в познавательном значении, но живого, эмоционального впечатления он все же не несет. Это – нечто для ума, а не для сердца. Совершенно иное дело – дом-музей. Он живой свидетель прошлого. Поднимаясь по ступенькам крыльца этого дома, ты знаешь, что когда-то по ним шел тот, чья живая творческая работа обессмертила его имя; стены комнат, в которых он жил и творил; вещи, к которым он прикасался, живо и красноречиво рассказывают о нем. Вот стол, за которым он когда-то работал, вот кресло, на котором он сидел. Живые и вместе с тем неживые свидетели его кипучей творческой жизни. Небольшой толчок воображения – и ты живо видишь его – могучего труженика. И дом-музей А.Н. Островского способен вдохновить на это. Таким воспринимаю его я, таким воспринимает его, я думаю, каждый, кто его посещает. Дом-музей скомплектован с исключительно горячей, я бы сказала, фанатической любовью к тому, чье имя он носит. Это придает ему колорит теплого уюта и легкой торжественной грусти. Пусть он и не воспроизводит точно того, чем был этот дом когда-то, во вре-

мя жизни и творчества А.Н. Островского. Это – не важно. Но он создает настроение, а это – самое главное»⁷.

* * *

М.А. Островская оставила воспоминания о праздновании 150-летия со дня рождения А.Н. Островского. Приводим отрывки из этого документа⁸.

«В настоящем 1973-м году наша необъятная Родина и все прогрессивное человечество торжественно отмечали сто пятидесятилетний юбилей великого русского драматурга А.Н. Островского. Интерес советских зрителей и советской сцены к наследию драматурга постоянен и неизменен, но в этот юбилейный год он приобрел необыкновенный размах. Почти все театры, как государственные, так и народные, готовили к этому дню какие-то новые постановки пьес Островского, готовили любовно и тщательно, и шли они при переполненных залах. А потом многие из них переходили на голубые экраны телевизоров, делаясь достоянием тех, кто по территориальным или иным причинам не мог видеть их в непосредственном театральном исполнении. Звучали они в радиопередачах, как и теплые взволнованные воспоминания актеров о тех ролях в пьесах Островского, которые они исполняли, или доклады литераторов о жизни и творчестве писателя... Издательства, центральные и периферийные, дополнили государственные и частные любительские библиотеки изданиями капитального собрания сочинений Островского, двухтомников его пьес, многочисленных сборников его отдельных произведений, множеством статей и исследований по творчеству драматурга. Фирма «Мелодия» выпустила альбом пластинок с фрагментами пьес «Гроза», «Бесприданница», «Правда хорошо, а счастье лучше».

Но вот и настал день юбилея – 12 апреля. Естественно, что центром юбилейных торжеств стала Москва, город, где драматург родился и провел свою бурную творческую жизнь, где стоит его детище – Малый театр, получивший в эти торжественные дни специ-

альный диплом за сохранение в своем репертуаре в течение многих лет на высоком художественном уровне спектаклей Островского, театр, так горячо встретивший этот юбилей.

Потом торжества перекинулись в Кострому, город, где жили предки Александра Николаевича. Там завершился фестиваль пьес драматурга, организованный Министерством культуры и ВТО и охвативший почти все театры РСФСР. Начался он постановкой Государственного ордена Ленина Малого театра СССР «Бешеные деньги», которая вместе с постановкой Костромского драматического театра «Таланты и поклонники» была удостоена диплома 1 степени. <...>

Апофеозом же юбилейных торжеств стало Щельково, которое мы не мыслим без А.Н. Островского, как не мыслим Островского без Щелькова. <...> Он горячо полюбил его, полюбил творческой любовью художника, не умеющего просто любоваться природой, краем, людьми, которые с ним живут, но рвущемуся к воспроизведению всего увиденного. И Щельково стало для Островского не только местом отдыха, но и источником, откуда он черпал свои поэтические видения, где зарождались, обдумывались и вынашивались его творения, где творческим процессом были и его многочисленные прогулки по окрестностям, и рыбная ловля, и встречи и беседы с крестьянами, и посещения деревенских гуляний и праздников. Щельково было местом поэтического вдохновения для Островского, так же как Болдино и Михайловское для Пушкина, Кавказ для Лермонтова.

Вот почему мы так любим Щельково, вот почему мы так благодарны ему, вот почему нам понятно, что здесь чествование драматурга должно было стать особенно теплым. И мы рады, что это действительно так и было.

Юбилейные торжества в Щелькове должны были проходить 14 июня, в традиционный день памяти великого драматурга, всегда там широко отмечающийся. <...> Представители Министерств культуры СССР и РСФСР, Союза писателей, Всероссийского театрального общества, партийных, советских и общественных организаций, писатели, журналисты,

работники телевидения и радио прибыли накануне.

На следующий день сбор был назначен у памятника к 11 часам. Но еще с утра парк и окрестности его заполнили приехавшие из Москвы, Ленинграда, Костромы, Иванова и других городов, а также жители окрестных сел. В этот день открытие памятника драматургу, лектория и Домика Соболева (краеведческого музея). Но прежде всего гости были приглашены в мемориальный дом-музей. <...>

В 12 часов все собрались на площади перед закрытым еще памятником. Торжественный митинг открывает член Всероссийского юбилейного комитета первый секретарь Костромского обкома Ю.Н. Баландин. Выступает председатель юбилейного комитета председатель Правления Союза писателей С.В. Михалков, председатель Президиума Всероссийского театрального общества, которое взяло на себя львиную долю организации юбилея, народный артист СССР М.И. Царев, первый секретарь Островского райкома КПСС А.А. Тихонов, внучка драматурга, заслуженный работник культуры РСФСР М.М. Шателен, помощник мастера льнокомбината им. И.Ф. Зворыкина Т.Н. Калинин, бригадир комплексной бригады колхоза «Русь советская» П.З. Рыжова. <...> Они говорят об огромном вкладе драматурга в сокровищницу русской и мировой литературы, о его непосредственном участии в становлении советского театра, о том, как близко творчество драматурга трудящимся страны социализма и о больших культурных и экономических изменениях в тех местах, которые были так дороги Александру Николаевичу. От имени ВТО М.И. Царев благодарит создателей памятника: скульптора Л.П. Тимченко и архитектора В.И. Ровнова.

Право открытия его предоставляется Председателю Всероссийского юбилейного комитета С.В. Михалкову. Спадает белое покрывало, и перед взорами присутствующих предстает на гранитном постаменте бронзовая фигура Островского. Он изображен сидящим на простой садовой скамье. Лицо задумчиво. Взгляд устремлен вдаль. Может быть, это минуты творчества, минуты, когда возникает какой-то

новый замысел, обретает новые формы уже придуманное, уже, казалось бы, нашедшее себя.

Луначарский когда-то сказал о драматурге: «Островский – человек с зорким взглядом, большим умом и добрым сердцем». Таким мы и видим его на памятнике скульптора Тимченко. <...> Восторженные аплодисменты, и через несколько минут постамент памятника утопает в цветах: венки, букеты, корзины с цветами от различных организаций, приехавших гостей, жителей окрестных деревень, школьников.

Гости направляются к вновь открывшемуся лекторию⁹. Народный артист СССР Царев разрезает ленточку, и первые посетители с интересом знакомятся с экспонатами, которые рассказывают о сценической истории пьес Островского на сцене советского театра.

Но первое, что мы видим на 2-м этаже, это портрет Островского, копия с портрета Перова, выполненная дочерью драматурга М.А. Шателен, а под ним слова Ленина «Не забудьте Островского». А кругом многочисленные герои пьес Островского в портретах их знаменитых исполнителей: Е. Корчагиной-Александровской, Е. Турчаниновой, Е. Шатровой, П. Садовского, В. Качалова, К. Станиславского, Ю. Каурова, Н. Хмелева, М. Яншина. Далее отсеки опорных постановок пьес Островского с показом фрагментов декораций и портретами их исполнителей. «Доходное место» в Театре революции 1923, «Горячее сердце» МХАТ 1926 г., «На всякого мудреца довольно простоты» Малый театр 1935, «Пучина» Ленинградский театр им. Пушкина, 1955 г. и др. Замечательно интересен макет постановки «Леса» в театре Мейерхольда и спектакля «Бесприданница» в театре имени Леси Украинки 1972 г.

С интересом смотрятся эскизы костюмов и декораций художников Н. Акимова, В. Пименова, В. Дмитриева, В. Рындина и др. Там же мы видим и подлинные костюмы знаменитых исполнительниц В.Н. Пашенной «Доходное место» и В.Н. Рыжовой «Волки и овцы». В витринах история постановки пьес Островского на советской сцене. Здесь наброски декораций Вадима Рындина к «Снегурочке» по замыслу Островского, эскиз программы к «Доходному месту» Игнатия Новинского с автографом ху-

Ревякин Александр Иванович, Островская Марианна Александровна, Гродская Нина Сергеевна на отдыхе в Щелькове. 1980-е годы.

джника, роль Несчастливцева («Лес»), написанная рукой П. Садовского, и много других не менее ценных и интересных экспонатов. Экспозиция смотрится с огромным интересом.

От Щелькова до могилы Островского недалеко. Гости направляются туда. Кладбище, на котором недавно отремонтированы высокая каменная белая ограда, церковь и сама могила писателя, стоит на высокой горе у деревни, ставшей прототипом Берендеевки и окруженной сказочным лесом.

На краю деревни изба Соболева, сельского умельца-столяра, друга Александра Николаевича и его руководителя в работах по дереву, которым писатель любил иногда отдавать свой досуг. Сейчас в ней небольшой, но интересный музей предметов крестьянского быта конца 19, начала 20 века. <...> На открытии присутствовали внуки Соболева, приехавшие на юбилейные торжества. Они передали в дар музею табакерку и шкатулку работы их деда и две старинные фотографии. В тот же день ювелир и часовщик из Горького Серебров по-

дарил мемориальному дому-музею старинные часы из своей коллекции, которые и сейчас висят в столовой музея. <...>

Вот гости у могилы А.Н. Островского. Минутой молчания почтили они память того, кто отдал свою жизнь русскому театру. День 14 июня в Щелыкове был днем выраженной народной любви и уважения к таланту и жизненному пути драматурга. Юбилейные торжества окончились, но поток посетителей, желающих увидеть Дом-музей, где жил и работал Островский, парк и его окрестности с любимыми им местами, все увеличивается. <...>

Л.Н. Толстой когда-то писал Островскому: «Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи и мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал поскорее и в действительности тем, что ты и есть, несомненно – общенародным в самом широком смысле писателем». Юбилейный год и, в частности, юбилейные торжества в Щелыкове показали, что Островский таким «общенародным в самом широком смысле писателем» у нас в Советской стране стал».

* * *

В дни юбилейных торжеств Н.С. Гродская¹⁰ записала беседу с внучками А.Н. Островского М.М. Шателен и М.А. Островской¹¹. Публикуем ответы на вопросы из этой беседы Марианны Александровны.

– *Ваше впечатление о происходящих юбилейных торжествах.*

– Подобные празднества имеют значение не только познавательное, но и воспитательное, формируя чувство глубокого патриотизма.

Размах празднования 150-летия Островского поистине грандиозен – его отмечает весь Советский Союз: нет ни одного театрального коллектива – столичного или периферийного, профессионального или самодеятельного, который не подготовил бы одной или более премьер пьес Островского. Такова сила народности и демократичности его таланта.

В библиотеках, клубах, школах устраиваются юбилейные чтения. Мне пришлось выступать с многочисленными докладами в самой широкой аудитории, и слово Островского –

меткое, образное, народное, несущее идеи гуманизма и высокие нравственные идеалы, всегда доходило до ума и сердца слушателей. Юбилейные торжества – это только начало еще более глубокого и всестороннего обращения к творчеству великого писателя. Следует отметить необыкновенную искренность, теплоту, глубокую заинтересованность всех, кто был причастен к проведению юбилея.

– *Что сделано и еще будет осуществлено по увековечению памяти «патриарха русской драмы»?*

– Память Островского увековечена, прежде всего, изданиями его сочинений. Отношение к русскому классическому наследию было четко определено вождем победившего пролетариата в первые годы становления Советской власти; Ленин наказывал: издавая классиков, «не забудьте Островского». У нас произведения классиков выходят огромными тиражами. И тем не менее, при интенсивном повсеместном культурном росте нашего современника во многих отдаленных уголках страны книг Островского не хватает. Следует более массовыми сделать издания избранных пьес; они должны быть комментированы и иллюстрированы. Потребность в них особенно ощущается в школьных библиотеках.

– *Чем особенно дорог Островский нашему современнику, молодому человеку нашей эпохи?*

– Театр Островского – это не театр развлекательный: автор «Бесприданницы» создал новый тип драмы – «пьесы жизни» по определению Добролюбова. Именно своей правдой дорога нам драматургия Островского: в ней верные картины нашего прошлого, отрицание всех форм угнетения и насилия над личностью и утверждение высоких идеалов любви к человеку. Пьесы Островского показывают, кто истинный патриот своего Отечества; как надлежит и как не нужно работать; как должно и как не следует строить семейные отношения; как люди любят, страдают, радуются – словом учат, как необходимо жить, чтобы называться настоящим человеком.

Театр Островского воспитывает нашего современника идейно и эстетически. «Для театра – одно обязательное направление, – считал

драматург, – он не может быть ничем иным, как школой нравов».

– *Какие рекомендации вы хотели бы дать молодому учителю?*

– Островский – энциклопедия русской жизни: он «исписал всю московскую жизнь, не города Москвы, а жизнь московского, то есть великороссийского государства». /Гончаров/.

Необходимо раскрыть эту широту охвата драматургом русской действительности. Он не только «Колумб Замоскворечья», он изобразил высшую бюрократию, дворянство, рост буржуазии, мещанство, трудовую интеллигенцию – учительство, актерскую среду, бедное чиновничество, людей из народа. Важно показать драматургическое мастерство Островского, сценичность его пьес, ведь реакционная критика отказывала ему в таланте драматурга! С произведениями Островского следует знакомить учащихся шире школьной программы. Это можно делать на факультативных занятиях, в научных кружках, в кружках самодеятельности. Сам Островский не мыслил своих пьес вне сцены. Нужно широко практиковать просмотры спектаклей в театре, причем с разными исполнителями одних и тех же ролей и обязательным обсуждением: тогда при сопоставлении сценической интерпретации яснее становится идея драматурга. <...>

Это кроме того развивает творческую мысль учеников. Хорошо использовать пластинки – записи пьес Островского в исполнении мастеров театра. Очень рекомендую посетить открывшуюся сейчас центральную выставку о жизни и творчестве Островского (Петровка, 28), организованную Бахрушинским и Литературным музеями; здесь представлены предметы личного обихода: токарный станок, за которым работал драматург; альбом, подаренный ему артистами; часть рамки: Александр Николаевич любил художественное выпиливание из дерева; фотографии артистов-исполнителей в пьесах Островского; рукописи драматурга; журналы с первыми публикациями его произведений и т.д. В Москве музея Островского до сих пор нет, поэтому данная выставка очень интересна и имеет большое значение.

– *Ваши любимые пьесы Островского?*

– «Волки и овцы». Здесь с огромной силой проявился талант Островского – сатирика. Пьеса очень характерная, раскрывающая законы капиталистического мира, основанного на борьбе – символически «волков» и «овец». «Таланты и поклонники» – гимн высокому просветительскому искусству и трудовой интеллигенции, органический сплав нравственно-обличительного и жизнеутверждающего начал в драматургии Островского.

– *Какие, по-вашему, главные задачи стоят перед советским театром в сценическом воплощении произведений Островского?*

– Изменилась эпоха, изменился зритель, поэтому нужно современное прочтение классических пьес, но при этом необходимо сохранять идейный пафос, дух Островского, реалистическую правду его характеров, их психологическую сложность. При всей широте обращения к наследию драматурга думается, что театр все-таки незаслуженно забыл его исторические хроники, которые, по убеждению Островского, «развивают народное самопознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству».

Заканчивается интервью словами: «М.А. Островская всю жизнь отдает благородному делу воспитания нашего подрастающего поколения».

Обе они (внучки Островского – Г.О.) были горячими пропагандистами бессмертного наследия А.Н. Островского – славы и гордости мировой литературы.

Г.И. ОРЛОВА,
кандидат культурологии,
главный хранитель
Музея-заповедника «Щелыково»

Примечания

1. ГМЩ Ф.1, оп.1, д.1.
2. Кропачева Анна Николаевна.
3. ГМЩ Ф.1, оп.2, д.2.
4. ВТО – Всероссийское театральное общество (ныне – Союз театральных деятелей РФ).
5. ГМЩ Ф.1, оп.2, д.4.
6. ГМЩ Ф.1, оп.2, д.5.
7. ГМЩ Ф.1, оп.2, д.6.
8. ГМЩ Ф.1, оп.2, д.7.
9. Литературно-театральный музей.
10. Гродская Нина Сергеевна – канд. фил. наук, доцент кафедры русской литературы МОПИ.
11. ГМЩ Ф.1, оп.2, д.8.

ПРОТОИЕРЕЙ ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ ОСТРОВСКИЙ

Имя священника Павла Федоровича Островского, ключаря костромского кафедрального Успенского собора, родного дяди писателя и драматурга А.Н. Островского, хорошо известно человеку, желающему познакомиться со «стародавней Костромой» и ее святынями, ее внутренним миром. Личность незаурядная, о. Павел всю жизнь находился в гуще событий, связанных с деятельностью Костромской епархии. Состоял членом Костромской духовной консистории и членом правления Костромского духовного училища, был пожизненным членом Православного миссионерского общества. Являлся ученым авторитетом для современников и историков, которые по сей день не могут игнорировать его труды по описанию костромских обителей, храмов, святынь в XIX веке. К нему за советом и консультациями при написании своих пьес и соответствии персонажей исторической достоверности, а также для помощи в рассуждении житейских дел всегда обращался его племянник, знаменитый драматург А. Н. Островский¹. Так, в его письме к о. Павлу от 28 июня 1872 года читаем: «Кажется, я последую Вашему совету и приеду сам в Кострому для хлопот по вводу во владение [наследством]»². В письмах к дяде, обращениях к нему чувствуется почтение и искренняя любовь. Из них мы узнаем, что Александра Николаевича очень огорчило болезненное состояние дяди. «Вам известно, – писал он литератору П.И. Андроникову, сообщая о болезни о. Павла, – как искренне люблю я дядюшку и как уважаю в нем последнего представителя старших в нашем роде»³.

Протоиерей Павел Островский был наделен многими талантами. Литературные и публицистические его дарования ярко проявлялись в публикациях периодической печати. Например, в «Костромских губернских ведомо-

стях» его родственника П.И. Андроникова. По свидетельству современников, он не только сам печатался, но протекционировал публикации своих товарищей-священнослужителей, благодаря чему в газете стали появляться материалы священников Д. Реформатского, И. Мирмикова, М. Миролубова. Ему даже удалось привлечь к сотрудничеству в газете известного краеведа, нерехтского священника М.Я. Диева.

О прекрасных способностях будущего протоиерея свидетельствуют записи наставников Духовного училища и Семинарии, сделанные еще во время его учебы в костромских духовных школах. В «Ведомостях Костромского уездного духовного училища за 1818 год» сообщается, что ученик Павел Островский способностей «очень хороших», на основании чего он из низшего отделения Училища направляется для учебы в высшее. Из «Ведомостей» мы узнаем, что по завершении обучения в Училище, благодаря его успешному окончанию, он поступает в Семинарию, которую, в отличие от своего брата, Александра Федоровича, заканчивает благополучно⁴. Преподаватель Костромской духовной семинарии и председатель Костромского церковно-исторического общества И. В. Баженов в своем очерке о Костромской духовной семинарии «Какие науки и как изучали костромские семинаристы в период от 1814 до 1867 года?» отмечал, что, при довольно скудных материальных условиях содержания, отсутствии печатных учебников и прочих неудобствах быта «воспитанники семинарии с окончанием курса в ней не только не были слабы или скудны даваемым образованием, но из их среды нередко появлялись мужи, выдающиеся по высоким познаниям»⁵. Далее, описывая достоинства выдающихся выпускников, которых воспитала Костром-

ская семинария, говоря, какие «светлые лучи и потоки из этого рассадника просвещения изливались», он пишет о заслугах их перед Отечеством и народом Божиим. «Невольно исторгаются чувства удивления и благодарности к вышедшим из Костромской семинарии носителям света веры Христовой и энергичным деятелям в области истинного просвещения и русской государственности», – заключает он по рассмотрении семинарских курсов и достоинств выпускников Духовной школы⁶.

Окончивший Костромскую семинарию протоиерей Павел Островский был талантлив во многих областях священнического служения. Рассматривая его священническую деятельность, следует отметить, что Павел Федорович, ключарь кафедрального собора, был известен своим красноречием, которое по наследству досталось ему от отца-священника, настоятеля Благовещенской церкви г. Костромы протоиерея Феодора Ивановича Островского. Обладал даром слова, оказывающим неизгладимое впечатление на слушателей. По воспоминаниям современников, «был любим своей паствой». Его проповеди, переписанные в тетради, долгое время хранились в семинарской библиотеке как образец для подражания семинарским и епархиальным проповедникам. «Речь при возвращении Галичской дружины», напечатанная в «Костромских губернских ведомостях», поражает не только глубоким внутренним содержанием, но и высотой слога, ясностью обращения и мысли⁷.

Надо сказать, что Кострома уже с 1791 г. располагала довольно значимой библиотекой общественного пользования, созданной по распоряжению преосвященного костромского епископа Павла (Зернова) в куполе кафедрального Успенского собора «к лучшему поощрению и побуждению учившихся в Семинарии священнослужителей к упражнениям их, при переводах и сочинениях делаемых»⁸. Многие костромские преосвященные сами являли образец учености, наряду с чем способствовали раскрытию талантов в своих подопечных духовного сословия. Надо сказать, что круп-

нейшим книгохранилищем Костромы до середины XIX в. была библиотека местной Духовной семинарии, созданная еще при создании ее в конце 1740-х гг. В описаниях Костромской семинарии мы находим свидетельства о том, что управляющие епархией архиереи, ректоры Семинарии, епископы Дамаскин (Аскаронский) и Симон (Лагов), постоянно заботились, чтобы в распоряжении семинаристов были не только духовные сочинения, но и новейшие учебники по всем отраслям знания. Каталог библиотеки и ее содержимое постоянно пополняли новые издания словарей, научной литературы, даже беллетристики того времени. Отметим, что известный церковный писатель и проповедник костромской епископ Симон (Лагов) собрал личную библиотеку более чем из двух тысяч наименований. Ее основной фонд состоял из рукописей, редких книг «кириллической печати», духовных и светских сочинений на латинском языке. Впоследствии часть своей библиотеки, при переводе в 1778 году на Рязанскую кафедру, епископ Симон пожертвовал Костромской духовной семинарии⁹. В семинарской библиотеке хранились напечатанные на латинском языке в XV-XVI вв. редкие издания сочинений Аристотеля (1496), Гомера (1561) и Тацита (1592), собрание пословиц *Adagiorum opus* (1533), свод документов *Consilium Nicenum Sinodi Nicenae* (1540). В ее собрании находились Трифологион Сильвестра Коссова (1647), Лексикон Славеноросский (1653), Евхологий (1658) и др. Отдел рукописей содержал 90 манускриптов XIV-XIX вв., древнейшими из которых являлись Толковая Палея XIV в., Пятикнижие Моисеево и Учительное Евангелие патриарха Каллиста XV в., хронографы XVII в. и другие.

В библиотеке Успенского кафедрального собора среди 272 иностранных изданий находились Толкование на Псалтирь (1586), Библии на немецком (1697) и латинском (1750) языках, Историческая критика, хронология, география и словарь А. Калмета (Венеция, 1726) и другие книги, которые были изданы в XVII-XVIII вв. в Париже, Лейпциге, Кельне, Виртемберге.

Рукописный фонд («письменная библиотека») в 1858 г. насчитывал 72 единицы хранения, а общий – 3152 т. и оценивался в 2525 руб. и 31 коп. серебром¹⁰. Столь подробная отсылка к содержанию книжного собрания Костромской духовной семинарии и Успенского кафедрального собора при рассмотрении и изучении личности прот. Павла Островского не напрасна. Она призвана обратить внимание читателя на культурную и образовательную среду, в которой о. Павел жил, осуществлял свою пастырскую, научную и литературную деятельность и которая, несомненно, наложила свой отпечаток на личность кафедрального ключаря. Желая оставить для потомков как можно больше сведений о состоянии церковных дел Костромской епархии, он написал замечательный труд по истории создания и содержанию соборной библиотеки «Историческое описание библиотеки Костромского Успенского кафедрального собора», чем немало способствовал историческим сведениям о ее собрании.

Время, в котором он жил – XIX век, было наполнено знаменательными для России преобразованиями, в том числе учреждением в

1834 году повсеместных губернских статистических комитетов. Указами Святейшего Правительствующего Синода 21 октября 1847 г. (содержал требование предоставления отчетов о состоянии епархии) и 17 декабря 1865 г. (указ № 3862) епархиальным преосвященным была указана необходимость составлять отчеты, в которых содержалась справочная информация о жизни епархий во всех сферах ее деятельности. Добавим к этому, что в 1850 году по инициативе синодального духовно-учебного управления было принято определение Синода, согласно которому епархиальным архиереям поручалось незамедлительно приступить к составлению подробных историко-статистических описаний вверенных им епархий¹¹. Указанной работой должны были заниматься преподаватели местных Семинарий или лица духовного ведомства, имеющие интерес к историческим исследованиям. Указы способствовали возникновению целого пласта ученых и краеведческих трудов духовенства по составлению книг, сообщавших официальную и справочную информацию о распоряжениях высшей и местной власти. В них сообщались

Успенский собор Костромского кремлевского ансамбля. 1910-е годы.

как сведения по историко-статистическому описанию церковно-исторических исследований церквей и монастырей, духовных школ, так и информация, которая создавалась с целью изучения истории, этнографии, археологии, народной религиозной жизни на территории епархии¹². Исследовательский труд священнослужителей был мотивирован выделяемыми государственными денежными средствами – окладом, что было немаловажным подспорьем в поисках и собирании сведений, а также в работе по написанию и изданию книг. На основе составленных описаний планировалось составить специальный курс истории Российской церкви. В отчете обер-прокурора Синода Н. А. Протасова за 1850 г. отмечалось, что «для составления оного в надлежащей полноте необходимо прежде привести в известность все церковно-исторические и статистические материалы, рассеянные по пространству обширной нашей Империи»¹³. Примером такого исследовательского труда в Костромской епархии было, например, составленное священником Успенского кафедрального собора и действительным членом Костромского губернского статистического комитета Евтихием Петровичем Вознесенским (1812-1857) методическое пособие «Программа для историко-статистических очерков Костромской епархии»¹⁴. К сфере запрашиваемых Синодом материалов следует отнести исследование «Историческая записка о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии», составленная учителем и историком Семинарии и преподавателем гимназии кандидатом богословия Николаем Осиповичем Андрониковым¹⁵.

Научно-статистическая, ученая деятельность о. Павла, члена консистории, в обязанность которого было неперемное вхождение в статистический комитет, проявилась в книгах историко-статистического содержания. Его авторству принадлежат: «Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора» 1855 года, «Историко-статистическое описание Костромского первоклассного ка-

федрального Ипатьевского монастыря» 1870 года, «Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестночтимой в императорском доме Романовых» 1864 года, написанный в соавторстве «Алфавитный список священников и диаконов Костромской епархии с показанием церквей, при которых каждый из них состоит на службе 1871 года» и другие. Они по сию пору служат для исследователей-краеведов костромской старины (как начинающих, так и маститых) глубоким историческим исследованием эпохи и края, в которую жил и трудился соборный ключарь. В них можно отблески церковной красоты, о которой мы, читая его книги в современное время, с болью утраты вспоминаем. Достаточно сказать, что при богатстве соборной библиотеки он пользовался трудами, знаниями, советами своих предшественников и сослуживцев. На основании исследований своих предшественников он мог улучшать собранный ими материал, анализировать, дополнять. Так, при написании труда «Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря» он использовал труды: «История Российской иерархии» Амвросия II 1810 года; «Описание Костромского Ипатьевского монастыря» епископа Павла (Подлипского) 1832 года. Использовал историко-статистические сведения, размещенные в статье «Ипатьевский первоклассный монастырь» в «Костромских губернских ведомостях» за 1847 год, № 3; книгу протоиерея М. Диева 1858 года «Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря» и другие материалы, содержащие сведения об историческом прошлом Костромской епархии и ее обитателей. Надо сказать, что труд, составленный прот. Павлом, отражает наиболее полную картину историко-статистической тематики, не имеющую аналогов у предшественников. Так что его изложение является вполне самостоятельным исследованием.

Разносторонне развитый, прот. Павел зарекомендовал себя как человек свободолюбивый и самостоятельно мыслящий. Несмотря на

принятое в среде духовенства подобострастие к начальству, по воспоминаниям современников, о. Павел был человеком достоинства, независимых взглядов, нелюбезный. Кострома с ее обществом, проникнутым провинциальным духом и бытовой ограниченностью, не могли, конечно, способствовать полному раскрытию талантов столь широкой натуры. Костромские епископы почти всегда относились к подчиненным им ученым протоиереям с надменностью, предвзятостью и плохо скрываемой завистью. Подтверждением тому служат судьбы многих костромских священников – краеведов. Наиболее наглядно такая позиция видна при прочтении биографии выдающегося костромского ученого протоиерея Михаила Диева. В частности, отношением к нему и его трудам зарекомендовавших себя в истории церковных писателей и проповедников епископов Павла (Подлипского) и Владимира (Алявдина)¹⁶. Указывая на подобный факт, не лишне будет привести характеризующую «мелочь» – в своих дневниках прот. М. Диев с болью пишет, что «многие ценные книги у него были “зачитаны” церковным начальством и увезены далеко за пределы Костромы»¹⁷. У И. В. Баженова также можно найти свидетельства, указывающие, что проявившие свои способности и ставшие знаменитыми талантливые выпускники Костромской семинарии «просветляли сумрачный горизонт нашей епархии»¹⁸. Однако тут же он отмечает, что многие из них добились значительных успехов и заслужили достойное признание, только покинув родной край.

Впрочем, как уже сообщалось выше, в официальных биографиях упоминаемых преосвященных им даются эпитеты «ученейших мужей», «прекрасных проповедников», «неутомимых в епархиальных делах», рачительных во «вразумлении заблудших». Милостивых и доступных для всех приходивших и общавшихся с ними людей, оставивших после себя множество полезных трудов¹⁹. Сами их подчиненные давали повод не сомневаться в приводимых эпитетах. В титульных листах своей книги «Историко-статистическое описание

Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря» находим посвящение, адресованное костромскому преосвященному епископу Платону (Фивейскому) в таких словах: «Милостивейшему отцу и архипастырю с глубокою сыновней преданностью посвящает составитель»²⁰.

Как интересную заметку об эпохе и ее нравах следует привести судьбу брата прот. Павла – Николая Федоровича²¹, который после окончания Московской духовной академии со званием кандидата богословия выбрал светское поприще. Поступил в 1819 году в Общее собрание Московских департаментов правительствующего сената и дослужился в 1835 году до звания коллежского асессора. Имел награды за беспорочную службу. В 1847 году купил с торгов усадьбу в Щельково, дела в которой привел в надлежащий порядок. Кроме того, у него были имения в Солигаличском уезде Костромской и в Ардатовском уезде Нижегородской губерний²². Николай Федорович состоялся как образованный, востребованный, предприимчивый человек, возведенный в дворянское сословие. Его брат, протоиерей Павел, о годах, проведенных в Костроме, мог говорить только (через свидетельства родственников) как о пребывании в ссылке²³. Однако, несмотря на пребывание в провинции, забвение не коснулось ни прот. П. Ф. Островского, ни его трудов. Его научная деятельность и книги оказались востребованными в XXI веке. Они по-прежнему служат исчерпывающим для своего времени материалом по тем темам, которые он, тщательно изучив, предложил обществу как добротный научно-полезный и всегда востребованный материал²⁴.

Наше изучение личности прот. Павла Островского было бы неполным, если бы, остановившись на его ученой и публицистической деятельности, не отметили бы его труды в деятельности как ключаря Успенского кафедрального собора. Благодаря его стараниям, хлопотам, привлечению средств и личным пожертвованиям в Богоявленском соборе в период 1866-1868 гг. были устроены два придела.

Правый – в честь Феодоровской иконы Божией Матери, св. блгв. князя Александра Невского и преподобного Иосифа Песнописца. Левый – в честь Боголюбской иконы Божией Матери и св. мученика Платона²⁵. При его непосредственном участии были проведены строительные работы по перестройке боковых крылец Богоявленского собора, обустройство помещений для духовенства, ризницы, сооружение отопительной системы и кровли. С чувством благодарности его труды вспоминали соборяне. «Ревнитель собора, пожелавший оставить после себя незабвенную память, протоиерей и ключарь собора отец Павел Федорович Островский взял на себя заботу по устройству правого алтаря, – писал в своих воспоминаниях соборный протоиерей Иоанн Поспелов. – По его приглашению нашлись доброхотные жертвователи; нет сомнения, что и сам отец ключарь, кроме своих хлопот, внес значительную жертву на это святое дело»²⁶. Для лучшего решения поставленной задачи по расширению пространства Богоявленского собора была образована особая временная строительная комиссия. В комиссии состояли: настоятель собора протоиерей М.Е. Беневоленский, протоиерей К.Д. Бронзов, ключарь П.Ф. Островский и соборный староста Г.Д. Солодовников, а также другие благотворители и специалисты. Заботился о ключарь и о наполнении собора святынями. В частности, по просьбе о. Павла 14 августа 1875 года киевским митрополитом Аресением (Москвиным)²⁷ была прислана рака с частицами мощей Печерских святых преподобных отцов, которая в настоящее время находится в Воскресенском на Дебре соборе²⁸.

Скончавшийся 1 апреля 1876 года ключарь собора протоиерей Павел Федорович Островский был погребен в подклети собора, где погребались соборные священнослужители²⁹. Впоследствии епископом Костромским Игнатием там был обустроен Сергиевский придел (поставлен иконостас и освящен престол), где по завещанию он был сам похоронен. Так помещение в подклети собора стало усыпальницей костромских архиереев: епископа Платона

(Фивейского; + 1877 г.), самого епископа Игнатия (Рождественского; + 1883 г.) и епископа Виссариона (Нечаева; + 1905 г.). Устроителем же работ по оборудованию придела – усыпальницы в подклети теплого собора, как и вышеозвученных прочих деяний по расширению собора, прот. И. Поспелов называет ключаря прот. Павла Островского³⁰. По всей видимости, протоиерей Павел, в связи с внезапной кончиной, не смог завершить намеченных планов, которые воплотил впоследствии епископ Игнатий. Последняя перестройка собора была осуществлена при епископе костромском Александре (Кульчицком, 1826-1888). При нем при открытии купола Богоявленского собора (при разборе сводов) библиотека была перенесена в здание при средних воротах ограды. После судьбоносного для России 1917 года в ноябре 1929 года кафедральные соборы Костромского кремля были закрыты, по решению костромского горсовета взорваны в 1934 году. Взрывами была уничтожена усыпальница под Богоявленским собором, где покоились костромские архиереи и соборные священнослужители.

Заканчивая исследование личности протоиерея Павла Федоровича Островского, хочется сказать о нем как о несомненно ярком, деятельном, харизматичном, образованном, в самом лучшем смысле, человеке, плодovitом ученом-писателе. Пастыре, воспитавшем в себе любовь к науке и упорное трудолюбие, преданность Церкви, желание нести свет просвещения и искреннее стремление к служению на пользу людям. Человеке, оставившем свои труды для будущих поколений, желая их просвещения, образования, воспитания. Хочется думать, что в восстанавливаемом Богоявленском соборе появится памятная доска об этом славном костромиче – пастыре протоиерее Павле Федоровиче Островском. Этой памятью восстанавливаемый собор наполнится духом времени тех, кто своими трудами способствовал Божией красоте и премудрости в людях. Ибо по слову премудрого Сираха, такие труженики нивы Господней «оставили себе имя

для возвещения хвалы их <...> и слава их не истребится; тела их погребены в мире и имена их живут в роды» (Сирах, 44:8, 13)³².

Протоиерей ДМИТРИЙ САЗОНОВ,
кандидат богословия

Примечания

1. Басова Н. Ф. Ближний круг А. Н. Островского. Семья, родня, друзья. – Кострома, 2014. С.145.
2. Островский А. Н. Полн. Собр. Соч. М., 1979. Т.11. С. 399-400.
3. Островский А. Н. Полн. Собр. Соч. М., 1979. Т.11. С. 399-400.
4. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.64. Б/н.; А. Н. Островский. Новые материалы и исследования. Кн.1. М., 1974. С.456, 459.
5. Баженов И. В. Статьи 1887-1916 годов/ составитель Семенова А.В. Кострома, 2019. С. 329.
6. Баженов И. В. Статьи 1887-1916 годов/ составитель Семенова А.В. Кострома, 2019. С. 330.
7. Костромские губернские ведомости. 1856. №32.
8. Островский П. прот. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. Костромской кремль: Сборник материалов/ составитель Семенова А. В. – Кострома, 2018. С. 240.
9. Келейная библиотека епископа Симона насчитывала 1293 старопечатных и 30 рукописных книг на русском, и 600 книг на греческом, латинском и немецком языках. Материалы для истории Костромской семинарии. Отд. 2 / /КОИАХМЗ. КОК 25126 Л. 19.
10. Костромские монахи-книжники XIV-XX вв. Биобиблиографический словарь //Авторы-составители О.В. Горохова, П.П. Резепин. Санкт-Петербург: Д. Буланин, 2015. С. 670-675.
11. Российский государственно-исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 131. Д. 826. Л. 7-8.
12. Богемская Н. Н. Развитие церковного краеведения в конце XIX века, на примере Санкт-Петербургской епархии// Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 4, 2008. С.322-323.
13. Извлечение из Отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1850 год. – СПб., 1851. – С. 55-56.
14. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 644.
15. Андроников Н. О. «Историческая записка о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии» / Сост. б. учителем Семинарии и врем. преп. Гимназии Николаем Андрониковым. – Кострома : типо-лит. Балакирева, 1874.
16. Игумен Антоний (Бутин). Протоиерей Михаил Диев – православный подвижник XIX в.// Ипатьевский вестник. Кострома, № 6, 2018. С. 27.
17. Смирнов Ю. Исчезнувшие библиотеки//Губернский дом. № 1-2 (26-27). 1998. С. 58
18. Баженов И. В. Статьи 1887-1916 годов/ составитель Семенова А.В. Кострома, 2019. С. 330.
19. Алексеев А. И. Владимир (Алявдин)// Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VIII : «Вероучение — Владимиро-Волынская епархия». С. 648—649. Свирелин А. И. Воспоминания о преосвященном Павле, архиепископе Черниговском // Странник. 1863. Декабрь.
20. Островский П. Ф., прот. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря / сост. П. Островским. – Кострома : тип. Андроникова, 1870.
21. Островский Николай Федорович (1796—1853) – отец драматурга А. Н. Островского. В 1850 году Костромское дворянское депутатское собрание приняло решение о внесении Н.Ф. Островского в 3-ю часть дворянской родословной книги Костромской губернии. Умер Николай Федорович 22 февраля 1853 году в Щелькове, похоронен на кладбище в с. Николо-Бережки.
22. О братьях и сестрах Островского. / ред. и вводная статья Б. Л. Модзалевского. // Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. / под ред. М. Д. Беляева. Л.: 1924. – С. 256 – 258.
23. Ревякин А. И. А. Н. Островский в Щелькове. Изд.2-е испр. и доп. М., 1978. С.188.
24. Сазонов Д. И. История и историософия Костромского Ипатьевского мужского монастыря. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. С.346,347, 349,354, 382.
25. Протоиерей Иоанн Поспелов. Теплый Богоявленский собор при костромском кафедральном Успенском соборе// Костромские епархиальные ведомости. 1885. № 4. С.73.
26. «И вот благодаря его усердию [прот. Павла Островского] устроен в правом приделе красивый дубовый иконостас и в нем красуются иконы: с правой стороны царских врат икона Спасителя, Нерукотворенный образ в таком же виде и размере, как существующий в Санкт-Петербурге образ, пред которым молился спасший жизнь государя 4 апреля 1866 года Комиссаров-Костромской {е}; а подле него – икона святого благоверного [великого князя] Александра Невского. По левую сторону царских врат – икона Феодоровской Божией Матери такого же размера, как чудотворная, а подле нее – икона преподобного Иосифа Песнописца». Протоиерей Иоанн Поспелов. Теплый Богоявленский собор при костромском кафедральном Успенском соборе// Костромские епархиальные ведомости. 1885. № 4. С.73.
27. Митрополит Арсений (в миру Фёдор Павлович Москвйн; 1795-1876). Родился в с. Воронье, ныне Судиславский р-н Костромской области, сын диакона. Учился в Костромской духовной семинарии, в 1918 году поступил в СПб духовную академию. Наконец 1 июля 1860 года Арсению Высочайше повелено быть митрополитом Киевским и Галицким и Киево-Печерской лавры священноархимандритом, а также членом Св. Синода. Скончался 28 апреля (10мая) 1876 года. Погребён в каменной церкви во имя Воздвижения Честного Креста, на Ближних пещерах пред Казанской иконой Божией Матери. – Прим. автора.
28. Мощи преподобных Печерских: Нифонта, епископа Новгородского, Дамиана целебника, Спиридона просфорника, Прохора чудотворца, Марка гробокопателя и Ильи Муромца. Протоиерей Иоанн Поспелов. Теплый Богоявленский собор при костромском кафедральном Успенском соборе. Костромской кремль: Сборник материалов/ составитель Семенова А. В. – Кострома, 2018. С. 213.
29. В подклети собора были похоронены священники Успенского собора: прот. Д. М. Метелкин, Д. М. Груздев, В. С. Горский, И. С. Беляев, и др. – Прим. автора.
30. Костромской кремль: Сборник материалов/ составитель Семенова А. В. – Кострома, 2018. С. 214.
31. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. United Bidle Societies, 1991.

А.Н. ОСТРОВСКИЙ В КРУГУ ДРУЗЕЙ

А.Н. Островский был общительным человеком, особенно в молодые годы. Среди его друзей и знакомых были люди творческие: литераторы, актеры, композиторы, историки, но также купцы, чиновники, крестьяне.

В детстве Островского окружала семья. Особенно много он общался с сестрой Натальей, разница в возрасте с которой была всего один год. Потом гимназия, Московский университет, учеба в котором Островского не особо заинтересовала. Стали активно появляться литературные и театральные знакомства. В 1850 году Островский обрел литературный приют, став практически соредактором журнала М.П. Погодина «Москвитянин». Его друзья – молодые, энергичные, талантливые литераторы: Аполлон Григорьев, Николай Берг, Тертый Филиппов, Борис Алмазов, Евгений Эдельсон – вошли в «молодую редакцию» журнала. Островский с энтузиазмом берется за дело, приобретая влияние и авторитет. Он становится центром притяжения разных людей: писателей А.Ф. Писемского, Е.Э. Дрянского, С.В. Максимова, А.А. Потехина, актеров И.Ф. Горбунова, М.П. Садовского, художника П.М. Боклевского, скульптора Н.А. Рамазанова, пианиста и композитора А.И. Дюбюка и многих других. Образовался своего рода кружок, где царил теплая дружеская атмосфера, всех объединяло увлечение народной культурой, а особенным почетом пользовались русские народные песни.

Через несколько лет «молодая редакция» распадется, но деловые, творческие и дружеские отношения с многими ее сотрудниками продолжатся. Так будет с Аполлоном Григорьевым (1822 – 1864), поэтом, литературным и театральным критиком, автором популярных песен и романсов. В кругу «молодой редакции» Гри-

**А.Н. Островский.
1850-е годы.**

горьев был особенно популярен: «И сегодняшний день... А.А. Григорьев был подобно предыдущему – героем собрания. Он более всех говорил, его более всех слушали»¹. В жизни Григорьеву всегда нужен был образец, эталон, кумир, и в период «молодой редакции» им стал Островский. По свидетельству С.В. Максимова, Григорьев, «до фанатизма увлекавшийся Островским, прослушал все его художественные создания по нескольку раз с неустанным и не ослабевшим интересом... своими критическими этюдами сделал свое имя... неразрывным и неотделимым от имени Островского»². Он видел в Островском «глашатая правды новой» и первым из крити-

тиков открыл молодого драматурга читающей публике. Островский поддерживал дружеские отношения с Григорьевым до его кончины, наступившей в довольно молодом возрасте.

Свою первую большую комедию «Свои люди – сочтемся!», быстро набравшую известность, но еще не напечатанную, Островский читал в московских домах, нередко вместе с актером Провом Михайловичем Садовским (1818 – 1872). Поступив на сцену в юные годы, Садовский скитался по провинциальным театрам. В Казани на него обратил внимание М.С. Щепкин и пригласил в Малый театр. Первое время молодой актер играл в водевилях, мелодрамах, комедиях. В 1847 году в знаменитой «литературной» кофейне Печкина он познакомился с А.Н. Островским, и далее их дарования развивались вместе, взаимно обогащая и дополняя друг друга. Пять пьес молодого драматурга впервые ставились в бенефис Садовского: «Не в свои сани не садись», «Утро молодого человека», «Бедная невеста», «Не так живи, как хочешь» и «Бедность не порок», написанная Островским с учетом дарования знаменитого артиста.

А.А. Григорьев.

Исполнение роли Любима Торцова принесло ему триумфальный успех. Садовский принимал участие в первых постановках и других пьес Островского, ему всегда удавалось оттенять бытовые и психологические черты героя. Флегматичный внешне, Пров Садовский имел особую манеру игры: он совсем не старался смешить зрителя, держался на сцене серьезно и достигал этим необыкновенного комизма. Творческий путь актера был ярким, но не продолжительным по причине слабого здоровья. В последний раз П.М. Садовский, основатель известной театральной династии, вышел на сцену в роли купца Восьмибратова в комедии Островского «Лес».

В круг «молодой редакции» «Москвитянина» Ивана Федоровича Горбунова (1831 – 1896), актера, писателя, рассказчика ввел сам Островский. Горбунов взялся тогда переписывать восхитившую его комедию «Свои люди – сочтемся!» Встреча с Островским повлияла на всю его дальнейшую судьбу. Многие годы он был «неразлучным спутником и самым преданным другом» драматурга. Ему посчастливилось наблюдать за творческим процессом Островского, и сам он набирался опыта. Иван Горбунов стал блестящим рассказчиком-импровизатором, ему в полной мере удавалось передать своеобразие живой народной речи. Горбунов много играл в пьесах Островского, заслуживая

И.Ф. Горбунов. 1880-е годы.

похвалу автора. Живя в Петербурге, он сообщал драматургу театральные и литературные новости, хлопотал о его пьесах, вел переговоры по поводу публикаций. Артист был гостем Щелыкова, а в 1862 году Островский вместе с Горбуновым совершил единственное в жизни заграничное путешествие.

С Федором Алексеевичем Бурдиным (1827 – 1887), артистом и литератором, Островский был знаком еще с гимназии, поскольку тот учился вместе с его братом, Михаилом Островским. В четырнадцать лет Бурдин поступил суфлером, потом актером в Малый театр, а с 1847 года служил в труппе Александринского театра. На этой сцене в феврале 1853 года была поставлена пьеса «Не в свои сани не садись». «В этой комедии я играл Бородкина, и мы тут окончательно сблизились с Александром Николаевичем, и наши сердечные отношения не прерывались до его кончины», – писал в воспоминаниях Ф.А. Бурдин³.

«Любезнейший друг Федор Алексеевич!», – так обычно начинал свои письма Островский. Приезжая в Петербург, он останавливался в доме Бурдина, где все его очень любили, где была теплая атмосфера семейного уюта. Бурдину Островский писал о сокровенном, ему адресованы самые горькие высказывания драматурга – об ухудшающемся здоровье, о тяжелом моменте, когда было желание уйти из театра и

продолжить писать, но не для сцены. С Бурдиным драматург делился радостью о покупке Щелькова, а спустя годы – болью о случившемся в усадьбе пожаре. Именно к Бурдину драматург обращается с деликатной просьбой забрать у Н.А. Некрасова, редактора «Отечественных записок», рукопись неоцененной «Снегурочки», чтобы потом передать ее в другой журнал. Настойчиво зазывая Бурдина в Щельково, Островский писал ему: «Расцелую тебя, запишу в поминанье и подарю тебе таких удочек и лесок, что стоял свет и будет стоять, а таких уж не будет»⁴.

Деловые их связи были широкими, а доверие – полным. Бурдин имел знакомства с влиятельными людьми из литературно-театрального мира, что позволяло ему проводить через цензуру пьесы Островского, добиваться их постановки в театрах, помогать в издательских делах. В ответ Островский давал Бурдину пьесы для бенефисов – «Шутники», «Лес», «Волки и овцы», «Последняя жертва», «Бесприданница», «Красавец-мужчина». Роль Краснова в пьесе «Грех да беда на кого не живет» была у Бурдина одной из самых любимых. Актер много играл в репертуаре Островского, отличался добросовестным исполнением, но иногда брал роли, не соответствующие его данным. Так, Бурдин добивался роли Минина в драматической хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и получил ее. Спустя время Островский писал ему: «Слышал, что ты при следующих

представлениях «Минина» был гораздо сдержаннее, и за это тебе большое спасибо. Вся ошибка твоя была в том, что ты переиграл». Но даже в таких случаях драматург был мягок и деликатен: «Ты как будто сердидься, если это так, то напрасно. Поверь, что я гораздо более желал тебе добра, чем ты думаешь»⁵.

Отслужив на сцене 40 лет, Ф.А. Бурдин ушел в отставку и переехал в Курск, писал Островскому театральные новости, собирал для его словаря народные слова. Островский, готовясь к вступлению в должность заведующего репертуаром Московских императорских театров, планировал пригласить актера в драматическую труппу, но осуществить замысел не успел. Ф.А. Бурдин пережил своего друга менее чем на год.

Одним из самых близких друзей Островского был Николай Александрович Дубровский (1821 – 1874), чиновник Московской дворцовой конторы, архивариус. Познакомились они в конце 1840-х годов, объединяла их страстная любовь к литературе и театру. У Дубровского были хорошие сценические способности, и в начале 1860-х годов он с успехом играл в любительских спектаклях, в том числе и по пьесам Островского, иногда – вместе с автором. Дубровский был человеком разносторонних интересов: писал историко-этнографические статьи и очерки, был составителем «Толкового словаря иностранных слов». А самое главное – для пьес Островского он делал справки на

П.М. Садовский.
1860-е годы.

Ф.А. Бурдин. 1880-е годы

А.Ф. Писемский.

разнообразные темы, а также охотно выполнял житейские и хозяйственные поручения драматурга.

У них была особенная, нередко шутовская манера общения. Иногда в письмах они как бы состязались в поэтических способностях. Завершив пьесу «Лес», Островский так приглашает своего друга:

*«Пане!
Кончил я работу;
Но не в субботу,
А в воскресенье
Будет чтение.*

Приезжай непременно, если не хочешь быть проклят в Соборное воскресенье вместе с Отрепьевым и Стенькой Разиным»⁶. Или такое письмо 1871 года, написанное, вероятно, в масленицу: «Мой друг Николка!... Сегодня приезжай ко мне кушать блины, мы тебя ждем, отговорок никаких не принимаем. Если не приедешь, то сочтем за обиду и за невежество»⁷. Дубровский вспоминает, как однажды приехал в Щельково и не застал никого дома, все были на рыбалке: «Я сидел на балконе и любовался открывающимся с него видом... Когда же услышал поспешные шаги и голос Островского: «Где он тут, разбойник?...» – я стал за колонны балкона и, дав ему пройти мимо меня, вышел в гостиную... Островский вернулся, мы с ним дружески обнялись и расцеловались»⁸. Н.А. Дубровский оставил «Театральный дневник», в котором много говорится об Островском.

Близким другом А.Н. Островского был писатель, драматург, журналист Алексей Феофилактович Писемский (1821-1881). Они познакомились в середине 1840-х годов и были дружны до конца дней. Сближала их костромская земля (родом Писемский был из села Раменье Чухломского уезда). На их творческом пути было много общего: сотрудничество в журналах «Москвитянин» и «Современник», участие в литературной экспедиции по Волге, когда Островский исследовал верховья Волги, а Писемский – ее устье. Для обоих путешествие не было легким: Островский повредил ногу тарантасом и простудился, а Писемский заболел лихорадкой и лечился потом в московском доме драматурга. В 1860 году пьесы «Гроза» Островского и «Горькая судьбина» Писемского удостоились Уваровской премии. Самое главное, писателей

объединяли любовь к театру, интерес к жизни своего народа и его истории. Радостный мир литературного творчества и дружеского общения Писемский отразил в романе «Люди сороковых годов».

В свое время А.Ф. Писемский вместе с И.С. Тургеневым были самыми известными и читаемыми русскими писателями. Однако, начиная с 1860-х годов, творческая судьба Писемского складывается очень сложно. В период резкой критики его произведений, угасания интереса читающей публики Островский поддерживал своего друга.

На открытии памятника Пушкину в 1880 году немолодые, «угловато-скромные» Островский и Писемский держались вместе. «Они были, может быть, самые чистые в этом роде бытовики-художники. Творчество их тогда уже шло к упадку. Но Россия еще их любила и горячо приветствовала»⁹. А.Н. Островский тяжело переживал кончину своего друга и высказал желание быть похороненным рядом с ним, на Новодевичьем кладбище. Правда, жизнь распорядилась по-другому.

А.Н. Островский дружбу ценил и берег. Добрых знакомых и даже друзей он обретал и потом, но самые крепкие и теплые дружеские узы, на всю жизнь, были из счастливых лет его молодости.

Н.С. ТУГАРИНА,
заместитель директора
Музея-заповедника «Щельково»

Примечания

1. Семевский М.И. Встречи с А.Н. Островским в Москве // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: «Художественная литература», 1966. С. 150.
2. Максимов С.В. Александр Николаевич Островский // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: «Художественная литература», 1966. С. 99.
3. Бурдин Ф.А. Из воспоминаний об А.Н. Островском // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: «Художественная литература», 1966. С. 330.
4. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство. 1978. Т. XI. С. 302.
5. Там же. С. 247.
6. Там же. С. 334.
7. Там же. С. 343.
8. Дубровский Н.А. // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: «Художественная литература», 1966. С. 349.
9. Михеев В.М. Беглые театральные воспоминания // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: «Художественная литература», 1966. С. 421-422.

«С КОРАБЛЯ НА БАЛ...»

*1970-е годы в истории Государственного музея-заповедника
А.Н. Островского «Щельково»*

В Государственном архиве Костромской области хранится личный фонд краеведа В.Н. Бочкова, в составе которого целый раздел составляют документы и фотографии периода работы Виктора Николаевича заместителем директора по научной работе в 1972 – 1977 годах в Государственном музее-заповеднике А.Н. Островского «Щельково». В состав документов входят переписка, планы работы и отчеты о деятельности музея, составленные В.Н. Бочковым.

В интервью А.А. Анохина в 1990 году Виктор Николаевич вспоминает: «...в Щельково я попал как раз в то время, когда готовилось 150-летие со дня рождения А.Н. Островского в 1973 году. Я был с 1972 года в Щельково, и я попал, как Чацкий, «с корабля на бал», –

мне пришлось сразу же заняться экспозицией к юбилею...».¹

Юбилейные торжества, посвященные 150-летию со дня рождения драматурга, начались в апреле, а закончились 14 июня 1973 года на «щельковской» земле, на праздник съехались гости из Москвы, Ленинграда, Иванова, Костромы, представители общественных организаций, актеры, жители окрестных сел и деревень. В полдень начался митинг, посвященный открытию памятника А.Н. Островскому, на котором выступили председатель правления Союза писателей РСФСР, Герой Социалистического Труда С.В. Михалков, председатель правления Всероссийского театрального общества, народный артист СССР М.И. Царев, внучка драматурга М.М. Шателен.²

На открытии памятника А.Н. Островскому в Щелькове.
В центре: М.М. Шателен, С.В. Михалков, М.И. Царев. 14 июня 1973 года.

Вскоре после юбилея, в марте 1974 года, в газете «Северная правда» выходит статья В.Н. Бочкова «Музей собирает», в которой Виктор Николаевич рассказывает о новых экспонатах, поступивших в музей в период его работы в музее, среди которых чайный сервиз завода Попова, купленный у коллекционера В.П. Сереброва в г.Горьком, шкатулка для игральных карт середины XIX века из орехового дерева с вышивкой на коже, бронзовый колокольчик, «не всякий, а с фигуркой Наполеона», «наверное, одни сотрудники музеев знают, как трудно подчас раздобыть ту или иную «безделушку» и как оживляет она экспозицию»³.

Особое значение музей придает связям с театрами национальных республик, часто обращающихся к наследию А.Н. Островского, достаточно перечислить города, в которых побывали сотрудники музея: Баку, Фрунзе, Ашхабад, Минск, Таллин и др.⁴

Начиная с 1974 году в экскурсионной работе стало принято наряду с большими постоянными экспозициями, обновляемыми частично, проводить популяризацию фондов музея путем устройства непродолжительных тематических выставок, что увеличивало количество экспонируемых предметов. Так, например, в 1975 году экспонировалось 1082 произведения искусства (живопись, графика, прикладное искусство, костюмы и т.д.), что составляло десятую часть всех фондов музея,⁵ в 1976 году – 1152⁶. «Традиционным самоотчетом музея о собирательской работе»⁷ становятся выставки новых поступлений, которые приурочиваются к Дням памяти драматурга 14 июня, привлекая внимание многочисленных посетителей музея в течение всего лета.

В отчете об экспозиционной работе за 1975 год В.Н. Бочков пишет, что план выполнен по всем показателям⁸, а некоторые выставки даже развернуты сверх плана: значительной доработке подверглась экспозиция 1966 года в мемориальном доме, бутафорская мебель заменена подлинными вещами, приобретенными музеем в последние годы и частично отреставрированными в Щелыкове, в экспозицию

столовой введены два кресла с витыми ручками, в кабинет поставлен перед диваном столик «маркетри». В вестибюле второго этажа литературно-театрального музея на витринах и стендах устроена выставка, посвященная 100-летию создания пьесы «Волки и овцы», на которой было представлено более ста экспонатов, особую ценность среди них представляли уникальные фотографии с автографами известных актеров из спектакля, кроме собственных материалов музей взял во временное пользование для показа на выставке большое количество экспонатов из Бахрушинского музея и Малого театра: эскизы декораций и костюмов Б.М. Кустодиева, четки Яблочкиной-Мурзавецкой, ее же костыль, ружье Жарова-Мурзавецкого и т.д.⁹

«Гвоздем» выставки новых поступлений 1975 года стали гравюры и литографии с видами Москвы и Петербурга XVIII – перв. пол. XIX вв., которые позволили посетителям представить облик столиц времен А.Н. Островского, в составе «вещевого» раздела выставки «особенно хорошо» выглядел фарфоровый сервиз Попова»¹⁰.

Зимой 1974 – 1975 гг. в музее проводилась инвентаризация платяного отдела музея при участии известного специалиста по костюмам Е.Д. Курбатовой, наиболее интересные экспонаты откладывались для выставки. Выставка костюма была устроена в литературно-театральном музее (кроме одежды на ней экспонировались головные уборы, шали, зонтики, перчатки) и получила неожиданно широкий резонанс, ей заинтересовалось центральное телевидение, статья о выставке вышла в газете «Советская культура» 13 января 1976 года. На выставке был представлен ряд подлинных платьев знаменитых актрис в ролях пьес А.Н. Островского: Турчаниновой (Барабошева), Тарасовой (Негина), Рыжовой (Фелицата), Яблочкиной (Василиса Мелентьева), особое внимание привлекали три шали, модные в 1840-е годы – кашемировая, турецкая, сделанные, видимо, в Париже. Вместе с одеждой экспонировались оригинальные портреты одетых

по тогдашней моде дворян, купцов и мещан, что более наглядно давало представление о том, как одевались люди в эпоху драматурга¹¹.

Начиная с 1975 года музей резко акцентировал «собирательскую работу», пополнив свои фонды в 1975 году – 1170 экспонатами, в 1976 году – 1006.¹²

Наиболее интересная часть новых экспонатов музея в 1976 году была приобретена закупочной комиссией ВТО – всего 403 экспоната на сумму 14 тыс. рублей, среди которых были вещи, принадлежащие известному актеру Н.Ф. Костромскому, фарфоровый сервиз завода Гарднера из 28 предметов, столик и кресла красного дерева, ковер монастырской работы, лорнет в черепаховой оправе, программы московских театров сезонов 1910-1913 годов, открытки с видами окрестностей Щельикова, изданные Кинешемским земством в начале 1900-х годов, и др.¹³

Именно в 1976 году, по мнению Виктора Николаевича, музей серьезно развернул научную работу, связанную в первую очередь с выявлением материалов для каталога «Художники театра А.Н. Островского», в этом же году музей впервые функционировал как платное учреждение.¹⁴

Значительные мероприятия в 1976 году были проведены и в экспозиционной работе: в мемориальном доме усовершенствование произошло за счет новых экспонатов, в столовой был поставлен настоящий круглый столик XIX в., в буфете в экспозицию был введен чайный сервиз завода Гарднера, заменены занавески и ламбрекены во всем мемориальном доме, для рабочего стола в кабинете А.Н. Островского добавлены табачница, счеты, пресс, подставка с двумя ручками, английское издание Шекспира и англо-русский словарь (А.Н. Островский перед смертью переводил Шекспира), листы бумаги XIX в. «Гвоздем» выставки новых поступлений 1976 года стали вещи из галичской усадьбы Готовцево актера Н.Ф. Костромского: мебель, предметы быта, семейные фотоальбомы.

**И.Б. Кустодиева (дочь художника)
в Щельикове. 1975 год.**

В 1976 году в Центральном Доме актера в Москве состоялся вечер «Щельикове в гостях у москвичей», где демонстрировались дары музею, В.Н. Бочков рассказывал о «собирательской работе последних лет, ... было сделано множество даров музею. Присутствовало 300 человек».¹⁵

В справке о положении музея, составленной В.Н. Бочковым для ВТО предположительно в 1976 году, своим каллиграфическим почерком Виктор Николаевич кратко подвел итоги 3-летней работы, где, в частности, писалось: «Наложены контакты со всеми театрами страны, ведется учет всех постановок Островского и сбор материалов по ним...».¹⁶

На 1976 – 1980 годы Виктором Николаевичем был составлен перспективный план по основной деятельности музея-заповедника, в который входил план комплектования, фондовой, научной экскурсионно-массовой работы. В разделе комплектования поражает географическое разнообразие командировок сотрудников музея для сбора материалов и экспонатов: в 1976 году – города Вильнюс, Харьков, Фрунзе, Курск, в 1977 году – города Свердловск, Днепропетровск, Ташкент, Караганда, Улан-Удэ, в 1987 году – города Целиноград, Тбилиси, Оренбург, Рига, Архангельск, в 1979

Выставка костюма времени А.Н. Островского в Щелькове. 1975 год.

году – Хабаровск, Саратов, Одесса, Ереван, Волгоград, в 1980 году – города Астрахань, Томск, Калинин, Челябинск, Петрозаводск.¹⁷

Во время командировок в театры сотрудники часто привозили уникальные документы и материалы, иногда такие поездки становились «экспедициями спасения», когда сотрудники «привозили гибнущие на местах (не только из учреждений, но и от самих работников театра) экспонаты».¹⁸

Перспективный план музея им. А.Н. Островского на 1976-1980 годы ставил своей задачей увеличение до 32 тыс. посетителей в год, проведение передвижных и выездных выставок, подготовку каталога «Художники театра А.Н. Островского», подготовку к печати 2-4 выпусков «Щельковского сборника», подготовку к изданию справочника «А.Н. Островский на советской сцене. 1945 – 1975 годы», завершение работы над справочником «А.Н. Островский на советской сцене. 1930 – 1944 г.г.», проведение кинолектория, лекций, выставок и многое другое.

В 1977 году Виктор Николаевич Бочков ушел из музея, и в документах его личного фонда нет сведений о выполнении или невыполнении данного перспективного плана работы музея.

М.Г. КУЗНЕЦОВА,
заведующая архивохранилищем
ОГКУ «Государственный архив
Костромской области»

Примечания

1. Костромская старина, № 20, 2007, с.20.
2. Северная правда, 15.06.1973.
3. Северная правда, 27.03.1975.
4. Северная правда, 13.06.1976.
5. Р-1224, оп.1 д.16 л. 4.
6. Там же, д.17, л.3.
7. Там же, л. 5.
8. Р-1224, оп1, д16 л.4.
9. Р-1224 оп1 д16 л5.
- 10 Там же.
11. Северная правда, 1975, 20.05.
12. Р-1224, оп1, д.17 л13.
13. Там же, лл14-15.
14. Там же, л.2.
15. Р-1224 оп1 д.17 л26.
16. Там же, д.20 лл.2-3.
17. Р-1224, оп.1, д.5, лл.1-3.
18. Там же. д.4, л.44.

ПОКРОВСКОЕ, ЧТО НА СЕНДЕГЕ

Летом 1874 года, находясь на отдыхе в своей костромской усадьбе Щельково, А.Н. Островский сообщает другу: «Теперь у нас Андрюша, он покупает имение рядом с нами – село Покровское»¹. Брат драматурга, Андрей Николаевич Островский, в связи с женитьбой и переездом на жительство в Казанскую губернию свое намерение так и не осуществил, но село неизменно привлекало внимание драматурга – и живописными пейзажами, и древней историей, и возможностью понаблюдать за колоритными типажам.

Покровское находится к северу от Щелькова, в трех с небольшим километрах от него. Расположено оно на высоком берегу реки Сендеги, с которого открывается вид далеко

окрест. В центральной части села возвышается полуразрушенный, но не утративший своей красоты и величия Храм Покрова Пресвятой Богородицы постройки 1773 года. Неподалеку от него уступами к речной долине спускается старинный парк с великолепной центральной липовой аллеей.

Согласно записи в костромских писцовых книгах первым владельцем Покровского был Алексей Юрьевич Ляпунов, перемещенный волею царя Ивана Грозного из новгородской земли в Костромской уезд. Не позднее начала XVII века село оказывается в руках его сына Ивана Ляпунова, сотенного головы и воеводы: «... за Иваном Алексеевым Ляпуновым в поместье по ввозной грамоте за приписью дья-

Село Покровское. 1958 год. Фото Б.А. Онусайтиса.

ка Федора Шушерина 125 г. [по современному летоисчислению 1616/1617 г. – прим. автора] старое отца его поместье село Покровское на речке Сендеге...»².

В 1634/35 годах Покровское переходит к сыну Ивана Ляпунова, Тихону, а затем в руки его сыновей, Семена, Матвея и Григория³. Со временем, в связи с наследованием по женской линии, в числе землевладельцев появляются представители родов Писемских, Фофановых, Витовтовых, Селевиных, Исаковых, Баскаковых, Балакиревых, Молчановых, Петлиных, Мошковых и других⁴.

В прошлом Покровское было довольно большим селом, территория которого составляла более 600 десятин. Согласно экономическим примечаниям к плану Генерального межевания 1777 года в селе находилось четыре дворянские усадьбы и 14 крестьянских дворов, а крестьян по данным 3-й ревизии числилось 48 душ мужского и 49 женского пола⁵. Владельцем одной из усадеб был секунд-майор в отставке Иван Иванович Балакирев, две другие принадлежали прапорщику Степану Ивановичу и капитану Василию Алексеевичу Ляпуновым, четвертой, предположительно, владели Витовтовы.

Аналогичной оставалась ситуация и спустя столетие, во времена А.Н. Островского. Крестьянских дворов было 12, проживало в них 45 душ мужского и 72 женского пола. Количество усадеб не изменилось – их также было четыре. На юго-западной окраине села проживала помещица Надежда Николаевна Молчанова, унаследовавшая имение от своей матери Александры Молчановой, урожденной Балакиревой. С восточной стороны к молчановской усадьбе примыкали владения внуков Степана Ляпунова – братьев Николая и Егора Осиповичей Петлиных, при этом каждый из них жил своим домом. Еще восточнее располагалась усадьба, которая принадлежала во второй половине XVIII-первой трети XIX века Витовтовым, а к 70-м годам XIX века оказалась в руках основателя Покровской картонной фабрики Василия Ларионовича Смирнова⁶.

В литературе не раз высказывалось мнение, что Н.Н. Молчанова явилась одним из

прототипов Мурзавецкой, героини пьесы А.Н. Островского «Волки и овцы», а ее двоюродный племянник Павел Васильевич Балакирев – прототипом Аполлона Мурзавецкого. В пользу этого суждения приводились следующие аргументы: якобы полное совпадение возраста героини и возраста помещицы в год написания пьесы, то обстоятельство, что обе были не замужем и именовались девицами, властный и суровый характер, религиозность, владение крупным, но расстроеным поместьем, наличие как у героини, так и у прототипа племянника 24-х лет⁷. Далеко не все эти доводы выдержали проверку историческими документами.

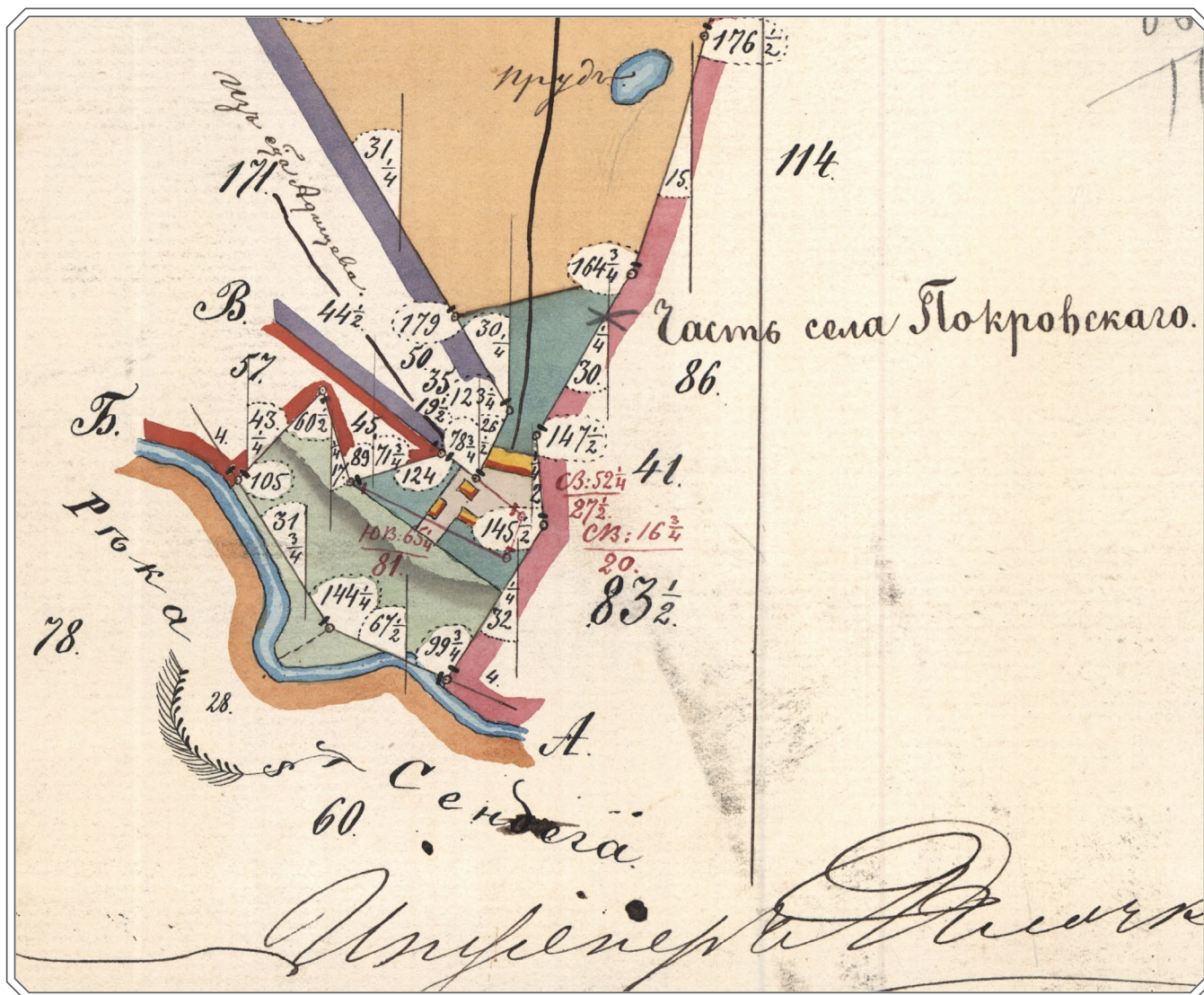
Надежда Николаевна Молчанова действительно замуж не выходила и во всех документах именуется девицей. Что касается возраста, то родилась она в 1817 году⁸. Следовательно, в год создания пьесы «Волки и овцы» (1875) ей было не 65 лет, как героине пьесы, а лишь 58.

Родилась и провела свое детство Молчанова в Ярославле, где обучалась в одном из частных пансионатов. Ее отец, Николай Васильевич Молчанов, был ярославским помещиком, подпоручиком в отставке⁹. Мать, Александра Степановна, погибла зимой 1832 года во время пожара в усадебном доме, подожженном покровскими крестьянами¹⁰. Вместе с нею погибли ее младшая дочь и горничная.

По сообщению А.А. Григорова и В.Н. Бочкова, причиной поджога послужила месть дворян за жестокость и алчность барыни, которая держала их впроголодь, непомерно нагружала работой и собственноручно избивала¹¹. К сожалению, документы следствия о поджоге, хранившиеся в костромском архиве, сами оказались жертвой огня, и уточнить детали происшествия не представляется возможным.

Репутация Александры Молчановой как «кинешемской Салтычихи» легла мрачной тенью и на ее дочь Надежду, при характеристике которой явно сгущались краски. Помещицу представляли чуть ли не сумасшедшей, обладавшей очень суровым и властным характером. В качестве доказательства приводились воспоминания актера К.В. Загорского о почтенной старушке, соседке драматурга по имени,

Фрагмент плана специального межевания 4-й части с. Покровского, где располагалась усадьба Н.Н. Молчановой. 1878 год.

спрашивавшей у него «совета – может ли она высечь мельника, арендовавшего мельницу у Александра Николаевича ... на том ... основании, что она была его восприемницей и как крестная мать она ответственна за него перед Богом»¹².

Воспоминания относятся к 1866 году, в это время Н.Н. Молчановой исполнилось лишь 49 лет, и вряд ли ее можно было назвать «почтенной старушкой». А вот мелкопоместная помещица Ирина Андреевна Белехова, проживавшая в соседнем Тимине и позднее служившая управляющей у Островских, вполне могла заслужить такое определение, так как в описываемое Загорским время ей было 64

года. Кроме того, жестокое обращение Белеховой с дворовыми засвидетельствовано самим Островским в одном из писем к его родственнику П.И. Андроникову¹³.

Молчановой вменялась в вину даже привязанность к кошкам. А.И. Ревякин приводит рассказ управляющего имением Щелыково Н.Н. Любимова о том, что за кошками у помещицы «ухаживала специальная прислуга. Когда хоронили Молчанову, то кошки шли за гробом и мяукали, а потом расцарапывали ее могилу». Однако сам управляющий свидетелем этого не был (в год смерти Молчановой ему было всего лишь 6 лет), а сообщал это «по дошедшим до него воспоминаниям».

**Н.Н. Молчанова. Середина XIX века.
Фото И.Г. Дьяговченко.**

Жительница Покровского Евдокия Титова, также «пользуясь изустными преданиями», уверяла, что помещица «даже за малую провинность приказывала обрывать крестьян в лохмотья и водить по деревне». Свидетельства эти явно апокрифичны. Есть основания подвергнуть сомнению и приводимое Ревякиным сообщение жительницы Покровского Елены Аполловой, что Н.Н. Молчанова прожила около девяноста лет¹⁴. В действительности, исходя из дат рождения и смерти, скончалась она на семьдесят втором году жизни¹⁵.

Участие покровской помещицы в судьбе художника Василия Петровича Вопилова характеризуют ее вполне с положительной стороны. Вопилов был племянником и крестником горничной Молчановой, Екатерины Васильевны Тихоновой, которая сопровождала хозяйку в поездках по святым местам и пользовалась ее

расположением. Заметив способности Василия к рисованию, Молчанова определила его в Кинешемское уездное училище, а затем поддерживала во время учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, присылая ему каждый месяц по сорок рублей, отчего товарищи шутили называли его «баринном»¹⁶.

Молчанова не только интересовалась успехами юноши в учебе, но и считала себя морально ответственной за его судьбу. Переживая за нравственность своего подопечного, она давала ему в письмах советы и наставления: «По наукам. Как ты идешь? <...> Искусство прекрасно, а наукой пренебрегать не должно. <...> Не увлекайся злом, время не теряй даром – это твоя будущность, если теперь не успеешь, не надейся на после». Предостерегая Вопилова от общения с дурными людьми, Молчанова в то же время советует никого не осуждать: «Дурно ни о ком, особенно о товарищах по учению, по жизни не говори... держи себя так, тогда добрые и худые уважать тебя будут»¹⁷. Очевидно, что помещица, не имея собственных детей, испытывала к нему в некоторой степени материнские чувства.

Молчанова могла с полным правом гордиться воспитанником: он был удостоен двумя малыми и одной большой серебряными медалями¹⁸. Во время каникул Вопилов не раз бывал в гостях у своей покровительницы, рисовал ее саму, усадьбу, Покровскую церковь, а после смерти помещицы в 1889 году унаследовал ее кинешемский дом и шесть тысяч рублей¹⁹.

С особенно теплым чувством Молчанова относилась к сыну своего двоюродного брата, известному композитору Милию Алексеевичу Балакиреву. Она следила издали за деятельностью племянника, гордилась его успехами, иногда посылала ему весточки. Искренни и трогательны ее слова о композиторе в письме к его отцу А.К. Балакиреву: «Благодарю Вас за адрес артиста нашего Милия; хотя думаю теперь раньше быть в Москве. Каждый раз как стучит истинным удовольствием сердце, читавши в газетах должную восторженность и сознание его таланта»²⁰.

Для героини пьесы «Волки и овцы» характерно лишь внешнее благочестие. Она носит

черную, подобную монашеской, одежду, окружает себя приживалками, ходит в храм, мнит себя благотворительницей. В реальности Мурзавецкая не выпускает из рук «костылек», который «хаживал» в прошлом по крепостным, не спешит расплачиваться по счетам с мастерами и крестьянами и, движимая корыстными намерениями, решается на подлог документов.

Вера Молчановой не была показной. Гибель матери и младшей сестры оставила глубокий след в душе молодой девушки. Надежда Николаевна любила принимать странников и совершать паломнические поездки. Без сомнения, Н. Молчанова при жизни много жертвовала на храмы, но происходило это, как и полагалось, не напоказ, в тайне от других. Завещание помещицы – зримое доказательство ее благотворительности.

Восемь тысяч рублей Молчанова завещала в Покровский храм Богородицы «на исправление... церкви» и три тысячи рублей на «поминовение ... души». Также помещица предназначала для церкви «все без исключения находящиеся в доме ... святые иконы, столовое и чайное серебро, мельхиоровый сервиз». Пятьсот рублей было завещано для постройки часовни в Покровском, которая, вопреки воле покойной, так почему-то и не была построена, столько же – в Кинешемский городской приют для бедных (богадельню) и пятнадцать тысяч – на учреждение богадельни в Покровском.

По триста рублей отписывалось в различные храмы и монастыри Костромской губернии: в Успенский собор Костромы и Успенский собор Кинешмы, Троице-Кривоезерский монастырь, Луховский монастырь св. преподобного Тихона, Макариев-Решемский монастырь, Кинешемскую женскую общину, Боголюбскую и Надиевскую пустыни и Белбашский монастырь Макарьевского уезда. Вероятно, это были те монастыри и храмы, где любила бывать помещица во время своих паломнических путешествий.

Обширен перечень людей, которым Молчанова отписывает в своем завещании ту или иную сумму. У порога вечности она постаралась не забыть никого из родных и знакомых,

чтобы по смерти иметь как можно больше молитвенников о своей душе. Это в первую очередь многочисленные родственники помещицы, близкие и дальние. Далее идут ее поверенный, ее духовный отец, священник Александр Рязановский, дочь почившего священника Покровского храма Иосифа Митрофанова, девица Людмила, с которой, по-видимому, Молчанова была дружна.

Не забыла завещательница оделить и крестьян, бывших своих крепостных из села Покровского и селений Нерехтского уезда. Самая крупная сумма, 600 рублей, была завещана бывшей горничной, Екатерине Васильевне Тихоновой²¹.

Героиня Островского – владелица «большого, но расстроенного имения». Можно ли подобным образом охарактеризовать и Молчанову? По специальному межеванию 1878 года только по Покровскому за ней числилось 133 десятины земли. Кроме того, в Кинешемском уезде она владела землей в окрестных деревнях Ивашевской волости, а также в Воздвиженской и Есиплевской волостях²².

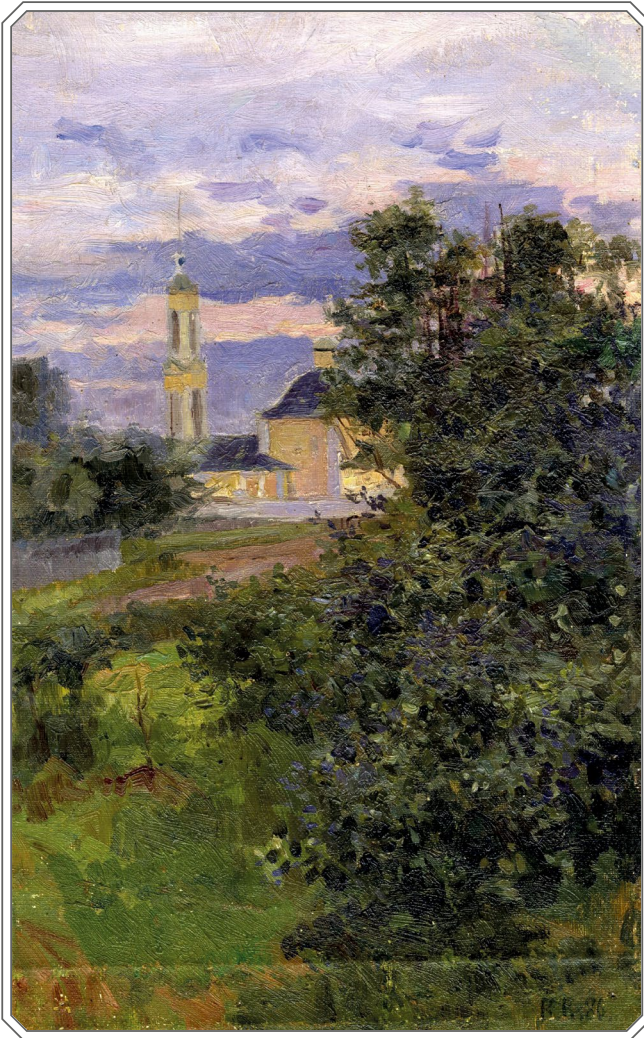
Оставались во владении Молчановой и земли в Костромском и Нерехтском уездах, которые получил ее дед С.В. Балакирев в приданое за своей женой Федосьей Алексеевной, урожденной Рамантовой, и унаследованное от отца ярославское сельцо Королёво²³.

По десятой ревизии 1858 года в Покровском у помещицы было 9 мужских и 14 женских дворовых душ. Общее же количество принадлежавших ей душ в Кинешемском, Нерехтском уездах и Ярославской губернии доходило до двухсот²⁴.

В покровской усадьбе, исходя из завещания Молчановой, имелись господский дом, флигель и многочисленные хозяйственные строения: каретный сарай, два амбара, погреб, баня, скотный двор с двумя кормовыми и птичьими избами, пять кормовых сараев, два овина с ладонью²⁵.

Господский дом, срубленный из довольно толстых бревен и поставленный на высокий кирпичный фундамент, имел четырехскатную крышу. Снаружи он был обшит широкими досками и отделан по углам деревянными

**В.П. Вопилов. Церковь в селе Покровском.
1886 год. Холст, масло.**

плашками, имитирующими руст. По северному фасаду размещались два симметрично расположенных входных крыльца.

Планировка здания очень схожа с планировкой дома А.Н. Островского в Щелькове: комнаты располагались анфиладой, гостиная с двумя угольными изразцовыми печами имела выход на южную террасу, с противоположного фасада находилась комната с выходом на северную террасу, но уже с одной печью. Самой большой была комната в западной части дома, очевидно, столовая, или зала²⁶.

Кроме Покровского и Королёва Молчанова имела недвижимость в уездном городе Кинешме – дом с землёю и надворными постройками. Общая стоимость завещаемого ею движимого и недвижимого имущества составила семьдесят пять тысяч рублей серебром²⁷. Очевидно,

что покровская помещица не только не расточила доставшееся ей по наследству от матери и отца имущество, но и преумножила его.

Был ли А.Н. Островский лично знаком с Н.Н. Молчановой? Краеведы пишут об этом вполне определенно, в качестве доказательств приводя наличие смежных земель, воспоминания Загорского о визите к драматургу «почтенной старушки», якобы Молчановой, и упоминание Островским в письме о намерении брата Андрея приобрести усадьбу в Покровском.

Увы, два последних доказательства довольно уязвимы. Как уже говорилось, Загорский, вероятнее всего, вспоминал не о Молчановой, а о другой соседке Островского, Белеховой. Что касается покупки – утверждать, что речь идет именно о молчановском имении, нельзя, поскольку усадеб в селе было несколько. А вот смежные земли у владельцев Щелькова и Покровского, действительно, имелись: как Островский, так и Молчанова владели землёю в Свинкиной пустоши и в Сергееве. Они могли встретиться, к примеру, во время размежевания земель.

Наверняка Александр Николаевич, будучи любителем дальних прогулок по окрестностям, как пеших, так и в экипажах, бывал в Покровском и любовался красивейшим парком с террасами и старинным храмом. И наконец Надежда Николаевна могла просто засвидетельствовать визитом почтение своему соседу – известному всей России драматургу.

Если личное знакомство Островского и Молчановой лишь предположительно, то с ее двоюродным племянником, Павлом Васильевичем Балакиревым, драматург определенно пересекался. Именно «с сыном Балакирева», как следует из письма Островского, передает он осенью 1877 года ивановскому купцу В.В. Демидову его пьесу вместе со своими замечаниями и советами²⁸.

Называя Павла Балакирева прототипом Аполлона Мурзавецкого, В.Н. Бочков в качестве доказательств приводит тот факт, что племяннику Молчановой в год написания пьесы исполнилось столько же лет, сколько, согласно авторской ремарке, было герою пьесы. Кроме того, утверждалось, что Балакирев, подобно «бездельнику и пьянице» Аполлону Мурзавецкому, нигде не служил и «прослыл на всю

округу гулякой и горе-охотником», правда, несколько остепенившимся после женитьбы²⁹. Совпадение возраста героя и предполагаемого прототипа действительно имеет место: в 1875 году, когда создавалась пьеса, П.В. Балакиреву было 24 года³⁰. А вот его образ жизни был совершенно иным.

До того как стать владельцем Покровского, Павел Балакирев хозяйствовал в имении Цепиково, унаследованном от отца. Образованный, экономически грамотный, Балакирев являлся корреспондентом Императорского Русского географического общества. В 1880 году в изданном обществом сборнике он публикует статью на тему сельского хозяйства, написанную с большим знанием дела³¹. Вряд ли «пьянице и гуляке», пусть и бывшему, была бы под силу такая работа.

П.В. Балакирев поддерживал экономические предприятия бывших крепостных своего рода. Так, в 1891 году он обращается в Министерство внутренних дел с ходатайством о крестьянине-самородке Пелевине, ставшем владельцем завода, выпускавшего прядильные станки³².

Покровский помещик пользовался уважением кинешемского дворянства. В связи с открытием в селе богадельни Кинешемская земская управа просит его в 1890 году быть попечителем богоугодного заведения³³. В 1909 году он избирался гласным Кинешемской городской думы³⁴, правда, проявить себя в этой должности не успел, так как вскоре скончался.

Как видно, многие из приводимых краеведами доводов не подтвердились, однако версия о том, что Молчанова и Балакирев могли служить прототипами героев пьесы «Волки и овцы», имеет право на существование. Образы Мурзавецкой и ее племянника несомненно собирательные, и для их создания драматург мог использовать отдельные черты характера или обстоятельства жизни покровских помещиков.

Очевидно, что название Покровского было у А.Н. Островского всегда на слуху, и неслучайно он использовал его в пьесе «На бойком месте». Герой пьесы, ямщик Раззоренный, говорит: «Я в Покровском взял на сдачу до Новой деревни...»³⁵. Несмотря на то что в России тысячи населенных пунктов с таким названием, не возникает сомнения, что топоним был навеян драматургу именно тем Покровским, что рас-

полагалось неподалеку от его усадьбы: ведь упомянутая Новая деревня также имелась в окрестностях Щелькова.

Не ускользнула от внимания драматурга и такая деталь, как существование в Покровском бумажной фабрики. Героиня пьесы «Волки и овцы», Мурзавецкая, ища повод обвинить Купавину в том, что ее муж задолжал семье Мурзавецких, вспоминает: «...перед смертью братец стал бумажный завод строить, и не хватило у него денег; Купавин обещал дать, да и не дал»³⁶.

В Покровском драматург мог наблюдать характерный для того времени процесс разорения дворянства, продажи имений представителям купеческого сословия, а нередко и крестьянам. Так, разбогатевший крестьянин соседнего села Адищево, В.Л. Смирнов, ставший покровским землевладельцем и основате-

**Е.В. Тихонова, бывшая крепостная и горничная
Н.Н. Молчановой, крестная В.П. Вопилова.
Начало XX века.**

лем фабрики, вполне мог послужить прототипом купца Восмибратова из пьесы «Лес» или крестьянина Дерюгина из пьесы «Светит, да не греет».

Многое изменилось в Покровском со времен А.Н. Островского. Некогда большое село сейчас почти опустело и оживает лишь летом, когда сюда приезжают на отдых московские дачники и бывшие его жители, прикипевшие сердцем к родным местам. Время от времени навещаются любопытствующие туристы. Их привлекает и Покровская церковь, в которой, несмотря на многочисленные утраты и запустение, по-прежнему ощущается благодать, и открывающийся с крутого склона вид на речку и дали, и зарастающий, но все еще живописный парк. Не последнюю роль играет и желание узнать историю старинного села, одной из ярких страниц которой стала связь с жизнью и творчеством выдающегося русского драматурга.

Л.А. ЧЕРНОВА,
*заведующая отделом
Музея-заповедника «Щельково»*

Примечания

1. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под общей ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. М.: Искусство, 1973-1980. Т. 11. С. 471.
2. Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: [В 4-х ч.]. Кн. 4. СПб., 1857. С. 232; Холмогоров В.И. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии: Вып. 5. Отд. 3: Для Костромской и Плесской десятин Костромского уезда... М., 1912. С. 198.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. ДМЛ. Д. 11233. Л. 169; Костромская усадьба / Т.В. Йенсен [и др.]; Ком. по охране и исполъз. ист.-культ. наследия администрации Костром. обл., Нац. фонд «Возрождение рус. усадьбы». Кострома, 2005. С. 368.
4. История поместного землевладения в с. Покровском была изложена автором статьи в выступлении на XVII межрегиональной краеведческой конференции «Историко-культурный и природный потенциал кинешемского края. Развитие регионального туризма», г. Кинешма, 29 апреля 2022 г. Материалы выступления будут опубликованы в сборнике в текущем году.
5. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 186. Ед. хр. П-454; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 512. Л. 42 об.; Д. 513. Л. 97.
6. Там же. Ф. 1354. Оп. 186. Ед. хр. П-349; П-353; П-360.
7. Бочков В.Н., Григоров А.А. Вокруг Щелькова: путеводитель по историко-мемориальным местам. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1972. С. 39; Бочков В.Н. Заповедная сторона (Вокруг Щелькова). Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1988. С. 70-71; Бочков В.Н. «Скажи, которая Татьяна!»: Образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. С. 183, 184.
8. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 340. Оп. 2. Д. 827. Л. 16.
9. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 151. Оп. 2. Д. 28837. Л. 6.
10. ГАКО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 827. Л. 16.

11. Бочков В.Н., Григоров А.А. Указ. соч. С. 38-39.
12. А.Н. Островский в воспоминаниях современников / под общ. ред. В.В. Григоренко, С.А. Макашина, С.И. Машинского и др. М.: Художественная литература, 1966. С. 367.
13. Островский А.Н. Указ. соч. С. 440.
14. Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. М.: ВТО, 1978. С. 172.
15. ГАКО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 827. Л. 16; Оп. 8. Д. 178. Л. 83 об.
16. Бакшеев В.Н. Воспоминания / [Общая ред. и вступ. статья Н.Г. Машковцева]; [Биогр. справка и примеч. А.В. Бакшеевой]. М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. С. 41.
17. Гончарова Т.Г. Вопиловский дом. Семейный альбом // Губернский дом. 2001. № 4-5. С. 8.
18. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 680. Оп. 2. Ед. хр. 206. Л. 10, 19.
19. ГАКО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 827. Л. 18 об.
20. Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 41. Ед. хр. 1822. Л. 2.
21. ГАКО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 827. Л. 18, 18 об.
22. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 186. Ед. хр. П-349, П-357, П-361, П-362; ГАКО. Ф. 200. Оп. 13. Д. 169. Л. 289 об.-292.
23. ГАКО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 827. Л. 16; ГАЯО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1589. Л. 43.
24. ГАКО. Ф. 200. Оп. 13. Д. 169. Л. 282 об.-292; Д. 398. Л. 32-36; ГАЯО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1589. Л. 43.
25. ГАКО. Ф. 340. Оп. 2. Ед. хр. 827. Л. 7 об., 8.
26. По твердому убеждению автора этой статьи, Н.Н. Молчановой, а позднее ее наследнику П.В. Балакиреву принадлежал дом, расположенный на юго-востоке Покровского и представляющий собой сейчас руины. Помимо свидетельства старожилов это подтверждается обнаруженным в РГАДА планом специального межевания 4-й части села Покровского 1878 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 186. Ед. хр. П-349). Территория, на которой расположен дошедший до настоящего времени дом, совпадает с принадлежавшим Н.Н. Молчановой участком земли, обозначенным на этом плане. В связи с этим версия В.Н. Бочкова о том, что Н.Н. Молчановой принадлежал дом в юго-восточной части села, располагавшийся над парком, на наш взгляд, не имеет под собой оснований. Участок над парком принадлежал в 1878 г., согласно плану 16-й части с. Покровского, В.Л. Смирнову (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 186. Ед. хр. П-360), а с начала XX в. купцам Полетаевым.
27. ГАКО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 827. Л. 7 об., 8, 18 об., 19 об.
28. Островский А.Н. Указ. соч. С. 563.
29. Бочков В.Н. «Скажи, которая Татьяна!»... С. 183.
30. П.В. Балакирев родился в 1851 году (ГАКО. Ф. 122. Оп. 2. Д. 15. Л. 8 об.).
31. Балакирев П.В. Погореловская община (Костромской губ.): [с литогр. планом] // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. 1 / Печ. по распоряжению Императорского Экон. и Рус. Геогр. Общ.; под ред. Ф.Л. Барыкова, А.В. Половцова, П.А. Соколовского. СПб.: Типо-литогр. А.М. Вольфа, 1880. С. 226-237.
32. Российский государственный исторический архив. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 225.
33. Сборник постановлений Кинешемского очередного уездного земского собрания сессии с 3 по 6 июня 1891 года и Отчет Уездной земской управы за 1890 год. Кострома: Типо-литография Ф.А. Фальк, 1891. С. 10.
34. Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического словаря // Щельковские чтения 2003: А.Н. Островский в современном мире. Кострома, 2003. С. 357.
35. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. С. 545.
36. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 4. С. 128.

ОСТРОВСКИЙ В «ЭКСПЕДИЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ»

В 1845 году было основано Русское географическое общество. По личному распоряжению императора Николая I первым председателем Общества стал великий князь Константин Николаевич. Интересующийся историей и увлечённый морским делом, князь с энтузиазмом подошёл к службе. При его содействии организовывались морские экспедиции на Каспий, Азовское море, Ладогу и в Заполярье, а также выделялись правительством средства на экспедиции Миклухо-Маклая в Новую Гвинею и Пржевальского в Центральную Азию.

После трагических событий Крымской войны Константин Николаевич в 1855–1856 годах выступил с инициативой собрать «литературную экспедицию», или «экспедицию писателей». Одной из причин организации экспедиции стала реформа русского флота: по французскому образцу в рекруты решили набирать людей, выросших у воды. Министерству в данном случае было интересно использовать не профессиональных ученых, а людей, обладающих даром грамотно излагать свои мысли, улавливать зорким взглядом то, что ускользает от простого человека, и, как можно отметить, такими исследователями становились фотографы, художники или писатели. Так, в северные и южные приморские районы, а также на Волгу были командированы молодые писатели с целью исследовать «быт людей, занимающихся морским делом».

«Прошу Вас поискать между молодыми даровитыми литераторами (например, Писемский, Потехин и т.п.) лиц, которых мы могли бы командировать в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и главные озёра наши для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в «Морской сборник», не определяя этих лиц к нам на службу», — писал Констан-

тин Николаевич директору Комиссариатского департамента Морского министерства князю Дмитрию Александровичу Оболенскому, чтобы тот нашёл участников для литературной экспедиции.

В 1856 г. Оболенский организовал поездку группы российских литераторов, в числе которых был А.Н. Островский, вниз по Волге с целью изучения экономики и быта приволжского населения. К Белому морю отправился Сергей Максимов, в Оренбургский край — Михаил Михайлов, к побережью Каспийского моря — Алексей Писемский, Азовского моря — Григорий Данилевский. Поездка была осуществлена под эгидой Морского министерства и должна была иметь результатом серию статей о состоянии экономики и жизни Поволжья для издаваемого министерством журнала «Морской сборник».

Важно отметить, что Островский серьезно увлекся историей еще со времени пребывания в университете (с 1840-х гг.). Если посмотреть его дневники, то можно отметить, что в своих поездках (в Нижний Новгород, в имение Щельково) драматург проявлял интерес к памятникам истории – посещал монастыри, исторические места, знакомился с реликвиями. Современники свидетельствуют о том, что увлечение это появилось задолго до поездки в «литературную экспедицию». В письме к журналисту и публицисту Г.Е. Благосветлову 19 ноября 1855 г. историк М.И. Семевский отмечал: «Был у Островского. Застал его за выписками из актов археографической комиссии; толковали о множестве изданных ныне материалов отечественной истории... Островский, любя отчизну, ревностно занимается памятниками нашей страны». По мнению исследователей деятельности Островского, это увлечение русской историей сыграло не последнюю

роль при отборе великим князем кандидатов на участие в экспедиции.

Можно предположить, что А.Н. Островский с большим интересом и энтузиазмом отправляется в 1856 году в верховья Волги с целью сбора обширного материала о жизни, занятиях, экономическом положении, промысловой деятельности населения. Ему предстояло ознакомиться с особенностями быта приволжан, подметить характерные детали и черты их жизни, выявить типичные особенности внешнего вида, физического состояния русского человека, обусловленные местом обитания и социальными обстоятельствами. Будущему драматургу предстояло изучить конкретные этнографические факты, дать описание жилищ, промыслов, судов и разных судоходных орудий и средств, с обозначением их названий и даже изображением на рисунках; предстояло изучить нравы, обычаи, привычки, особенности речи, поговорки, характер мировоззрения обитателей волжских сёл.

И это частично ему удалось изложить в очерке «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода», где Островский дал представление о жилищах, промыслах, нравах, обычаях и особенностях речи обитателей волжских сёл. «В Тверь я приехал ещё до открытия навигации. Это было на Святой неделе, погода стояла прелестная. Толпы народа в

праздничных нарядах гуляли по набережной; Волга была в полном разливе и, сливаясь с Тверцой, представляла огромное пространство мутной, пенистой воды, взволнованной низовым ветром», — так начинается очерк Островского «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода», который был опубликован в 1859 г. во втором «Морском сборнике».

За время экспедиции (с апреля по август 1856 года и с начала мая по август 1857 года) А.Н. Островским были собраны значительные материалы, а к декабрю 1857 года написано несколько статей для журнала «Морской сборник».

Рукопись дневника экспедиции хранится в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина и представляет собой дневниковые записи (без заглавия) за период с 18 апреля по 4 июля 1856 года. На ее полях имеется свыше тридцати заметок, не имеющих непосредственной логической связи с текстом, против которого они находятся. Дневник путешествия содержит бесценные для историков сведения о Поволжье. Островский отмечает бедность промышленного класса (мещан) и ничтожность заработной платы и выручки. Причину этой бедности автор видит в недостатке значительных капиталов и из-

лишестве рабочих рук. По мнению Островского, главными промыслами жителей тех территорий являлись: перевоз через Волгу, перевоз до Рыбинска на лодках (цена 75 коп.), разгрузка (в Твери этим было занято 250 человек), судостроение, находившееся в упадке, в зимнее время — кузнечное ремесло, очень тяжелое, малоодоходное, «спят не более 3 часов в сутки», женщины занимались вязанием чулок из грубой шерсти.

Вниз по матушке по Волге. Лубок. XIX век.

Подробно описано судоходство на Волге, которое было двух типов: подъемное (взводное) – против течения, осуществлялось оно тягую лошадей или людей, и сплавное – по течению (на веслах). Из судов были распространены барки и полубарки, служащие для перевозки грузов: пеньки, сала, зернового хлеба, льняного семя, конопляного масла, сальных свечей, колбасы, ветчины, тряпья, кожи, солода. Обслуживали судоходство лоцманы, управляющие кораблем, коренные водоливы, следящие за чистотой судна и целостью товара, коноводы.

Рыбная ловля была небогатой, во всех населенных пунктах автор отмечает дороговизну и малочисленность рыбы. Это объясняется судоходством и частым обмелением реки. Нередко добывали рыбу при помощи мора – специальных шариков, хотя это и было запрещено законом. Основные способы ловли рыбы подробно описаны: поездом (два человека тянут растянутую сеть), удочкой, вершами (в зависимости от населенного пункта: морда, мержа, ванда, рукав, кувшин, кошель, хвостуша и пр.), сплетенными из ивняка корзинами в виде кувшина, саками (подобием мешка), зимой использовалось устройство пазов – в фарватере реки на дне устраивалась стенка из кольев, подкрепленная мхом. Щуки, налимы, окуни, голавли, язи, лещи, плотва, ерши – то, что попадалось чаще всего. Редкостью считалась белорыбица (стерлядь).

Отмечает Островский и обычаи, характерные для жителей поволжских сел и городов. Например, от Троицы до Ильина дня никто не работал по пятницам, которые назывались ильинские. Всю неделю перед Ильиным днем постились. В эти дни обходили с иконой дома, дабы уберечь их от пожара. В Торжке автора удивило свободное поведение девушек, которые вечерами сидели на лавочках со своими воздыхателями – «предметами», миловались, вели «сладкие беседы», а вот замужние женщины жили иначе – были они невольницами, рабынями мужа, свекра и свекрови, лишённые радости, воли и счастья.

Под впечатлениями, полученными от путешествия, драматург задумал ряд пьес с обоб-

щающим названием «Ночи на Волге». Из задуманного цикла Островским созданы «Гроза» и «Воевода» («Сон на Волге»). Путешествие по Волге также дало материал и для ряда других пьес драматурга («На бойком месте», «Бесприданница», «Козьма Захарьич Минин-Сухорук»). Можно предположить, участие в литературной экспедиции повлияло на многогранную деятельность и тематику грандиозных литературных произведений будущего знаменитого драматурга.

Организуя этнографическую экспедицию (1855 – 1856) силами русских литераторов, великий князь Константин Николаевич создал небывалый прецедент сотрудничества с той общественной средой, с которой ранее российская власть имела традиционно конфликтные отношения. Впервые высшее должностное лицо, представитель династии, пригласил писателей к совместному поиску ответа на трудные вопросы жизни пореформенной России. Наш земляк, известный этнограф С.В. Максимов, принявший участие в этой экспедиции, обратил внимание, что в «Морском сборнике» впервые стали помещаться материалы по этнографии, а сотрудничество писателей и государства впервые нашло отражение именно на страницах издания Морского ведомства.

Р.В. РЯБИНЦЕВ,

к.и.н., председатель Костромского областного отделения РГО

**При подготовке статьи
использовались материалы:**

1. А.И. Ревякин. Незаконченные исторические произведения. А.Н. Островского «Лиса Патрикеевна» и «Александр Македонский».
2. https://kostromka.ru/revyakin/literature/120.php#kostroma_ra.
3. 2. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855 – 1879.
4. <https://biography.wikireading.ru/335952>.
5. 3. Ксения Попова. «Богатыри – не мы»: вклад руководителей РГО в мировую науку» <https://www.rgo.ru/ru/article/bogatyri-nemy-vklad-rukovoditeley-rgo-v-mirovuyu-nauku>.
6. 4. А.Н. Островский и Поволжская этнографическая экспедиция 1856 г. Историко-культурный и природный потенциал кинешемского края. Развитие регионального туризма. Материалы 9 и 10 региональных краеведческих конференций. – Кинешма, 2014. С. 157-165.
7. <https://signorina.livejournal.com/40969.html>.
8. Илл. Лубок «Вниз по матушке по Волге».

ИЗ ЖИЗНИ УСАДЬБЫ ЩЕЛЫКОВО

«Оставить за прежними владельцами»

Февраль 1918 года

Заявление гражданки Марии Михайловны Малышевой в земельную секцию Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов об отсрочке времени подачи заявления относительно обработки земли личным трудом и о домашней обстановке, посуде, белье и библиотеке.

«Постановление земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов:

1. Усадебные дома в помещенных усадьбах волости (так в документе) т.е. дом, кухня и погреб, согласно пункта 3 сборника положения аграрной реформы Народного комиссара земледелия Коллегаева оставить за прежними владельцами во временном пользовании. Срок подачи заявления относительно обработки земли личным трудом отсрочить до 1 (13) апреля сего года, в виду того, что некоторые владельцы находятся на военной службе и в плену.

2. Предоставить право пользоваться домом садовника в усадьбе наследников Шателен, проживающих там Прасковье Николаевне Волковой и воспитаннице Шателен Елене Михайловне Уткиной первой пожизненно, а второй временно.

3. Запросить исполнительный комитет Кинешемского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о реквизиции мебели, посуды, белья, одежды, выездной сруби впредь до окончательного выяснения оставить за прежними владельцами».

(ГАКО, ф. Р 224, оп. 2, д. 95, л. 69.)

Опись имущества и находящегося в нем живого и мертвого инвентаря

18 марта 1918 года

«Имение принадлежит Сергею Александровичу Островскому и находится в усадьбе Щелыково Ивашевской волости Кинешемского уезда Костромской губернии.

Дом деревянный двухэтажный с подвесом на каменном фундаменте, крытый железом. Дом полукаменный крытый тесом, требует ремонта. Двор скотный каменный, крытый тесом, требует ремонта, при чем таковой разделен на девять помещений, а именно: конюшня, коровник, для корма, каретник, кладовая с погребом, погреб летник для воды для служащих и курятник зимний.

Амбар деревянный двухэтажный крытый тесом в восемь отделений. Требуется ремонта крыша. Сарай деревянный сенной новый, крытый тесом.

Сарай тесовый на столбиках для сена, крытый тесом, требует ремонта крыша.

Сарай в два отделения для сена, крытый тесом, требует ремонта крыша.

Баня деревянная, крытая тесом, требует ремонта. Курятник летний деревянный крытый тесом. Сарай новый деревянный (на лугу), крытый тесом.

Мельница водяная при которой строения: амбар деревянный и толкушка, крытые тесом. Маслобойня деревянная, крытая тесом.

Дом для помещицков деревянный, крытый соломой и двор для приезжающих помещицков. Мельничных камней на деле четыре, обломков один. Каменьев масляных (медведей) два и плита.

Скот обыкновенный: корова черная 8 лет в 700 руб., корова красная 8 лет в 750 рублей. Телушка стольная бело-пестрая 2-х лет в 600 рублей. Телушка бело-пестрая одного года в 300 рублей. Теленок молочник 9 недель в 80 рублей. Птица: кур 16, один петух. Лошади: кобыла сивая 20 лет в 80 руб. Кобыла серая 6 лет в 2000 рублей. Мерин вороной 14 лет в 500 рублей. Кобыла 9 месяцев в 50 рублей.

Молотилка с барабаном в разобранном виде, негодная. Каток. Росмашка негодная. Сох без оглобель две. Веялка с 8 решетками. Борон с железными зубьями 6, две из них негодные. Плугов одноконных железных один, деревянных два и один негодный. Вил сенных железных в 4 рога один, навозных в 5 рог один, в четыре рога 4. Рогаток для разбивки навоза две. Грабель железных двое. Лопаток железных четыре. Мотыга для окучивания капусты одна. Кос три. Бабка косная, молоток для кос. Ножницы для стрижки кустов двое. Бадья деревянная с железными обручами и цепью железной длиною в 4 сажени. Тачка с колесиком, перил поперечных три. Крючков навозных пять. Лопат деревянных с железными наконечниками шесть, негодные. Топора два. Весы тарелочные со скалой проржавленной цепями.

Весы баланец с деревянными скалками и гирями на 10 пудов.

Велосипедов: мужской один и женский один. Станок столярный деревянный. Костылей железных в 6 вершков 24 штуки. Бурав земляной. Бочек для воды 2. Бочка из-под керосина. Битон железный. Лейка садовая. Лодка речная с двумя веслами, уключинами и рулем. Якорь маленький. Колод для корма долбленных две. Сбруя: хомутов с гужами выездных пять, рабочих с гужами четыре, негодных пять, плохих четыре. Хомутов присяжных выездных без гужей пять. Шорок присяжных выездных лакированных две. Седелок выездных простых две и лакированных одна рабочая, поношенных три и негодных три. Уздечек выездных с плашками первого сорта три, второго сорта три, третьего сорта с набором круглым две, шарабанная простая одна, верховых простых три, рабочих простых три. Муштуков пять. Шлей ременных

рабочих пять, выездных первого сорта три, второго сорта три, третьего сорта с набором три и негодных три. Седел: дамское с подпругой, разъездных без подпруг плохих два. Ремней черезседлочных пять. Ремней сыромятных два. Подпруг три, из них одна порванная, рабочих семь, требуют ремонта. Ошейников с бубенчиками новых три. Дуг выездных четыре, рабочих три. Постромок пристяжных три пары, гусевых веревочных с железными крючками одни. Возжей тесмянных пять, из них три плохих веревочных, двое ужищев, для вязки сена веревочных два. Коляска рессорная крытая с фонарями одна. Пролетка рессорная крытая одна. Шарабан рессорный один. Линейка с рессорным задом одна. Тарантас корзинка с рессорным задом, передняя ось которого сломана. Дрожки беговые. Тележка-кузов разбит без задов. Саней корзинка двое. Сани лубяные. Телег две, требуют ремонта. Телег навозных четыре. Телег сноповозных две. Одноколка для возки воды. Тяжей для телеги веревочных тринадцать, из них пять негодных, железных цепных два. Колес для тарантаса: передних четыре, задних пять. Колес тележных: задних девять, передних одиннадцать, негодных восемь. Шкворней тележных девять. Оглобель колесных с шинами два. Осей с железными поддосками четыре, без поддосок две. Дрог водовозных двое, требуют ремонта. Дровней четыре, двое из которых похуже. Подсанок двое. Кирпича обожженного около 1000 штук. Рам парниковых сорок три. Теса кровельного четырнадцать штук, полового сорок, лафет семь штук, однорезка старого двадцать девять штук. Бревно старых размером в трех костраха (так в документе) около 60 штук. Кожа телячья не отделанная. Точил маленьких одно. Картофеля около 100 пудов. Зерно: ржи около 24 пудов, овса около 20 пудов. Сена около 1400 пудов. Соломы яровой около 50 пудов. Соломы ржаной около 140 пудов. Муки ржаной около 26 пудов 20 фунтов.

Опись производил Ивашевский волостной земельный комитет 18 марта 1918 года в присутствии нижеподписавшихся понятых и младшего милиционера Ивашевской волости.

Председатель комитета С. Ягодкин
Член комитета В. Беспалов
Вр. исп. дол. Секретаря Севрюгин
Младший милиционер Ивашевской волости
Николай Панов

Лобанова Иван Голубев.

Вышеозначенное имение, постройки и имущество принял под свою ответственность Николай Любимов.

С подлинным верно:

Председатель земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов Севрюгин (подпись)

Сверял секретарь: Лебедев (подпись)».

(ГАКО, ф. Р 224, оп. 2, д. 62, л. 87-88.)

О вознаграждении за присмотр за усадьбой в Щелькове

18 апреля 1918 года

«Заявление гражданина Любимова в земельную секцию Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов о выдаче ему с семьей вознаграждения за уход скота и присмотр за усадьбой в Щелькове, бывших владельцев Островских и наследников Шателен (причем председателем земельной секции Ф.И. Севрюгиным внесено предложение покончить расчеты также с прислугой других усадеб).

Постановление земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов:

Выдать вознаграждение: а) Н.Н. Любимову в усадьбе Щельково Островского и наследников Шателен с 1 февраля по 1 мая 360 рублей <...> ».

(ГАКО, ф. Р 224, оп. 2, д. 95, л. 122 об.)

О реквизиции живого и мертвого инвентаря

9/22 апреля 1918 года

«Предложение председателя земельной секции Ф.И. Севрюгина в земельную сек-

цию Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов о реквизиции живого и мертвого инвентаря и раздаче за плату нуждающимся в усадьбе С.А. Островского и Шателен.

Постановление земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов:

В виду не получения до сих пор ответов как от С.А. Островского, так и от наследников Шателен о своем желании обрабатывать землю личным трудом, весь имеющийся в их усадьбе живой и мертвый инвентарь реквизируют, раздав его за плату нуждающимся гражданам волости по удостоверениям сельских комитетов, кроме сена, кобылы серой, мерина вороного, двух комплектов зимней и летней упряжи рабочей, которую оставить за волостным Советом».

(ГАКО ф. Р 224, оп. 2, д. 95, л. 96.)

О проверке картофеля

9/22 апреля 1918 года

«Заявление председателя земельной секции Ф.И. Севрюгина в земельную секцию Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов о необходимости произвести проверку оставшегося картофеля в усадьбе Щельково, бывшего владельца Островского.

Постановление земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов:

Просить Ф.Е. Луковкина и М.Ф. Бастырева в среду 11/24 апреля произвести поверку (так в документе) оставшегося картофеля в усадьбе Щельково, бывшего владельца Островского, при этом оставить его охраняющему имение гражданину Любимову на расходы для посадки 15 пудов, а остальной запас реквизируют и передать в пищу Адищевской больнице и Покровской богадельне».

(ГАКО, ф. Р 224, оп. 2, д. 95, л. 95 об.)

«Оставить за ней теплицу с цветами...»

9/22 апреля 1918 года

«Заявление гражданки, проживающей при усадьбе Шателен Прасковьи Николаевны Волковой в земельную секцию Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов оставить за ней теплицу с цветами, сад с ягодными деревьями и небольшой участок огорода.

Постановление земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов:

Предоставить бабушке Прасковье Николаевне Волковой огород и оранжерею в усадьбе Щелькове, бывших владельцев Шателен для личной обработки в свою пользу».

(ГАКО, ф. Р 224, оп. 2, д. 95, л. 95 об.)

«Есть указание свыше сократить штаты...»

Из письма М. М. ШАТЕЛЕН первому секретарю Костромского обкома КПСС Л. Я. ФЛО-РЕНЬЕВУ.

07.10.1962

«Многоуважаемый Леонид Михайлович! (так в документе).

<...> Сегодня я получила из Москвы от одной из «Щельковских активисток», проф. Сумароковой Марии Яковлевны письмо, которое повергло меня в большое уныние. Я не знаю, что и как здесь можно сделать и поэтому решила в первую очередь обратиться к Вам. Привожу выписку из письма: «Теперь несколько слов о Щелькове – есть указание свыше сократить вообще расходы на культурные мероприятия и, в первую очередь, сократить штаты в музеях, так вот ВТО хочет отличиться и имеет намерение сократить (т.е. это значит закрыть) штаты в музее А.Н. Островского. Сократили дворника, уборщицу, а теперь думают, как бы сократить Петрову. «Музей можно обслуживать по линии общественной работы». <...> Ждут решения этого вопроса на Президиуме ВТО. Как только что-нибудь узнаю, конечно, немедленно Вам напишу или позвоню.

В чем тут дело? Не может быть, чтобы вопрос в Правительстве мог быть поставлен в такой плоскости. <...> На «общественных началах» можно сделать очень много в городских условиях, где есть постоянный актив, общественные экскурсоводы и т. д. и т. п., но и при наличии какого-то штатного руководства, ведущего основную работу по организации экспозиций, общему руководству активом, несет персональную и материальную ответственность за музей, его сохранность и т.п. А в Щельково, мало того, что там нет никакой охраны, так теперь нет ни дворника, ни уборщицы, не будет и вообще никого, ведающего музеем. Как можно ставить в такое положение единственный в Советском Союзе музей основоположника русской драматургии, человека, произведения которого вот уже 100 лет не сходят с нашей сцены, да и не только у нас, а до сих пор заново ставятся и за рубежом!

Не может быть, чтобы Министерство культуры санкционировало такое безобразие! Я очень Вас прошу, свяжитесь по телефону с Щельковым, с Петровой. Узнайте у нее точно, в чем дело, и встаньте на защиту музея! На основании частного письма лица, собственно не причастного к ВТО, ни к музею, я ничего официального предпринять не могу, но очень боюсь, что когда я узнаю обо всем официально, я ничего уже сделать не смогу – будет поздно. Поэтому вся моя надежда на Вас; узнав от Петровой о положении дел, Вы сможете хотя бы в областном масштабе что-то предпринять сразу, а потом уже действовать выше. Кроме того, Вы мне можете дать добрый совет – что предпринять. Да и, пожалуй, сейчас кроме Вас никто и не сможет ничего сделать.

Вы меня извините, письмо получилось довольно бестолковое, но по правде сказать я очень взволнована и мне как-то трудно справиться с мыслями. Откладывать же письмо Вам я не хочу, так как дорог каждый день – опоздаем и тогда трудно будет что-либо сделать.

С нетерпением жду Вашего ответа и очень, очень надеюсь, что областные власти не дадут надругаться над памятью великого человека и сделают все возможное для сохранения

музея в таком хотя бы виде, в каком он сейчас существует.

Искренне, уважающая Вас М. ШАТЕЛЕН.

Адрес <...> ».

(ГАКО. Ф. Р – 122. Оп. 2. Д. 20. Л. 12 – 16 об.)

«Гибнут леса, мелеют реки...»

К письму приложен проект по преобразованию музея-заповедника имени А.Н. Островского в Щельково, адресованный в Совет Министров РСФСР.

«В Островском районе Костромской обл. находится заповедник имени Александра Николаевича Островского «Щельково» с единственным в Союзе мемориальным домом-музеем великого драматурга.

Заповедник, музей и расположенный на территории б. усадьбы дом отдыха находятся в ведении Всероссийского Театрального Общества (ВТО).

На протяжении многих лет мы проводим летние месяцы в указанном доме отдыха. Нас привлекает в Щельково не только память великого русского драматурга, но и исключительная красота, замечательное сочетание и разнообразие природы средней полосы России, окружающей заповедник.

Однако мы вынуждены с грустью констатировать, что природа как самого Щелькова, так и его окрестностей с каждым годом все больше и больше теряет свою прелесть и сказочную красоту, о которой так много писал в своих дневниках и письмах А. Н. Островский. Гибнут леса (нет больше березового леса в Свинкине и соснового леса на «Стрелке»), мелеют реки, ширятся овраги. В особенно плохом состоянии находится овраг по дороге от музея в Бережки – место захоронения драматурга – и есть угроза, что вскоре, чтобы попасть на могилу А.Н. Островского, экскурсантам придется идти в обход оврага, что увеличивает путь больше, чем на 2 км. Вырубка леса производится самым хищническим образом, без учета рельефа местности, без последующей расчистки. Подсадки леса явно не достаточны. Еще рубленные леса захлещены, ширится площадь болота.

Все изложенные факты находятся в полном противоречии с постановлением Правительства об охране природы и культурных заповедников. Мы глубоко убеждены, что заповеднику имени основателя и подвижника русской драматургии А.Н. Островского должно быть уделено такое же внимание, что и к другим подобным заповедникам, как то «Ясная поляна», «Пушкинские горы». Поэтому мы полагаем, что заповедник им. А.Н. Островского и окружающую его территорию надлежит в срочном порядке привести в порядок. И принять меры к дальнейшей охране природы.

Для этого необходимо выполнить по нашему мнению следующие первоочередные мероприятия:

Взять под специальную охрану зону вокруг заповедника радиусом до 10 км.

В границах данной зоны: а) провести работу по очистке леса от сухостоя, валежника и т.п.; б) запретить подсечку сосен и берез и заготовку корья; в) вырубку леса допускать лишь по специальному разрешению и под особым контролем, с обязательной последующей расчисткой площади вырубки и посадкой нового леса; г) обратить особое внимание на работы по посадке леса, стремясь сохранить и восстановить окрестности в том виде, в каком они были при А.Н. Островском (как это имеет место в других заповедниках); д) срочно провести необходимые мелиорационные работы и работы по укреплению осыпающихся склонов оврагов; е) усилить борьбу с хищническим способом ловли рыбы и уничтожением рыбы; ж) запретить на несколько лет охоту в охраняемой зоне, за исключением охоты на хищников; з) организовать специальную усиленную охрану этой зоны.

2. Привести в порядок территорию самого заповедника, а именно:

а) в парке и прилегающем лесе запретить вырубку полноценных деревьев; б) провести на всей территории очистку от валежника, сухостоя и малоценных пород; в) провести посадку леса в парке и по склонам на пути к могиле А.Н. Островского; г) дренировать склоны к реке Кукешке и не допускать дальнейшего заболачивания их; д) восстановить в парке ранее существовавшие дорожки, мостики и

беседки и капитально отремонтировать сохранившиеся; е) в целях противопожарной охраны здания мемориального музея, подвести к зданию водопровод; ж) произвести полную реставрацию места захоронения А.Н. Островского и членов его семьи (склепа, надгробий, памятников, ограды); з) ускорить приключение (так в документе) электросети на территории заповедника к общей электросети района;

и) принять срочные меры по устройству канализации в доме отдыха и прекращению загрязнения реки и окружающей территории сточными водами, фекальными массами и всевозможными отходами и мусором;

к) усилить охрану всей территории заповедника и особенно дома-музея; л) в целях сохранения стилового ансамбля заповедника, разработать генеральный план застройки и благоустройства территории дома отдыха, прилегающей к мемориальному музею, с обсуждением его общественностью и Управлением по охране памятников культуры.

Мы надеемся, что Совет Министров РСФСР обратит внимание на нашу просьбу и найдет возможным ее удовлетворить и тем самым спасет от разрушения один из красивейших уголков нашей родины.

Подписи (без продолжения, так в рукописи)».

(ГАКО. Ф. Р – 122. Оп. 2. Д. 20. Л. 12 – 16 об.)

«Для сохранения светлой памяти великого драматурга»

Справка о доме-музее А.Н. Островского в Щелькове, составленная начальником Костромского областного управления культуры Б. Капустиным секретарю обкома КПСС А.В. Соколову.

[1962 г.]

«Дом-музей А.Н. Островского, расположенный в бывшей усадьбе писателя Щельково, представляет огромную ценность, привлекает большое количество экскурсантов и туристов. Музей ежегодно посещает до 10 тысяч человек. Коллектив работников музея ведет кропотливую научно-творческую работу, пополняя экспозицию музея новыми материалами, раскрывающими интересную жизнь и творческую деятельность великого русского драматурга.

На территории заповедника расположен большой дом отдыха Всероссийского театрального общества, который за сезон обслуживает более полутора тысяч отдыхающих, с будущего года предполагается превратить его в круглогодичной, следовательно количество отдыхающих возрастет до 3 тысяч. Среди отдыхающих большое количество актеров драматических театров, видных мастеров советского искусства.

Все это накладывает на областные организации, на руководство района, в котором находится такой исторически ценный «уголок», большую ответственность за его состояние. Однако должного внимания к музею со стороны областных, районных организаций, а также Всероссийского театрального общества нет!

Совершенно правильно пишут в своем письме на имя тов. Флорентьева Л.Я. внучки А.Н. Островского Мария Михайловна Шателен и Марианна Александровна Островская о крупных недостатках в содержании заповедника.

Когда-то чудесный парк заповедника, раскинувшийся на 30 гектарах, зарос ольхой и кустарниками и стал, по существу, непроходимым, речка Кукеша, по которой А.Н. Островский свободно плавал на лодке и рыбачил, обмелела и местами совсем пересыхает, Щельковская начальная школа, построенная на средства вдовы А.Н. Островского, не ремонтировалась и не пополнялась новым оборудованием и инвентарем, большой пришкольный участок превратился в дикие заросли. Хороших культпросветучреждений в деревнях, расположенных вблизи заповедника, нет, воспитательная работа с населением ведется плохо.

В самом районе центре, носящем имя А.Н. Островского, дом культуры не отвечает своему назначению, как по материальной базе, так и по содержанию работы.

В целях сохранения светлой памяти великого русского драматурга А.Н. Островского по всем этим вопросам, очевидно, следовало бы принять решение бюро обкома КПСС и исполкома облсовета, в котором отразить следующее:

Просить Всероссийское театральное общество и Министерство культуры РСФСР выделить на 1962 год ассигнования в сумме 150 тысяч рублей (ориентировочно) на производство капитального ремонта дома-музея и расчистку и приведение в должный порядок парка-заповедника на площади 30 гектаров.

Просить ВТО разрешить дирекции дома отдыха «Щелыково» строительство бетонной плотины на реке Кукше, что позволит поднять уровень воды в реке и создать в районе дома отдыха плавательный бассейн для отдыхающих. Стоимость плотины 90 тыс. рублей. Сметная документация у дирекции дома отдыха имеется.

Просить ВТО и Министерство культуры РСФСР ввести в штат дома-музея должности садовника и рабочих, необходимых для постоянного поддержания парка в культурном состоянии.

В целях охраны памятных мест, часто посещавшихся А.Н. Островским и вдохновлявших его на творчество, признать необходимым взять под особое наблюдение территорию, примыкающую к заповеднику и ограничивающуюся населенными пунктами: Угольское, Сергеево, Дорофеево, Ивановское, Твердово, Родово. Вырубку лесов в этих границах допускать лишь с особого разрешения при условии восстановления вырубленного леса, запретить на несколько лет охоту в этих лесах за исключением охоты на хищников.

Обязать Островский райисполком совместно с облоно выделить в 1962 году средства на реконструкцию Щелыковской начальной школы, снабдив ее новым оборудованием и наглядными пособиями, привести в порядок пришкольный участок. Говоря короче, превратить школу в показательную, так как она имеет прямое отношение к музею-заповеднику и посещается экскурсантами.

Обязать облпотребсоюз построить в 1962 году в селе Угольском гостиницу летнего типа с чайной или столовой для обслуживания многочисленных экскурсантов и туристов, прибывающих для осмотра дома-музея, посещения могилы драматурга и памятных мест, связанных с его жизнью и творчеством.

Обязать облоно совместно с обкомом комсомола в летний период вблизи музея-заповедника разбить палаточный городок с очагом для приготовления пищи и тем самым обеспечить нормальные условия для посещения музея многочисленными туристическими группами пионеров и школьников.

Обязать Островский райисполком и областное управление культуры изыскать в 1962 году средства на строительство типового клуба в деревне Фомицино (колхоз им. А.Н. Островского).

Обязать Островский райисполком и облздравотдел открыть в деревне Фомицино фельдшерско-акушерский пункт и аптечный пункт.

Обязать [Островский райисполком] совместно с управлением культуры решить вопрос о реставрации ограды вокруг старого кладбища, где находится могила А.Н. Островского, и превращении кладбищенской церкви в филиал музея.

Просить Совет Министров РСФСР разрешить строительство в селе Островском районного дома культуры, выделить в 1962 году средства в сумме 50 тыс. рублей на начало строительства.

Обязать областное управление культуры оказывать постоянную практическую помощь работникам дома-музея А.Н. Островского, совместно с ВТО всемерно усилить пропаганду заповедника и наследия великого русского драматурга.

Начальник областного Управления культуры
ры

Б. КАПУСТИН»

(ГАКО. Ф. Р – 122. Оп. 2. Д. 20. Л. 6 – 9)

Подготовлено к печати

М.С. НЕДОМАРАЦКОЙ,

*методистом отдела использования
и публикации документов ОГКУ «ГАКО»*

ЩЕЛЫКОВО: ВРЕМЕНА ПЕРЕМЕН

С 1965 года костромские власти предпринимали решительные меры для того, чтобы поднять статус музея-заповедника «Щелыково», кардинально улучшить его просветительскую и пропагандистскую деятельность. Костромской обком партии в лице первого секретаря Л. Флореньева обратился в Совет Министров СССР и в ЦК КПСС с конкретными предложениями о проведении необходимых перемен на территории усадьбы к 150-летию великого драматурга. Это письмо от 1 июля 1965 года, хранящееся сегодня в архиве новейшей истории Костромской области, и стало толчком к тем положительным преобразованиям, которые произошли в Щелыково в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века.

Зарождение музея

Первые шаги к созданию в Щелыково музея были сделаны при Советской власти. После Октябрьской революции усадьба Щелыково отошла в народную собственность. В постановлении Совнаркома РСФСР от 5 сентября 1923 года говорится: «Ходатайство Наркомпроса о национализации усадьбы «Щелыково» для организации музея имени писателя Островского удовлетворить».

По хлопотам театральных деятелей в 1928 году Совнарком СССР передал «Щелыково» Малому театру под Дом отдыха. С условием, что актеры откроют в усадьбе музей Островского. В дни празднования 125-летия А.Н. Островского Совет Министров СССР своим постановлением №1566 от 11 мая 1948 года в числе прочих мер по увековечению памяти писателя объявил усадьбу Щелыково государственным заповедником. Однако шесть лет спустя Г.М. Маленков, будучи Председателем Совета Министров СССР, 16 октября 1953 года подписал распоряжение №13831-р «О передаче Всероссийскому театральному обществу (ВТО) усадьбы А.Н. Островского вместе с расположенным на ее территории домом отдыха Академического Малого театра». То есть развитие музея стало напрямую зависеть от воли театрального общественного объединения.

В Костроме отрицательно отнеслись к такому шагу и посчитали, что это перечеркивает все ранее принятые решения о государствен-

ной опеке над усадьбой, поскольку ВТО основное внимание уделяет своему Дому отдыха, а не организации и работе музея. И в музее содержится только одного хранителя с зарплатой 50 рублей в месяц, что никак не способствует развитию музея и туризма на костромской земле. (ГАНИКО. Ф. П-765. Оп.11. Д.137. Л.191).

Такое положение вещей в канун 150-летнего юбилея Островского казалось костромским властям неразрешимой проблемой. Костромской секретарь обкома И. Скулков письменно обращался к руководителю ВТО М. Цареву с предложением добровольно отказаться от Щелыкова в пользу превращения его в подлинно научно-исследовательское и научно-просветительское государственное учреждение. Актерское сообщество в лице ВТО не возражало, но и не спешило отказываться от Щелыкова. В Костроме боялись, что такая «бодяга» со статусом музея-заповедника затянется на годы. И письменно также обращались по этому вопросу в Москву, которая действительно разрешила эту проблему достаточно просто. В 1966 году из Совета Министров РСФСР пришло разъяснение, заключающееся в следующем: распоряжение Маленкова о передаче усадьбы ВТО (Всероссийскому театральному обществу) ни в коей мере не отменяет статуса государственного заповедника Щелыкова, объявленного Постановлением Совета Министров СССР от 11 мая 1948 года. Получался уникальный симбиоз, в котором и государство,

и театральное сообщество в одинаковой мере пекутся о культурном русском наследии.

Что намечено

В письме Л. Флорентьева от 1 июля 1965 года в адрес Совета Министров СССР содержалась просьба: поддержать предложения костромичей, выработанные обкомом партии и облисполкомом. Предложения сводились к следующему. Учредить ежегодную премию имени А.Н. Островского за лучшую советскую пьесу, установить в Костроме памятник Островскому, выпустить серию почтовых марок, посвященных драматургу, издать массовым тиражом его пьесы, издать неопубликованные письма, серию открыток, плакат, выпустить значки-сувениры. Кроме этого, необходимо произвести реконструкцию дороги Заволжск – Островское и отнести музей-заповедник А.Н. Островского в Щельково к первой категории. (ГАНИКО. П-765. Оп.11. Д.7. Л.38).

К слову, немного ранее, в начале 1965 года, Председатель ВТО М.И. Царев также письменно обращался в Министерство культуры СССР и в Министерство финансов СССР с просьбой поднять статус Щелькова до первой категории, чтобы поставить его в один ряд с Ясной Поляной Толстого и Пушкинским Михайловским. (ГАНИКО. П-765. Оп.11. Д.22. Л.128.)

Однако Москва скептически отнеслась к предложениям костромичей, о чем мы узнаём из письма костромского обкома партии в Совет Министров СССР. Вот его начало: «В связи с исполняющимся в июне 1966 года 80-летием со дня смерти и в 1973 году — 150-летием со дня рождения А.Н. Островского, Костромской обком КПСС, Облисполком и ВТО 1 июля прошлого года вошли в ЦК КПСС и Совет Министров СССР с предложением по увековечению памяти великого русского драматурга. Совет Министров СССР (т. Новиков) наши предложения 8 июля 1965 года передал Министерству культуры СССР (т. Фурцевой) на рассмотрение. Зам. министра культуры СССР т. Кузнецов эти предложения передал Совету Министров РСФСР, а Совет Министров РСФСР (т. Кочкмасов) – направил Министерству культуры РСФСР, которое по всем поставленным в

записке вопросам ранее дало отрицательный ответ. Таким образом, записка по увековечению памяти А.Н. Островского безрезультатно вернулась тому, кто ее писал...»

«Такое отношение к нашему делу мы считаем неправильным», – говорится в обкомовском письме.

Комиссия

Оценив настойчивость костромичей, Совет Министров РСФСР направил в Щельково группу инспекторов, которой было поручено изучить вопрос на месте и дать свое экспертное заключение. В Щельково приехали референт российского Минкульта А.П. Горашенко, начальник отдела музеев Минкульта М.А. Кайнова и представитель музейного сообщества Н.П. Лощинина. По итогам своей поездки они составили рабочую записку, в которой ответили на все поставленные костромичами вопросы. (ГАНИКО. Ф. П-765. Оп.11. Д.137. Л.194).

Проверка показала, что в работе музея-заповедника есть существенные недостатки. А именно: руководство и общественный совет музея находятся в Москве и получают зарплату из Дома отдыха перечислением. Плана работы у музея нет, плана восстановления мемориального комплекса усадьбы и музея нет. Как нет и литературно-театральной экспозиции. Посещаемость музея составляет 6-7 тысяч посетителей в год, однако массовая работа с посетителями не проводится, памятные места А.Н. Островского не обозначены, экскурсий по заповеднику нет, выставки не организуются... Это не даёт оснований перевести музей в 1 категорию по оплате труда, речь может идти только о второй категории, говорится в заключении. Что касается памятника Островскому в Костроме, комиссия считает это нецелесообразным, так как памятник есть в Москве, на родине драматурга, и в его усадьбе Щельково.

Вывод: «Исходя из изложенного, комиссия считает нецелесообразным в настоящее время принимать постановление Совета Министров СССР о мероприятиях по увековечению памяти А.Н. Островского».

Это было, конечно, ударом для костромских властей, с чем смириться они не могли. На-

прашивался вопрос: почему в 1948-м послевоенном году Сталин подписал постановление Совета Министров о мероприятиях к 125-летию Островского, а к 150-летию этого нельзя сделать? Тем более, что предложения костромичей проработаны, масштабны и преследуют чисто государственные интересы.

И секретарь костромского обкома К. Донцов в ответ на заключение экспертов письменно высказал позицию Костромы: хотя комиссия и объективно осветила состояние дел в музее-заповеднике, некоторые вопросы следует проговорить более точно. Так памятник Островскому надо-таки перенести в Кострому из Щелькова, несмотря на отрицательное заключение комиссии. Дорогу Заволжск – Островское также обязательно следует отремонтировать, а для этого нужна помощь Правительства, поскольку автотрасса проходит по двум областям — Костромской и Ивановской. Донцов предложил на данном этапе подготовки к юбилею издать постановление или распоряжение Правительства, обязывающее ВТО, органы культуры и другие ведомства провести комплекс мероприятий по сохранению и дальнейшему развитию музея-заповедника «Щельково». И приложил проект Постановления, в котором снова были перечислены практически все намеченные костромским обкомом и исполкомом мероприятия — с учетом замечаний комиссии по неудовлетворительной работе музея. (ГАНИКО Ф.П-765.Оп.11.Д.137.Л.199).

В мировом масштабе

Переписка с Правительством о подготовке Щелькова к 150-летию А.Н. Островского продолжалась. 6 октября 1970 года секретарь обкома К. Донцов опять обращается в Совет Министров СССР с предложениями (ГАНИКО Ф.П-765.Оп.25.Д.8.Л.173). Здесь и капитальный ремонт дороги Островское – Кинешма, и строительство в «Щельково» комплекса жилищно-бытовых помещений и коммуникаций, и издание книг, открыток, почтовых марок, создание фильмов, учреждение юбилейной медали, организация всесоюзного фестиваля и многое, многое другое. Например, предлагалось обязательно провести на костромской

земле фестиваль спектаклей профессиональных театров, гастроли Малого театра, экранизацию лучших произведений Островского, теле- и радиопередачи о нем, строительство туристической базы в деревне Угольское Островского района. И даже: поручить советским представителям во Всемирном Совете Мира и ЮНЕСКО поставить вопрос о праздновании 150-летия со дня рождения А.Н. Островского мировой общественностью. В общем, запросы у костромичей были самые высокие.

На это письмо из Москвы через два месяца пришел ответ, что предложения костромичей о проведении в 1973 году 150-летнего юбилея драматурга А.Н. Островского Совет Министров РСФСР в целом поддерживает. Но Москва считает, что следует отказаться от проведения в музее-заповеднике фестиваля народных театров, ограничившись показом нескольких спектаклей лучшими народными театрами. Министерство пообещало выделить 5 тысяч рублей на проект строительства Дома культуры в пос. Островское и разрешило за счет средств капитального ремонта провести ремонт костромского участка дороги от пос. Островское до Щелькова. О строительстве дороги Островское – Кинешма сказано четко: не представляется возможным даже в обозримом будущем – вследствие ограничения лимитов капитальных вложений (ГАНИКО Ф.П-765.Оп.25.Д.8.Л.170).

Говоря попросту: инициативу широко отметить юбилей Островского поддерживаем, но на федеральные деньги сильно не рассчитывайте.

Результаты

Однако можно сказать, что костромичи добились своего. В рамках подготовки к юбилею Островского было сделано очень много как по улучшению материальной базы музея-заповедника, так и по упорядочению самой работы этого государственного учреждения. За небольшой временной отрезок «Щельково» преобразилось, стало на порядок обустроеннее, качественнее, популярнее. Масштабные мероприятия, посвященные юбилею великого драматурга, обратили всеобщее внимание на

Щельково, и туда потянулись гости со всей России.

На первом этапе Правительство посчитало, как мы помним, нецелесообразным принимать специальное постановление к юбилею драматурга. И тогда костромские власти приняли свое специальное постановление бюро обкома КПСС и исполкома облсовета от 15 сентября 1970 года «О 150-летию со дня рождения великого русского драматурга А.Н. Островского», в котором были перечислены необходимые преобразования. А к самому юбилею подоспело и Постановление Совета Министров РСФСР от 29 мая 1973 года №286 «О мерах по благоустройству и реставрации музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково», в котором также намечены конкретные и нужные дела.

Давайте коротко перечислим, что было сделано для развития музея-заповедника во исполнение этих и других рабочих документов.

Во-первых, невзирая на мнение москвичей о нецелесообразности установки памятника Островскому в Костроме, в 1968 году бронзовый бюст драматурга, стоявший долгие годы возле главного дома в Щельково, был перенесен в Кострому и поставлен напротив драмтеатра им. А.Н. Островского. А в Щелькове, спустя пять лет, установили новый памятник драматургу. А во-вторых, костромичи дожали-таки Правительство насчет автодороги Островское – Заволжск, капитальная реконструкция ее была запланирована постановлением Правительства на конец 70-х годов – за счет федерального бюджета.

Что касается перечня основных строительных и хозяйственных дел, проведенных на территории музея-заповедника в рамках подготовки к юбилею драматурга, то он таков. Построено здание под новый литературно-театральный музей А.Н. Островского. Заказаны и изготовлены в мастерской театра Моссовета 19 макетов сцен спектаклей по пьесам А.Н. Островского. Закупочная комиссия ВТО приобрела для музеев усадьбы-заповедника более 600 экспонатов для основного музейного фонда и около полутора тысяч вспомогательного. Приобретено 12 кинофильмов на сюжет произведений А.Н. Островского. (ГАНИКО. Ф.П-765. Оп.26. Д.66. Л.7).

В деревне Бобры приобретен типовой крестьянский дом, который перевезли в село Бережки и сделали в нем краеведческий филиал музея А.Н. Островского (изба И.В. Соболева). Отреставрирована церковь и ограда в Николо-Бережках. Построены или капитально реконструированы такие объекты, как котельная на мазутном топливе, клуб-столовая, 22-х квартирный жилой дом. За три года (1970-1973) учреждениями культуры, учебными заведениями проведены многочисленные беседы, тематические вечера и выставки, посвященные творчеству А.Н. Островского. Народными театрами области осуществлено более 40 постановок по пьесам драматурга. В юбилейном году в Костроме проведены: финальный показ республиканского смотра драматических театров по пьесам Островского, республиканские научные конференции «А.Н. Островский и театр», «А.Н. Островский и русская литература», состоялось торжественное заседание общественности Костромы, прошли массовые народные гуляния и игрища по мотивам пьес А.Н. Островского (ГАНИКО. Ф.П-765. Оп.29. Д.42. Л.167).

Экскурсионное бюро по туризму, бюро пропаганды общества охраны памятников, областной музей-заповедник и музей-заповедник «Щельково» организовали 375 лекций, бесед, 600 экскурсий, обслужив 16 тысяч человек. Изданы книги «Снегурочка» и «Вокруг Щелькова» (авторы В. Бочков и А. Григоров), «Великий чародей в краю берендеев» (А. Миронов), «Щельковский сборник» (документы музея-заповедника). Большую пропагандистскую работу провели драмтеатр им. А.Н. Островского, общество «Знание», областная библиотека им. Н.К. Крупской, газеты «Северная правда» и «Знамя труда» (п. Островское).

Проведенная в Костромской области работа позволила значительно повысить внимание и интерес многих костромичей, гостей Костромы, туристов, школьников, учащихся к творческому наследию Островского, к местам, связанным с его именем, к музею-заповеднику «Щельково».

Н.Л. НИКОЛАЕВ,
главный архивист отдела ГАНИКО

СЕКРЕТЫ КОСТРОМСКОЙ БЕСЕДКИ

Вид из этой беседки вниз и вверх по Волге такой, какого мы еще не видели до сих пор.

А.Н. Островский

«Всякому костромичу известно это белокаменное сооружение с колоннами и сферической кровлей, украшающее наш волжский берег, – беседка А.Н. Островского. Она уже давно стала символом города, уютно устроившись в один ряд с прославленными историческими памятниками архитектуры: древним Ипатием, величественной пожарной каланчой, изумительным храмом Воскресения на Дебре...» – такими теплыми словами начинается свою статью А.А. Анохин¹, и они совсем не случайны.

Классическая ротонда на набережной Волги давно стала визитной карточкой нашего города, запечатлена на множестве открыток и фотографий и даже в фильме «Жестокий романс» Э. Рязанова. Она первой встречает всех туристов, прибывающих в г. Кострому на теплоходах, без нее не обходится ни одна обзорная экскурсия по городу и нередко – романтические фотосессии.

Кажется, костромскую беседку имени А.Н. Островского знают все. Но всё ли известно о ней? Давайте попробуем разобраться.

Беседка появилась в 1956 г. и поначалу была... безымянной! Больше того – она не была главной! В годовой подшивке областной газеты «Северная правда» можно обнаружить целую серию репортажей Е. Голубева на тему «Благоустройство волжской набережной»². Да и эта грандиозная затея была лишь одной из целой вереницы: возведение новых жилых районов³, перекрытие р. Костромы⁴ и строительство гидрозащитных сооружений в Костромской низине⁵, сооружение павильонов костромской областной выставки достижений народного хозяйства⁶... – тот год вообще прошел для Костромы под лозунгом «Благоустроим родной город!»

Автором окончательного проекта выступил Геннадий Иванович Зосимов, приехавший в 1954 г. на работу в Кострому по распределе-

Беседка со стороны Верхней Набережной. Нач. XX века.

нию после окончания Московского архитектурного института и трудившийся в Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Первым архитектурным опытом Г.И. Зосимова стало строительство каменной беседки взамен старой, деревянной, давно утраченной. Она должна была расположиться в конце бульвара на самой кромке древнего кремлевского вала и возвышаться над волжской набережной, откуда к ней вели бы две лестницы. На этом самом месте с первой половины XIX в. стояла деревянная беседка в стиле позднего классицизма. Именно в ней бывал драматург А.Н. Островский. В 1932 г. при срытии оконечности вала беседка была снесена.

Геннадий Иванович вспоминал: «Следующей работой был скромный проект беседки, связанной с именем А.Н. Островского. Место на выходящем к реке валу было просто сценой для любого сочинения на завершение этого вала. В процессе работы я понял ответственность за этот проект и сделал фанерный макет в натуральную величину, который помог определить высоту купола и количество колонн. Почти все беседки стоят на чётном числе колонн – 6 или 8. Макет показал, что при шести колоннах в некоторых ракурсах антаблемент, опирающийся на колонны, слишком сильно выступает за внешний контур. Поэтому потребовалось добавить седьмую колонну. Был и второй аргумент. При шести колоннах, если войти внутрь между двумя колоннами, перед тобой будут видны еще две колонны, через которые как бы можно было выйти к реке. Но спуска там нет, седьмая же колонна останавливает движение и направляет взгляд на окружающий пейзаж»⁷.

За это внесение правок в проект архитектору «досталось» от общественности: «Архитекторы научно-реставрационной мастерской неточно рассчитали проект, не проверили, как будет «смотреться» беседка со стороны Волги, – теперь приходится расплачиваться излишними затратами времени, труда, средств».⁸

Критиковать общественность вполне имела право. Дело в том, что волжская набережная обустраивалась методом народной стройки.

Строительство беседки на волжской набережной в г. Костроме. 1956 год.

Конечно, ключевые работы выполняли профессионалы-строители треста «Костромастрой», но на помощь им привлекали коллективы фабрик «Ременная тесьма», «X Октябрь», артели «Победа», аптекоуправления, 1-й горбольницы, областного управления милиции, учащихся 26-й средней школы и мн. др.⁹ Газета «Северная правда» регулярно отмечала и тех, кто усердно работает, и тех, кто не спешит с выполнением взятых обязательств.

В «Пояснительной записке к проекту беседки на набережной р. Волги в г. Костроме» за подписью Г.И. Зосимова указывалось, что планировка участка, отведенного под беседку, осуществлялась с целью сделать удобную видовую площадку с большим количеством сходов на набережную: «Беседка располагается на площадке 6-тиметрового диаметра, представляющей собой верхнюю плоскость подпорного цилиндра (подпорной стенки), к которому с восточной и западной стороны примыкают криволинейные лестницы, ведущие на промежуточную площадку, осуществляемую с

целью предоставить больше площади для скопления на этом месте значительного количества людей».¹⁰

Дальше в документе следовали технические подробности¹¹:

«Фундаменты закладываются ступенчатыми кольцами...»;

«Колонны выкладываются из лекально-го кирпича. Нижний диаметр в кладке 40 см, верхний – 34 см...»;

«Капители гипсовые, тяги карнизов и баз – из цементной штукатурки»;

«Конструкция купола деревянная с обивкой по верху кровельным железом и покраской масляной краской в темно-зеленый цвет...»;

«Внутренняя поверхность купола оштукатуривается известково-алебастровым раствором, он же идет для тяги внутреннего карниза. Лепнина – гипсовая».

Возведение беседки должно было быть завершено к 20 августа 1956 г.¹², но срок этот не был выдержан совершенно – работы продолжались и в сентябре¹³. Торжественного открытия беседки или всей набережной не было. Лишь в номере газеты «Северная правда» за 4 ноября 1956 г. появилась первая фотография сооружения с подписью: «На набережной Волги. На снимке: «Беседка А.Н. Островского». Фотоэтиюд В. Лоцилина»¹⁴.

Беседка Островского. 1950-е годы.

Собственно, подпись к этой фотографии и есть первое упоминание наименования беседки, под которым она теперь всем известна. Впрочем, все верно: имя принято давать уже рожденному дитя. Хотя, конечно, об А.Н. Островском в 1956 г. вспоминали и писали: 14 июня исполнилось 70 лет со дня его смерти в 1886 г.

И.И. ПОПОВА,

главный архивист отдела ГАКО

Примечания

1. Из жизни беседки // Анохин, А.А. Кострома в будни и праздники. Портрет города времен последнего императора. Губернские светописцы / А.А. Анохин; ОГБУК «Костромской музей-заповедник». – Кострома : Костромаиздат, 2013. – С. 150-151.
2. См.: Голубев, Е. Благоустройство волжской набережной // Северная правда. – 1956. – 9 мая. – С. 4; Голубев, Е. На строительстве набережной // Северная правда. – 1956. – 20 мая. – С. 4; Голубев, Е. На строительстве набережной // Северная правда. – 1956. – 27 мая. – С. 4; Голубев, Е. На строительстве набережной // Северная правда. – 1956. – 8 июля. – С. 4; Голубев, Е. На строительстве набережной // Северная правда. – 1956. – 29 июля. – С. 4.
3. Победоносцев, П. Что будет построено в Костроме // Северная правда. – 1956. – 15 апреля. – С. 3.
4. Ручьев, Б. Начало наступления // Северная правда. – 1956. – 13 сентября. – С. 3.
5. См.: Быков, В. Строительство гидрозащитных сооружений в Костромской низине // Северная правда. – 1956. – 17 апреля – С. 4; Голубкова, В. Река Кострома перекрыта // Северная правда. – 1956. – 14 сентября. – С. 1.
6. См.: Колесов, М. Строительству выставки – неослабное внимание / М. Колесов, П. Барышников // Северная правда. – 1956. – 26 июня. – С. 3; Сидоров, А. Пройдемтесь по выставке / А. Сидоров, М. Тупицын // Северная правда. – 1956. – 26 октября. – С. 2-3; Открытие областной выставки и Доски почета // Северная правда. – 1956. – 27 октября. – С. 1; Пугин, В. Смотр достижений трудящихся области // Северная правда. – 1956. – 28 октября. – С. 1.
7. Цит. по: Костромичи – взгляд через столетие. Т. 3. 1951-1970 годы / автор и руководитель проекта – Б.К. Коробов ; отв. ред. – Е.Ю. Волкова. – Кострома : Костромаиздат, 2017. – С. 30.
8. Кремнев, В. На строительстве набережной // Северная правда. – 1956. – 16 сентября. – С. 4.
9. Голубев, Е. На строительстве набережной // Северная правда. – 1956. – 8 июля. – С. 4.
10. Государственный архив Костромской области. Ф. Р-123 о.а.ф. Д. 1946 (документы не описаны). Л. 1.
11. Там же. Л. 1-2.
12. Голубев, Е. На строительстве набережной // Северная правда. – 1956. – 29 июля. – С. 4.
13. Кремнев, В. На строительстве набережной // Северная правда. – 1956. – 16 сентября. – С. 4.
14. На набережной Волги // Северная правда. – 1956. – 4 ноября. – С. 3.

«РАЗРЕШИТЬ УСТАНОВИТЬ...»

Сюжеты из истории увековечения памяти А.Н. Островского в Костроме

Кострома – город с богатой историей, которая в большей степени отразилась и сохранилась в ее архитектурном облике. А вот с чем городу, с моей точки зрения, категорически не везло – так это со скульптурой, причем как в досоветское, так и в советское время. Нотяготение к установке городской скульптуры периодически овладевает умами то начальников, то активных общественников. И в 1961 г. зародилась мысль об установлении памятника А.Н. Островскому. Почему именно в этом году? Попробуем найти ответ в архивных документах.

Документ, содержание которого раскрывает интересующую нас причину, к сожалению, даты не имеет, но итоговое решение на основании его содержания принималось в апреле 1961 г., потому вполне можно отнести его написание к тому же времени. Речь идет о справке, подписанной начальником управления культуры Костромского облисполкома. Открывается справка следующими словами: «14 июня 1961 года исполняется 75 лет со дня смерти Александра Николаевича Островского великого русского драматурга»¹. (Обращу внимание на отсутствие запятой после фамилии в документе, вышедшем из недр управления культуры). По логике, такое начало должно повлечь за собой что-то со смертью Островского и связанное, а не нет!

Далее следует описание значимости вклада «великого русского драматурга» Островского в историю костромской культуры: тут и беседка, и улицы, и гостиница, и театр. Но обозначенный в справке «вклад» никакого отношения к смерти Островского не имеет, это все «следы» его пребывания в Костроме исключительно при жизни. Наверное, логичнее было бы вспомнить о том, что Островский умер на костромской земле и здесь же нашел вечное упокоение. Однако отсутствие логики тех, кто этот документ написал и подписал, отражает шаблонный набор доказательств в надобности памятника.

В справке указано место для памятника: «... в сквере на проспекте им. Сталина возле областного драматического театра им. А.Н. Островского»². Напомню некоторые сведения о месте установления памятника – проспекте им. Сталина: «Осенью 1952 года, незадолго до открытия XIX съезда партии, в Костроме произошла своеобразная рокировка. В честь вождя переименовали улицу Луначарского (в досоветское время Павловская. – И.Е.). ... с переименованием изменился ее статус: она была повышена до проспекта. <...> Поразительно, но о том, что одна из центральных улиц Костромы стала проспектом Сталина, «Северная правда» своих читателей не проинформировала. <...> Переименование произошло негласно, костромичей просто поставили перед фактом»³. В проспект Мира проспект Сталина преобразился после выноса 31 октября 1961 г. тела Сталина из мавзолея, за которым последовали по всей стране массовые переименования улиц, снос памятников «вождю всех народов». Потому в справке, написанной в начале 1961 г., проспект еще носит имя Сталина, переименоуют его только в ноябре этого года.⁴

Выяснив все приведенные подробности, связанные с именовании улицы/проспекта, подумала: вот где витает тень смерти – в месте установки, что-то пушкинское начинает звучать, типа - «и примешь ты смерть от коня своего» или «три карты, три карты» ... В ответ на возможные (и даже неперемные упреки) присоединюсь к словам Островского: «... я рискую подвергнуться обвинению в излишней смелости и неосновательности моих положений. Но пусть так... я буду говорить ... как человек убежденный, никому не навязывая своих убеждений и не очень горячо их отстаивая»⁵.

Между тем из справки следует, что над памятником работает мастер – «костромской скульптор Проненко С.Д.», который уже (!) «получил хорошую оценку специалистов Москвы (вновь отсутствует запятая. – И.Е.) и

Министерство культуры РСФСР не возражает против заключения договора на проект памятника» с ним⁶. Тоже удивительная подробность! Областное управление культуры могло предварительно самостоятельно договариваться с Минкультом, потому в конце справки читаем: «Нужно решение бюро обкома КПСС»⁷. Собственно, по этой причине была составлена уже приведенная справка.

Обратимся к протоколу заседания бюро обкома КПСС, где принималось решение по памятнику Островского в Костроме. На первом листе стоит печать «Секретно» (хотя, судя по повестке, обсуждались вопросы сугубо хозяйственного содержания), несколько ниже «Рассекречено» (жаль, нет даты). Заседание шло под председательством «тов. Флорентьева Л.Я.». Среди присутствовавших членов бюро, обкома и кандидатов в таковые была приглашена редактор областной газеты «Молодой ленинец» Е.И. Протасова. Интересующая нас проблематика обозначена в пункте 14 и называется следующим образом: «О сооружении памятника великому русскому драматургу Александру Николаевичу Островскому в городе Костроме». В скобках указаны фамилии «т.т. Косарев, Соколов, Флорентьев» – это, видимо, те, кто высказывался по данному вопросу, но их выступлений мною в этом деле не обнаружено. И вот собственно постановление: «В связи с исполняющимся в 1961 г. 75-летием со дня смерти великого русского драматурга А.Н. Островского бюро обкома КПСС постановляет:

1. Поручить областному управлению культуры провести в 1961 году проектные работы по сооружению памятника в городе Костроме.

2. В день юбилея А.Н. Островского (так в документе), 14 июня 1961 г., заложить камень на месте сооружения памятника с надписью: «Здесь будет установлен памятник великому русскому драматургу А.Н. Островскому»⁸.

3. Просить Министерство культуры РСФСР заключить договор на проектирование и сооружение памятника с костромским скульптором Проненко С.Д.»⁹.

Обратимся теперь к личности костромского скульптора. Сергей Дмитриевич Пронен-

ко (12.01.1909 – 15.12.1981) – костромич, его отец работал в ЧК и погиб на Украине во время гражданской войны, о чем написал один из местных журналистов¹⁰. Сам Проненко в биографических сведениях о себе нигде этого не указывал, подчеркивая свое трудовое происхождение. Интерес к изобразительному искусству развился в нем под влиянием старшего брата. Основам художественного творчества обучался в Москве (1929 – 1932). Далее – служба в Военно-морском балтийском флоте, матрос в г. Кронштадт на л/к «Марат». По окончании службы поступил во Всероссийскую Академию художеств (1936 – 1941), но не успел сдать выпускные экзамены из-за начавшейся Великой Отечественной войны. Воевал рядовым матросом в Прибалтике в военно-морской части. В 1941 г. в Шауляе был тяжело ранен «в рот и ноги, в тяжелом состоянии оставлен на поле боя»¹¹. К сожалению, сведений о том, что происходило дальше, в архивных документах не обнаружено. Но из уже упоминавшегося очерка Е. Голубева следует, что вернулся Проненко с фронта инвалидом – на костылях.

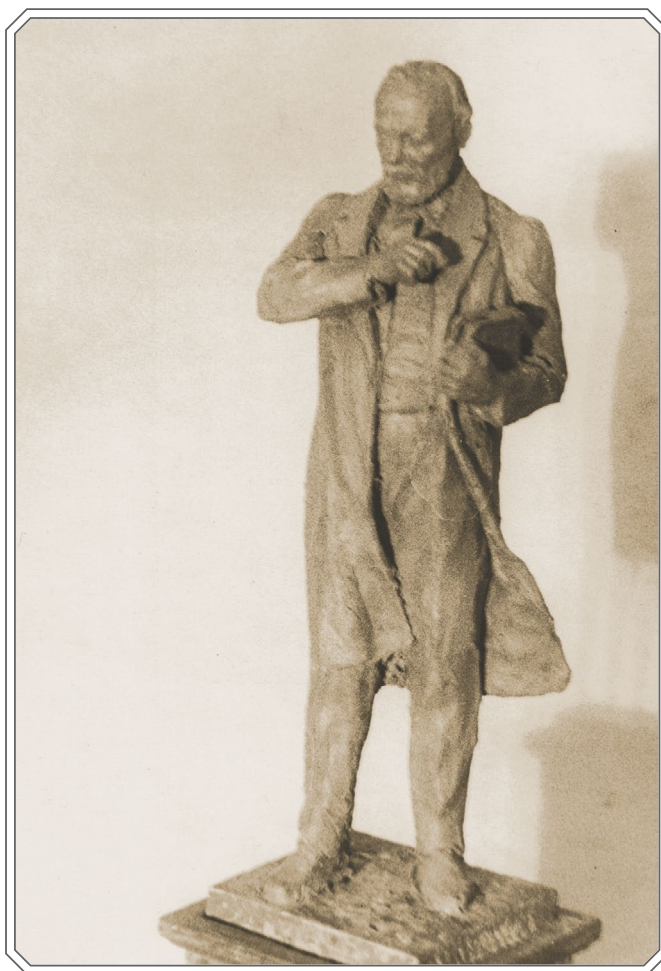
В 1946 г. в Костроме Проненко устраивается на работу в местное областное товарищество «Художник» и уже в 1947 г. представляет на выставке скульптурный портрет А.Н. Островского, который он выполнил по заказу Костромского областного отдела искусств¹². А в 1948 г. его принимают в Союз художников СССР, где он выполняет в основном скульптурные портреты передовиков производства, героев войны, Штеймана и Горького. Скульптурные работы Проненко подчеркнута лишены какого-либо изящества, грубоватые лица передовых тружеников, героев и героинь соцтруда словно сосредоточены на главном деле в их жизни – труде. Пожалуй, единственным достоинством всех этих работ является присущая им порывистость, какое-то внутреннее движение, смягчающее идеологическую заданность портретов. Совсем иначе выглядят две скульптуры Горького – совсем юного и уже зрелого: сохраняя уже знакомую порывистость, Проненко подчеркивает устремленность писателя к миру и его смыслу. Думается, что обращение

скульптора к Островскому из этого же ряда. И я продолжила поиски.

В интернете нашла информацию, что скульптура Островского работы Проненко была установлена в Щелькове и даже получила награды¹³. Какая интересная подробность! Никогда не доводилось слышать об этом, но подумалось: «А вдруг!». Попробовала найти хоть какие-то следы. В известной книге В. Бочкова «Заповедная сторона. Вокруг Щелькова» (Ярославль, 1988) есть целая глава под названием «Памятник», но в ней нет ни слова о скульпторе Проненко и, соответственно, ее установке в музее-усадьбе драматурга. Поскольку Бочков одно время (1972 – 1977) работал в Щелькове, то, конечно, он не мог не знать о наличии такого памятника, тем более отмеченного наградами. В фондах музея-заповедника «Щельково» нет никаких следов ни скульптуры, ни документов.

Но вернусь к событиям 1961 г. Обращение к Проненко было вполне закономерным: он имел опыт в успешном создании образа Островского. Удалось найти в местной прессе заметку, в которой описывалась мастерская Проненко, находившаяся «в доме покойного костромского художника Николая Павловича Шлеина». Среди работ скульптора автор заметки упоминает портрет Островского¹⁴. Если вспомнить, что портрет 1947 г. находился, скорее всего, у заказчика, то речь идет о новом портрете. Действительно, в газете «Молодой ленинец» помещена заметка, где описывается эскиз будущего памятника: «Сергей Дмитриевич (Проненко – *И.Е.*) переходит от станка к станку, на которых закреплены эскизы памятника нашему земляку, великому русскому драматургу А.Н. Островскому. Не за горами день, когда в центре Костромы, недалеко от бывшего здания гостиницы, где проживал Островский, появится этот величественный памятник, отлитый из бронзы. А пока здесь, в скромной мастерской скульптора, ведутся трудные поиски. ... лицо писателя. ... ясные глаза. Резко выделяется большой умный лоб. Поза Островского также подчеркивает его неукротимый мужественный характер. Писатель как будто подался вперед, чтобы лучше разглядеть за завесой времени

**А.Н. Островский. Скульптор С.Д. Проненко.
Тонированный гипс. 1961 год.**

то прекрасное будущее, ради которого он жил и творил»¹⁵. Судя по описанию, это явно уже не бюст, а полноценная скульптура.

Стало быть, памятник все-таки был скульптором выполнен. Причем, если верить заметке, в ноябре месяце памятник все еще – в эскизах (гипсе и/или пластилине), а постановление принято было в апреле. Но журналист уверен, что памятник по этим эскизам будет создан и установлен, о чем мог слышать от самого скульптора.

В этом же году в обширной статье К. Ильина сообщается: «Заслуживает внимания и последняя работа – эскиз памятника писателю-драматургу А.Н. Островскому»¹⁶. А далее нашлись сведения о существовании этого памятника в тонированном гипсе (40 см) и пластилине (50 см) и – чудо: фото памятника в тонированном гипсе! Изображение в принципе

совпадает с тем, что было дано в приведенной газетной заметке. Выяснилась и судьба бюста Островского 1947 г. – его в 1961 г. передали в драматический театр им. А.Н. Островского¹⁷.

Что случилось тогда, почему памятник Проненко не был отлит и установлен? Увы, загадка. Правда, от искусствоведа С.С. Катковой узнала, что Проненко был человеком взрывного характера, и это неудивительно, если вспомнить, сколько ему пришлось всего в своей жизни пережить. Вполне вероятно, что он мог резко высказаться в связи с задержками в оформлении заказа и вызвать соответствующую реакцию со стороны местной власти. А может быть, не устроили его эскизы.

Однако памятник все-таки появился и еще при жизни Проненко. В 1967 г. из музея-усадьбы в Щелькове был перевезен бюст Островского работы Н.Е. Саркисова¹⁸ и установлен ровно на том месте, где должна была стоять скульптура работы Проненко. Такая вот «встреча» двух советских скульпторов. Но появился готовый памятник, конечно, не случайно.

В 1965 г. власти вновь обращаются к Островскому, о чем свидетельствует летнее совместное заседание Костромского обкома КПСС и облисполкома. Председательствует все тот же Л.Я. Флорентьев.

Двенадцатый пункт из решений этого заседания называется «Об увековечении памяти А.Н. Островского». В скобках, как обычно, указаны выступившие по данному вопросу, это были товарищи Косарев, Бычков, Архипов, Флорентьев. Но теперь речь идет уже не о Костроме, а о Щелькове и целом комплексе мероприятий самого разного характера на целых три (!) страницы. В 9-м пункте постановления читаем: «Учитывая выдающуюся роль А.Н. Островского в развитии русской драматургии, просить ЦК КПСС и Совет министров СССР разрешить установить в г. Костроме памятник А.Н. Островскому»¹⁹.

Обратим внимание на сочетание глаголов «разрешить установить», которые, в первую очередь, предполагают наличие памятника. Однако ни о Проненко, ни о каком-либо другом скульпторе упоминаний нет. Что же тогда соби-

рались устанавливать? Ответ легко обнаруживается в памятнике, стоящем напротив театра им. А.Н. Островского. Этот памятник был открыт в 1967 г., т.е. через два года после принятия решения. Любопытно, что в юбилейном номере «Губернского дома» в разделе «Хронограф» дата сия никак не обозначена. Об открытии в этом же году памятника Сусанину сообщается, а о памятнике Островскому – нет²⁰. Это замечание, конечно, никоим образом не в упрек журналу, а все к тому же ряду некоторых странностей.

Сегодня хорошо известный (а ко времени заседания бюро обкома КПСС находившийся в Щелькове) бюст Островского работы Н.Е. Саркисова был изготовлен к 70-летию со дня смерти драматурга²¹ на личные средства двух внучек драматурга – М.М. Шателен и М.А. Островской: «При въезде в усадьбу перед группой старых пихт²² на постаменте в виде высокого столба, хорошо гармонирующего с окружающими его деревьями, как бы встречая гостей, стоит бюст А.Н. Островского». И далее сообщаются некоторые подробности: «14 июня 1956 года на территории усадьбы-заповедника был открыт новый памятник-бюст великого драматурга. Открытие этого памятника состоялось при огромном стечении окрестного населения, а также гостей из Кинешмы, Костромы, Иванова, Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Сызрани и других городов. При открытии памятника было произнесено много умных, горячих, искренних речей...»²³.

Из дальнейшего повествования узнаем, что помимо бюста ко Дню памяти Островского была приурочена научно-теоретическая конференция, проходившая 15-17 июня и «посвященная сценическому воплощению произведений А.Н. Островского в театре и кино. Участники ... театроведы, режиссеры, артисты»²⁴. Замечу, это были *первые* чтения на территории музея-заповедника, потому вполне закономерно их участниками стали деятели сценического искусства, на nive которого и для которого, в первую очередь, трудился Островский. Любопытно, что во втором издании книги «А.Н. Островский в Щелькове» о судьбе бюста автором не только не сообщается каких-

либо сведений, отсутствует даже упоминание, словно и не было его никогда здесь. За этой фигурой умолчания скрываются явно драматические обстоятельства, сопровождавшие перенос памятника из Щелькова в Кострому, о которых деликатно не сообщает А.И. Ревякин.

Но ко времени летнего 1965 г. заседания бюро обкома и облисполкома бюст Островского еще находился в Щелькове, был признан памятником, который, скорее всего, сугубо решением властей (а вовсе не подарен музеем-заповедником!²⁵) переносится в Кострому. Хотя, возможно, под обещание полноценной скульптуры музейщики и согласились «подарить» бюст, честно сказать, не обладающий никакими художественными достоинствами.

И вот уже через несколько лет в путеводителе сообщается: «Напротив театра, на бульваре, в 1967 году установлен памятник А.Н. Островскому, перевезенный из музея-усадьбы драматурга Щельково: бронзовый бюст покоится на колонне из полированного головинского лабрадора, основание которой обвивает лавровый венок из чеканной бронзы. Скульптор Н.Е. Саркисов изобразил Островского в самом расцвете сил»²⁶. Оставив без комментариев жизнерадостное утверждение о расцвете сил, не могу не обратить внимание на тот факт, что **никто** не объясняет, почему музей так легко расстался с памятником, выполненным **специально** для музея? Как отнеслись к этому переносу внучки, заказавшие памятник? А заодно, уж коли речь зашла о Щельковском музее, не могу не заметить, что никто не вспомнил, что в 1967 г. исполнялось ровно 100 лет со дня приобретения братьями Островскими (Александром и Михаилом) усадьбы Щельково: внеся первый залог, они будут в течение трех лет расплачиваться со своей мачехой Э.А. Островской.

Но вернемся к памятникам. Есть в них одна общая мистическая подробность: и памятник, над которым работал Проненко, и памятник Саркисова делались к «круглым» датам со дня смерти Островского. Потому вполне закономерно, что тень небытия не могла не наступить один из них...

И.А. ЕДОШИНА,
доктор культурологии

Примечания

1. Капустин Б. Справка // ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 9. Д. 29. Л. 187.
2. Там же.
3. Зонтиков Н.А. И.В. Сталин – депутат Костромского городского Совета. Кострома: ДиАр, 2014. С. 45, 46.
4. Решение Костромского ГИК от 10 ноября 1961 г. за № 921 // Улицы Костромы. Справочник / под ред. В.Н. Бочкова, И.Н. Захарова. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1989. С. 47.
5. Островский А.Н. По случаю открытия памятника Пушкину (варианты чернового автографа) // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 10 / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1978. С. 552.
6. Капустин Б. Справка // ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 9. Д. 29. Л. 187.
7. Там же.
8. Следов закладки камня обнаружить не удалось. В «Северной правде» (1961. 14 июня) разместили известие о приведенном решении бюро Обкома КПСС, в «Молодом ленинце» (1961. 14 июня) – биографический, неточный в датах и событиях, очерк об Островском А. Часовникова.
9. Протокол № 60 Заседания бюро Костромского областного комитета КПСС от 18 апреля 1961 года // ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 9. Д. 24. Лл. 52, 73.
10. Голубев Е. Ваятеля рукою вдохновенной... // Северная правда. 1972. 26 сентября.
11. Личное дело С.Д. Проненко // ГАКО. Ф. 2935. Оп. 3. Д. 160а. Л. 1об.
12. Личное дело С.Д. Проненко // ГАКО. Ф. 2935. Оп. 3. Д. 160а. Л. 13об.
13. Сергей Дмитриевич Проненко. Биография и информация [Электронный ресурс https://archive.ru/artists/47983~Sergej_Dmitrievich_Pronenko/biography] (Дата обращения 09.01.2023).
14. Часовников А. В мастерской скульптора Проненко // Северная правда. 1954. 14 сентября.
15. Голоднов Н. В мастерской скульптора // Молодой ленинец. 1960. 16 ноября. № 140.
16. Ильин К. Скульптор С. Проненко и пейзажист В. Беляев // ГАКО. Ф. 2935. Оп. 2. Д. 83. Л. 2. Опубликовано (частично) в: Северная правда. 1960. 3 апреля.
17. Карточка персонального учета члена Союза художников СССР // ГАКО. Ф. 2935. Оп. 2. Л. 18.
18. Некоторые подробности см.: Едошина И.А. «А я, душа театра...» А.Н. Островский. Кострома: Костромаиздат, 2013. С. 27.
19. Протокол № 20 Заседания бюро Костромского областного комитета КПСС от 7 июня 1965 года // ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 11. Д. 18. Л. 61.
20. Хронограф // Губернский Домъ. 1994. № 3. С. 15.
21. См.: Усадьба Щельково, А.Н. Островский [Электронный ресурс: <http://www.museumschelykovo.ru>] (Дата обращения 14.01.2023).
22. Эти пихты были посажены еще при А.Н. Островском. – Шанина В.И. Вводный лист на право владения имением Щельково, выданный А.Н. и М.Н. Островским 8 октября 1873 г. мировым судьёй 3-го участка Кинешемского судебного округа // Щельковский сборник: Материалы и сообщения по фондам Гос. Музея-заповедника А.Н. Островского. Ярославль, 1973. С. 27.
23. Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Кострома: Костромское книжное изд-во, 1957. С. 267, 271. Уже в 1960 г. этот бюст будет занесен в список охраняемых памятников культуры // Постановление Совмина РСФСР от 30.08.1960 № 1327.
24. Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Кострома: Костромское книжное изд-во, 1957. С. 272.
25. Бюст был подарен городу Кострома музеем-усадьбой Щельково (Островский район) в 1967 году [Электронный ресурс: <https://topkostroma.ru/sights/24>]
26. Бочков В.Н., Тороп К.Г. Кострома. Путеводитель. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1971. С. 138.

ЩЕЛЫКОВСКИЙ ПАРК: ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ

При словах «русская усадьба» невольно рождаются поэтические образы прошлого: красивые дома с мезонинами и белыми колоннами; старинные парки с тенистыми аллеями, живописными видами, беседками, прудами. Садовому пространству в дворянских усадьбах всегда уделялось большое внимание, оно было неотъемлемой частью архитектурного комплекса, его важнейшим украшением, предметом неустанных забот.

По насаждениям щельковской усадьбы «читается» история развития ее природного обрамления на протяжении веков. Земля Островского, как часто называют Щельково, имеет почти 400-летнюю историю. Из крохотной деревеньки в четыре двора Щельково превратилось в барскую усадьбу; она, в свою очередь, пережила периоды формирования, расцвета, угасания, возрождения, преобразования. С начала XVII века эти места входили в состав старинной обширной вотчины бояр Годуновых¹. С 1650 года Щельково с окрестностями перешли по купчей от Степана Ивановича Годунова Василию Ивановичу Кутузову, одному из представителей костромской ветви знатного дворянского рода². Со второй половины XIX века и до национализации в 1918 году имение принадлежало трем поколениям семьи Островских.

Формирование щельковской усадьбы началось при Кутузовых. Согласно историческим документам в 1678 году Щельковым владеет Михаил Васильевич Кутузов, деревня записана за ним с двором вотчинников³, – так называлась главная постройка сельской усадьбы той поры. Где располагался двор вотчинников и как он выглядел, выяснить не удалось. Несомненно, это время можно считать началом основания усадьбы.

После смерти М.В. Кутузова Щельково в 26 дворов с прочими деревнями перешло к одному из сыновей – Фёдору Михайловичу Кутузову (мы называем его «первым», так как десятилетия спустя среди владельцев Щелькова окажется его полный тёзка). При Кутузове-первом Щельково обозначено сельцом, так называли помещичью усадьбу с господским домом, расположенным вне деревни.

К выбору места для закладки усадебного комплекса всегда подходили тщательно, при этом особо учитывалась красота местности. Так было и в Щелькове. Природа здешних мест образует неповторимый ландшафт: густые леса и открытые пространства, извилистые речушки и заливные луга, живописные овраги, с вершин которых открываются великолепные виды на исконно русские пейзажи. Именно рельеф в разные периоды истории определял характер планировочного решения щельков-

ской усадьбы: господские дома со службами и хозяйственными постройками располагались на возвышенной части, территория по склонам была использована под парк.

У Фёдора Михайловича и его супруги Анны Васильевны, урожденной Ефимьевой, родилось двое сыновей – Михаил и Иван. С младшим из них, Иваном, связана дальнейшая судьба Щелькова.

Иван Кутузов владел имением на протяжении почти 30 лет. Покинув службу в 1762 году статским советником, он имел возможность активно заняться обустройством поместья. При нем облик усадьбы сложился в основных чертах.

Центр усадьбы в то время располагался немного западнее нынешнего. На вершине одного из холмов, где сейчас расположена 2-этажная беседка, в XVIII веке стоял большой барский дом. В ту пору местность еще не поросла густым лесом, и дом на вершине крутого холма красовался на всю округу. По склонам и в сторону реки раскинулся сад, к которому от дома спускалась лестница. Севернее располагались службы: конюшни, псарня, хозяйственные постройки.

В начале 70-х годов XVIII века в Щелькове произошел пожар, господский дом сильно пострадал и на прежнем месте не восстанавливался. Восточнее по распоряжению И.Ф. Кутузова возвели новый деревянный дом как временный. Место было выбрано прекрасное: удобный подъезд с северной стороны, а с южной – крутой склон и живописный вид на речку Куекшу и окружающие пейзажи.

Иван Фёдорович Кутузов умер в 1775 году бездетным. Значившиеся за ним владения отошли племянникам – Фёдору и Алексею. Братья решили, что младший Алексей Михайлович поселится в Угольском, а старший Фёдор Михайлович – в Щелькове.

В последней четверти XVIII века именно при Ф.М. Кутузове-втором щельковская усадьба достигла своего расцвета. Будучи еще на воинской службе, он прикупал надель, деревни, увеличивая свое костромское владение. За ним числилось 1318 десятин (около 1440 га)

земли, более восьмисот душ крепостных мужского пола.

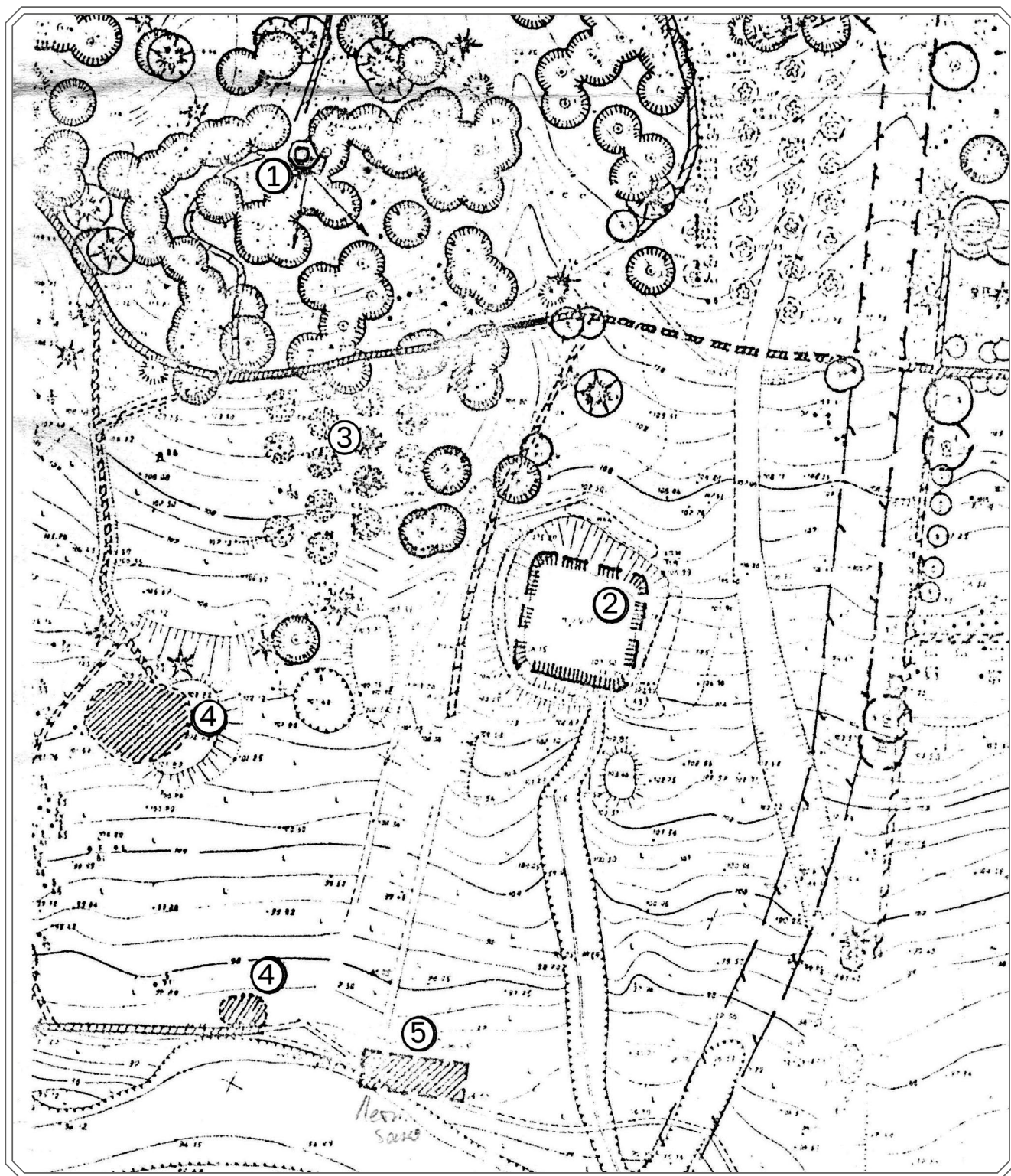
Основной дом, который достался ему по наследству от дяди, двухэтажный деревянный с бельведером, был значительно больше теперешнего, об этом свидетельствуют выявленные при обследовании продолжения его фундаментов⁴. К дому примыкал Красный двор, вела въездная дорога, завершающаяся объездным кругом. Вблизи возведены флигели и хозяйственные постройки (большой кирпичный скотный двор с погребями и ледником, рубленый амбар с галереями с трех сторон, немного в стороне – летняя и зимняя бани и т. д.). На реке Куекше было две мукомольные мельницы. Имелась в усадьбе и кузница.

Знатный вельможа жил на широкую ногу, вел активное строительство, не жалел сил и средств на благоустройство усадьбы. В Щелькове помимо главного усадебного дома был выстроен каменный дом, он располагался на острове большого пруда в излучине реки Куекши. В селе Бережки возведен и освящен в 1792 году храм Святителя Николая Чудотворца, замечательный по архитектуре и уникальный по красоте. На месте пожарища прежнего господского дома построили большой (не менее пятидесяти метров в длину) павильон из камня: два квадратных в плане здания, соединенные галереей и с двумя декоративными беседками-ротондами.

Садовое обрамление стало для Ф.М. Кутузова-второго предметом особых забот. В Щелькове он создал для себя райский уголок, достойный восхищения: парк украшали пруды и малые архитектурные формы.

От господского дома по южному склону спускалась каменная лестница, справа и слева от нее и теперь отходят дорожки, обсаженные липами (деревья, в настоящее время растущие на склоне, посажены уже в период Островских). Лестница приводила к террасированной площадке, на которой располагались: каменный павильон⁵, грот с нимфами⁶ и оранжерея⁷. Далее эта часть парка переходила в ландшафтную: изгиб русла реки, луга, куртины деревьев, окружая и дополняя регулярную часть сада, подчеркивали ее стройность.

Планировка территории усадьбы в период владения Кутузовыми. Фрагмент историко-архитектурного опорного плана ГМПИЗ А.Н. Островского «Щельково». 1987 год.

1. Место расположения усадебного дома Кутузовых во второй половине XVIII века, позднее, в конце XVIII века – большого паркового павильона. При Островских на этом месте построена двухэтажная беседка.
2. Малый пруд-садок.
3. Место расположения плодового регулярного сада при Кутузовых и при отце драматурга, Н.Ф. Островском.
4. Неизвестные строения XVIII века (не сохранились).
5. Летняя баня постройки XVIII века (не сохранилась).

Западнее, у подножия склона, на котором стоял большой павильон, заложили террасированный регулярный плодовый сад, его оги- бали грунтовые и гравийные дорожки. За ре- гулярным плодовым садом построена вторая оранжерея, она была врезана в склон одной из террас⁸. В оранжереях у Кутузова выращивали экзотические цветы и заморские фрукты. Бе- седки и павильоны в этой части парка окружали мощеные площадки, вблизи ручья располагался грот.

Стоит сказать, что садово-парковое иску- ство во многом определяется философией и модой своего времени. Во второй половине XVIII века в жизни русского общества боль- шую популярность приобрело масонство. Оно нашло отражение во многих сферах жизни, в том числе и в усадебных садах. Документаль- ных подтверждений того, что Фёдор Кутузов, как его родной брат Алексей, принадлежал к масонскому братству, нет. Но с уверенностью можно сказать: преобразуя усадьбу, разбивая

сад, Кутузов-второй обращался к масонской символике.

Самое узнаваемое место Щелькова – ква- дратный пруд с круглым островом – класси- ческий символ братства, он воплощал ма- сонскую ложу в «море» жизни, а их конечную духовную цель – священную гору Сион – в Щелькове символически обозначает высокий холм естественного происхождения, что рас- положен как раз напротив пруда. В этот период в парке появились гроты, каменная кладовая в готическом стиле. Было много мощения из булыжника, а неотёсанный камень играл за- метную роль в символике масонства – натура человека аллегорически воспринималась ими как «дикий» необработанный камень, требую- щий неустанной работы, совершенствования.

Гостей в усадьбах стремились удивить, доставить особое удовольствие. Ф.М. Куту- зов-второй был одним из богатейших помещи- ков, владел крепостным оркестром, и в боль- шом парковом павильоне устраивал пышные

Средний пруд (квадратный с круглым островом). Щельково. 2017 год.

празднества с ужинами, танцами. В такие дни вечерней и ночной порой парк превращался в чудесное зрелище и настоящую световую феерию. Этот павильон просуществовал до 1820-х годов. Ко времени появления в усадьбе Островских от него остались лишь руины.

Со смертью Ф.М. Кутузова-второго в 1801 году жизнь в усадьбе меняется: созидательный и плодотворный период заканчивается. Имение наследуют дочери. Первая половина XIX века – период угасания щельковской усадьбы. Часть построек разбирается, некогда прекрасный парк без должного ухода начинает зарастать лесом. Усадебный дом в начале XIX века был перестроен: стал меньших размеров с антресольным этажом по северному фасаду.

В 1830-е годы единственным владельцем Щелькова становится сын Варвары Фёдоровны Кутузовой (в замужестве – Сипягиной), Александр Егорович Сипягин. Он жил не по средствам, после смерти матери быстро промотал все имущество. На службе был замечен

в мошенничестве, судим, лишен дворянства, приговорен к ссылке в Сибирь, по дороге куда скончался. Имение было заложено в московском Опекуном совете и назначено к продаже с торгов.

Сегодня от кутузовских времен в парке сохранились немногочисленные уголки: некоторые элементы регулярной планировки возле усадебного дома, пруд с островком, малый пруд-садок и так называемая нижняя дорожка, которая, повторяя контур оврагов, по сей день ведет меж огромных сосен через парк.

Новая «страница» в летописи усадьбы началась в 1847 году, когда Щельково с торгов купил Николай Фёдорович Островский, отец драматурга. Н.Ф. Островский со своей семьей, второй женой и детьми от брака с нею, жил в Щелькове круглый год. Имение было большое, но запущенное. Новый хозяин, образованный и деятельный человек, «решил в своем хозяйстве применять все то новое, что он находил в

Южная терраса, увитая девичьим виноградом. 2017 год.

выписываемых им русских и иностранных книгах и журналах по сельскому хозяйству»⁹.

И действительно, за короткий срок стараниями Н.Ф. Островского усадьба была приведена в должный вид. Его усилия распространялись не только на увеличение доходности имения, но и на его благоустройство.

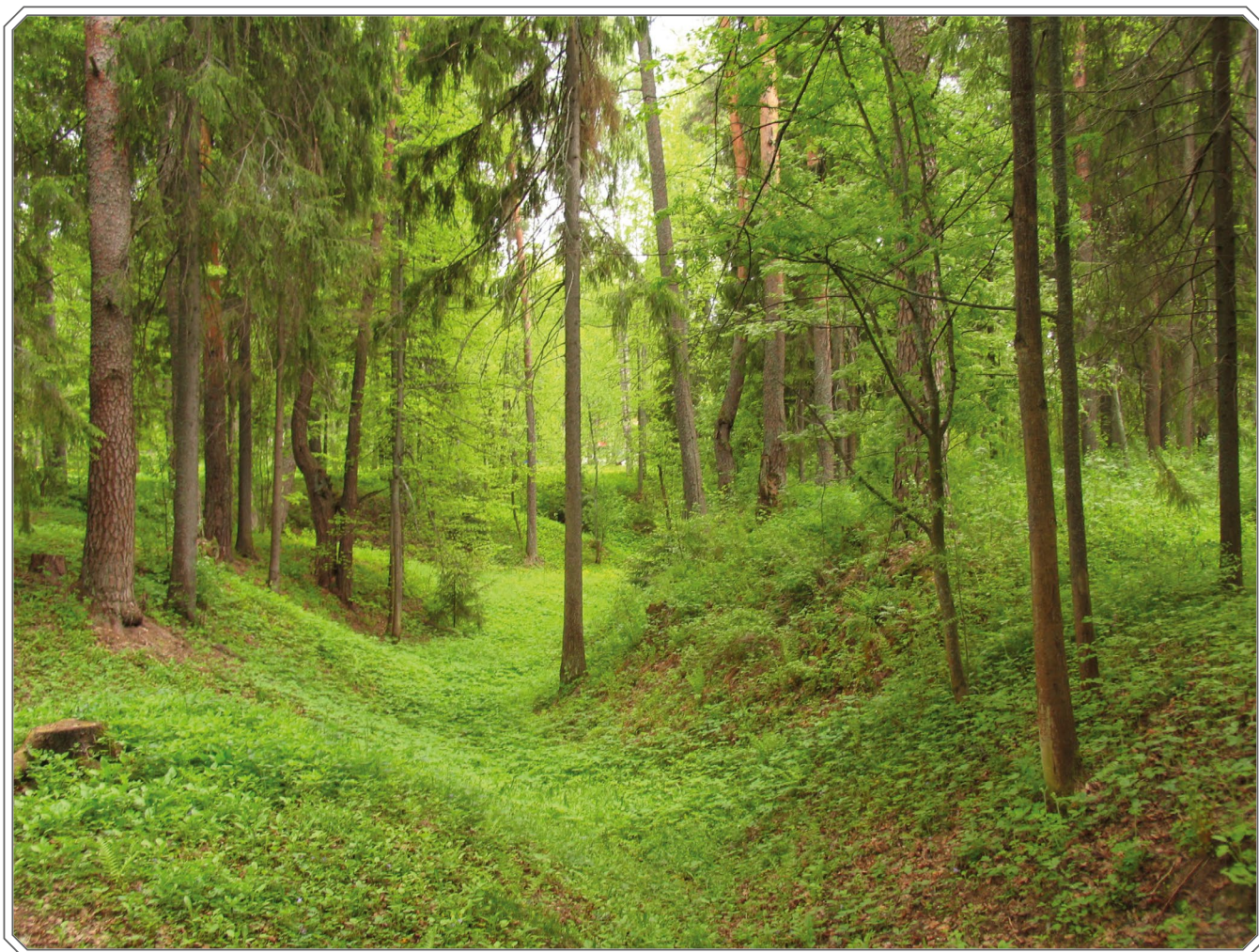
Владелец произвел необходимую починку зданий и ремонт в господском доме. Сделали «навес над южной верандой, заложив полуциркульный выступ над итальянским окном-дверью гостиной»¹⁰. Терраса с двумя лестницами по бокам получилась уютной, удобной и раскрывала интерьер гостиной в небольшой регулярный сад и живописные окрестности.

Щельковский парк к этому времени прошел пик своего расцвета. Как человек прагматичный, Островский не стал восстанавливать

масштабные элементы некогда роскошного парка. При нём существующие посадки дополнились рядами и аллеями. С севера от усадебного дома парадный, так называемый Красный двор, был обсажен березами¹¹.

К востоку от дома по гребню склона закладывается березовая аллея, ее посадка датируется 1852–1862 годами¹². Сейчас самые кряжистые деревья в ней – это посаженные еще при отце драматурга березки, прочие появились в более позднее время. Подобная аллея существовала и ранее, при Кутузовых, т.к. ниже ее южного ряда обнаружена дорожка с покрытием из битого кирпича.

По ходу этой аллеи у самого края обрыва по распоряжению Николая Фёдоровича были высажены 2 «куста» берез по 3 дерева от одного основания¹³. Позднее здесь стояла

Парк «Овражки» вблизи еловой аллеи. 2011 год.

«любимая» скамейка А. Н. Островского. Березы-старожилы ранее были одним из лучших украшений парка: их мощные кроны образовывали красивый зеленый шатер. Из воспоминаний современников известно, что это местечко драматург очень любил и часто приходил сюда отдыхать. Со скамьи открывалась панорама большого заливного луга, пруда с островком, реки, мельницы, безбрежные просторы лесов, дома деревеньки Василёво, видна была и подъездная дорога к усадьбе.

Огромные березы украшали парк до конца XX века. Их частично сохранившиеся пни до сих пор отмечают знаковое место. Молодые березки на месте утраченных деревьев посажены в 2021 году. Со временем они станут такими же исполинами.

Фруктовый сад Николай Фёдорович оставил на прежнем месте. В кирпичных оранжереях при нем «росли и плодоносили абрикосовые и даже персиковые деревья»¹⁴. Вокруг барского дома высадили сирень, чубушник, акацию. Возможно, в саду выращивали и цветы, поскольку цветоводство было уже частью культуры того времени, но сведений об этом не сохранилось.

После смерти Н. Ф. Островского в феврале 1853 года усадьба, согласно духовному завещанию, перешла Эмилии Андреевне и детям, рожденным в браке с нею. Вдова вернулась на жительство в Москву, а в Щелыково приезжала ненадолго в основном летом. Без хозяйского глаза имение перестало приносить доход, постройки старели, парк зарастал. Эмилия Андреевна решила продать Щелыково.

Вид в сторону реки Куекши с мостика в парке «Овражки». 2020 год.

Старшие братья Александр и Михаил Островские бывали здесь в гостях у отца, очень любили эти края и не хотели, чтобы имение перешло к чужим людям. В 1867 году они покупают усадьбу у мачехи, становятся совладельцами имения.

В тот непростой пореформенный период всем элементам провинциальной усадьбы были присущи, прежде всего, целесообразность и простота устройства, а использование художественного потенциала местности стало одним из главных приемов садового искусства. Щельковский сад в 70–80 годы XIX века очаровывал не дорогостоящими затеями, а простотой, естественностью, живописностью.

При братьях Островских центральная часть усадьбы сохранила свое оформление. С северной стороны от ворот к дому, как и прежде, вела посыпанная песком дорожка, огибавшая круглый садик с пихтами и акацией. Пихты образовывали круг, в центре которого росла ель. В северных губерниях по традиции хвойные деревья защищали дом от студеных ветров. Такие посадки были здесь еще с кутузовского периода, затем пихты пересаживались при А.Н. Островском¹⁵. Деревья, красующиеся перед домом сейчас, посажены в 1977 году¹⁶.

С южной стороны дома небольшой регулярный сад служил естественным переходом от архитектуры к природе. Не случайно партеры, лестницы, цветники дополнялись растениями в вазонах и кадках – это еще больше подчеркивало интерьерный характер пространства вблизи дома. Вазоны с цветами были и в щельковской усадьбе. «У начала лестницы с каждой ее стороны – невысокие квадратные кирпичные белёные столбики, на которых стояли большие вазоны»¹⁷, – пишет в воспоминаниях М.М. Шателен. При Островских в них росли настурции, которые высаживаются и в наши дни. Регулярный стиль этой части сада подчеркивают симметрично расположенные беседки в виде буквы «П», обсаженные акацией, переплетенные хмелем.

Вблизи дома по традиции размещали душистые растения и клумбы. Здесь росли кусты сирени, акации, жимолости, чубушника, было много черемухи, которую в период цветения

Александр Николаевич очень любил и называл ее «русский fleur d'orange»¹⁸. Посадки кустарников этих пород были восстановлены в 1970 и 1990-е годы. Как и в прежние времена, они наполняют округу благоуханием.

Русский сад того времени невозможно представить без обилия цветов, а драматург был страстным любителем-цветоводом. Клумбы в Щелькове делали простой незатейливой конфигурации. Их форма описана в воспоминаниях внучки писателя, М.М. Шателен: клумбы, окаймлённые дерном, окружали дом с трех сторон (западной, южной, восточной). У южных окон столовой и кабинета клумбы образовывали треугольник. Вдоль восточного и западного фасадов дома, под южной террасой и по гребню склона были узкие цветочные рабатки¹⁹.

Согласно моде цветники были «веселенькие», радующие глаз яркими сочетаниями. «Под окнами кабинета, где наш великий драматург обдумывал свои произведения, клумбы запущенных цветов: огненно-желтых лилий, ирисов и других»²⁰, – вспоминает Т.Ф. Склифосовская. Здесь красовались разноцветные флоксы, пионы, табак, петунии, резеда, портулак, настурции, душистый горошек, астры, бархатцы, гелиотроп²¹ и многие другие.

Драматург очень любил розы, и «выписывал их самых разных наименований»²², – отмечала М. Шателен. По ее словам лестницу в Нижний парк окружали «рабатки из роз, простых, которые цвели все лето...»²³. В ту пору были популярны центифольные розы, что переводится как «столепестные»; за форму цветка их часто называют «капустные». Сейчас здесь среди роз есть и очень похожие на центифольные²⁴. Форма клумб остается неизменной, а усадебный дом все так же обрамляют любимые писателем цветы.

Радостью и гордостью Островского были сад и огород с изобилием всевозможных плодов. Во второй половине XIX века в хозяйстве почти каждой усадьбы выращивание овощей, корнеплодов, фруктов было предметом особого внимания и заботы владельцев, а часто – необходимостью. Драматург утверждал в своих письмах: «...без огорода для меня деревня ничего не стоит»²⁵. Он лично занимался приоб-

Планировка территории вокруг усадебного дома (период А. Н. Островского). Фрагмент Проекта организации и ведения лесопаркового хозяйства на территории государственного музея-заповедника А. Н. Островского «Щельково». 1987 год. 1. Усадебный дом. 2. Пихтовый круг. 3. Одноэтажная беседка. 4. Беседка. 5. Летняя печь (навес под рябинами). 6. Калитка на луг. 7. Прогон к реке Куекше. Несохранившиеся строения XVIII века: 8 – флигель, 9 – кирпичный скотный и конный двор с погребями и ледником, 10 – неизвестные строения. Несохранившиеся строения XIX века: 11 – амбар, 12 – теплица, 13 – хранилище для корнеплодов. 14. Огород с ягодными кустарниками. 15. Фруктовый сад при А.Н. Островском. 16. Сиреневая дорожка.

ретением семян. Например, в счете г. Островскому от директора центрального Депо русского общества любителей садоводства числятся: «капуста кочанная коломенская и капуста цветная английская ранняя, шпинат новозеландский, морковь Альтрингам, огурцы Муромские и огурцы зеленые кистевые, петрушка корневая голландская, подлажана фиолетовая, лук порей летний, укроп и т. д.»²⁶.

К огороду и фруктовому саду от дома вела тропинка через горбатый мостик над прогоном. С левой стороны от тропинки на южном склоне росли плодовые деревья, с правой были гряды и ягодные кустарники. Огород занимал территорию между скотным двором и оврагом. Была небольшая теплица, к югу от нее – ряд парников и специально унавоженный участок, где росла любимая драматургом спаржа. Оранжерей к этому времени в хозяйстве уже не было, но в теплице и парниках выращивали ранние огурцы, помидоры, артишоки; на грядках – различные сорта редиса, салатов, тыквы, самые разные виды капусты, в том числе и декоративные. Под присмотром опытного садовника хорошо плодоносили и овощи, и все ягодные кустарники.

Фруктовый сад в Щелькове, что первоначально был при Кутузовых и отце драматурга, уже одичал и почти не давал урожая. В 1870-е годы А.Н. Островским западнее усадебного дома закладывается новый фруктовый сад с яблонями, сливами, вишнями. Для посадки деревьев на южном склоне были сформированы небольшие террасы. Эта планировка позволяла растениям получать больше солнечного света, а садовнику – легче ухаживать и собирать плоды. Однако заложенный драматургом фруктовый сад вскоре вымерз в одну из суровых зим. Эта часть сада более не восстанавливалась.

В музее-заповеднике осенью 2020 года на месте фруктового сада на сохранившихся террасах вновь высажены молодые яблони. Им надо вырасти, подняться, сформировать крону. И когда яблоньки войдут в силу, склон в кипенно-белом цветении будет одним из прекраснейших уголков Щелькова, радостью всех его гостей.

Красота усадьбы и ее окрестностей вызвала у Островского восторг и восхищение. В его письмах, дневниковых записях, творчестве мы находим этому подтверждение. Например, одному из своих друзей, художнику М.О. Микешину, драматург пишет: «Жалко, что ты не пейзажист, а то побывал бы у меня в деревне; подобного русского пейзажа едва ли где найдешь»²⁷. Сам Александр Николаевич любил природу «дикую, непричесанную»²⁸, которая волновала и трогала его душу.

Усадебный парк в Щелькове условно разделен на Верхний и Нижний. Первый расположен к западу от дома, северная его часть высоко поднята над уровнем реки Куекши и прорезана глубокими оврагами, покрытыми теперь густым лесом. Нижний парк занимает склон вблизи усадебного дома и долину реки Куекши.

Александр и Михаил Островские, став владельцами Щелькова, внесли свою лепту в обустройство садово-паркового ансамбля. Рядом с домом была высажена группа из пяти деревьев липы мелколистной²⁹, из них сохранились три липы. Липовая аллея на южном склоне, заложенная в конце XVIII века³⁰, дополняется деревьями. Затем, в годы владения усадьбой уже детьми писателя, сюда также подсаживались экземпляры взамен выпавших лип. Владельцы следили, чтобы панорама, открывающаяся с террасы, не закрывалась зелеными насаждениями: липы в аллее регулярно подстригались, а просеки в долине реки очищались. В Нижнем парке производятся рядовые и аллеиные посадки липы и березы.

Вблизи обрыва в последней четверти XIX века стоял Гостевой флигель. С восточной стороны от него Михаил Николаевич Островский «собственноручно посадил несколько десятков лип, которые, когда подросли, подстригались шапками и превратились в тенистую рожицу, где потом, к удивлению всех, росло довольно много белых грибов»³¹ – писала М.М. Шателен. Эти липы ныне – одно из украшений щельковского парка.

С южной стороны усадебного дома в Нижний парк спускается лестница. Как и при Островских, здесь растет орешник, и озорные

Вид от одноэтажной беседки на южный фасад усадебного дома. 2017 год.

белки также в пору созревания орешков лакомятся ими. Замыкая перспективу лестницы, построили небольшую одноэтажную беседку, в семье Островских ее называли «нижней».

«Александр Николаевич после купания или катания на лодке, иногда после рыбной ловли, <...> частенько отдыхал в этой беседке перед утомительным для его сердца подъёмом по каменной лестнице к дому»³², – пишет внучка драматурга. На островке среднего пруда среди росших там берез также стояла деревянная беседка с лавочками³³.

От липовых рядов на южном склоне к реке вела тропинка. Во времена драматурга она была обсажена деревьями и превратилась в аллею. Одна сторона ее (восточная) засажена березами, другая (западная) – елями. В конце аллеи у реки прежде стояла небольшая деревянная купальня.

Территория парка, где при Кутузовых когда-то были фруктовый сад, одна из оранжерей, гроты и павильоны, во второй половине XIX века уже заросла молодым лесом. При братьях Островских этот уголок усадьбы преобра-

жается, получает второе рождение. На основе естественного леса здесь устраивается парк «Овражки»: прокладываются дорожки, через овраги перекидываются мостики, в наиболее красивых местах устанавливаются скамейки, на крутых склонах формируются дерновые диваны. В сторону реки прорубили просеки-прозоры, чтобы любоваться окрестностями. На вершине одного их холмов, где когда-то стоял барский дом Кутузовых, позднее – большой парковый павильон, построили двухэтажную восьмигранную беседку со скамеечками наверху и внизу. Отсюда открывался чудесный вид наподобие живописного полотна.

В настоящее время эта часть парка по-своему красива: вековые сосны и ели с подлеском из жимолости, рябины, черемухи, бересклета украшают крутые склоны оврагов. С нижней тропинки через мощные стволы и кроны деревьев проблескивает речка Куекша, просматривается лес на ее противоположном берегу.

Со временем совмещать усадебные заботы и творчество стало для А.Н. Островского нелегко. Постепенно он все меньше занимался

имением, больше времени и сил уделял литературным трудам. В конце 1870-х годов брады правления Щельковым перешли к супруге. Мария Васильевна, как вспоминала ее внучка, считала себя заправской помещицей.

После кончины А.Н. Островского в июне 1886 года, а позднее и смерти Михаила Николаевича, совладельца Щелькова, был произведён раздел имения.

Вдова Мария Васильевна приезжала в Щельково на каникулы младших детей и по-прежнему вела хозяйство. Старшие дети бывали здесь только во время отпуска. Потомки драматурга хранили память о своём отце. Традиции усадебной жизни продолжали Сергей и Мария Островские.

«Старый» дом, перешедший в 1906 году по завещанию матери к среднему сыну Сергею, часто пустовал. С.А. Островский жил в Петербурге и в Щельково приезжал не часто. В усадьбе он ничего не менял, поддерживал ее в надлежащем виде. Излишки пахотной земли, покосов были отданы крестьянским общинам, сеялись только кормовые травы для имеющих в усадьбе лошадей, коров. В порядке

Голубой дом, южный фасад. 1909 год.

содержались огород, ягодники, много внимания по-прежнему уделялось цветам, в парке регулярно прочищались дорожки.

Старшая дочь Островских Мария Александровна (в замужестве Шателен) в 1902 году в западной части парка «Овражки» начала строительство новой усадьбы по собственному проекту, так называемого Голубого дома. Усадьба Шателенов и ее обрамление – памятник усадебной культуры начала XX века. В оформлении этой территории прослеживается

Северный фасад Голубого дома и парадный партер. 2014 год.

приверженность русским традициям, приемам и принципам русского садово-паркового искусства.

С восточной и южной сторон Голубого дома особую камерность пространству и сейчас придают стройные стволы вековых сосен. По краю обрыва меж деревьями оставлены промежутки. Через них любовались извилистым руслом реки Куекши, окрестными пейзажами, дальними перспективами.

На больших полянах с северной стороны высаживаются две группы пихт и лиственница, рядом с которой прежде стояла березовая беседка. К северо-западу от дома, где в настоящее время располагаются корпуса санатория, был участок под огород, теплицу, парники и домик садовника.

В садах того времени очень ценилась зримая рукотворность, проявившаяся в усадьбе Шателенов фигурным партером с северной стороны дома. Красивые цветники были и перед южным фасадом: вдоль дорожек свободной конфигурации устроены рабатки, пространство между дорожками занимал газон, на котором размещалось несколько цветочных клумб. Современная конфигурация цветников воссоздана по фотографиям начала XX века.

Этот период характеризуется, прежде всего, большим объемом посадочных работ, которые во многом определили современный облик Щелькова. Вдоль всей северной ограды усадьбы в 1901 г. закладывается большая березовая аллея, самая протяженная в парке, она связывает «старую» и «новую» усадьбы. Параллельно ей в 1905 г. высаживаются ело-

Большая березовая аллея. 2007 год.

Золотая осень в щельковском парке. 2018 год.

вая аллея. В 1905–1908 годах вблизи дома появились небольшие прогулочные аллеи: липовая и рябиновая, а также березовый клин. Щельково теперь невозможно представить без этих аллей! Они – настоящее украшение старинного парка!

В Новую усадьбу к Шателенам съезжалось много гостей. Хозяева выезжали с ними на пикники, рыбную ловлю, в леса по ягоды и грибы, потчевали диковинными овощами, выращенными в своем огороде. А вечерами из распахнутых окон дома доносились музыка и пение.

Садово-парковый усадебный ансамбль прошел традиционный путь. Каждый из владельцев Щелькова в соответствии с модой, личными вкусами, представлениями о пользе и красоте внес свою лепту в создание облика усадьбы. Каждый, рационально используя, гармонично сочетая и дополняя природные особенности, стремился преобразить усадебный мир, создать свой райский уголок. Каждый отдал Щелькову частицу своей души.

С началом Первой мировой войны обе щельковские усадьбы опустели. После Октябрьской революции 1917 года имение было национализировано и перешло в ведение местных властей. В усадьбах не обеспечивалась сохранность уникальных вещей, они разрушались, исчезали, а парк вновь начал зарастать.

Новая страница в летописи Щелькова началась с 1923 года, когда оно было передано в распоряжение Народного комиссариата просвещения для организации музея А.Н. Островского. А в 1928 году – Малому театру для организации в нем дома отдыха для актеров и с условием, что в доме драматурга со временем будет организован музей.

В настоящее время комплекс усадьбы – Музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково». В парке ведется поэтапная расчистка долины реки Куекши и склонов оврагов от поросли сорных пород. При этом выявляется подрост пород деревьев и кустарников, представляющих историческую и декоративную ценность. Пе-

ред нами стоит задача сохранить характерные стилистические особенности парка, восстановить его утраченные элементы, наполнить его растениями, соответствующими ассортименту прошлых веков. Некоторые деревья в парке – современники трех поколений семьи Островских. И пусть деревья-старожилы выросли, широко раскинули свои кроны, закрыли собой многие перспективы. Но их стволов касались ладони отца писателя, самого Александра Николаевича Островского и его детей. Относиться к таким реликвиям стоит трепетно и благоговейно.

Старинный парк не утратил очарования. Тропинки, разбегающиеся от дома вглубь парка, по-прежнему манят к себе для неспешных прогулок, романтических мечтаний, для дружеского общения или свидания. Окружающие Щельково леса все также богаты самыми разными, в том числе редкими, видами растений: купальница, хохлатка плотная, майский ландыш, колокольчик крапиволистный, северные орхидеи и т. д. И все это, говоря словами А.Н. Островского, «наше великолепное Щельково»!³⁴

Е.В. ЦВЕТКОВА,
научный сотрудник
Музея-заповедника «Щельково»

Примечания

1. Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV – XVIII вв. Вып. 5. Отд. 3. Для Костромской и Плесской десятиин Костромского уезда... – М., 1912. – С. 200–203.
2. Калинина Е. Б. Некоторые уточнения, касающиеся истории усадьбы Щельково и генеалогии ее владельцев Кутузовых // Историко-культурный и природный потенциал кинешемского края. Развитие регионального туризма. – Материалы XIV межрегиональной краеведческой конференции. – Кинешма, 2018. – С. 46.
3. <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=9546>.
4. Проект реставрации насаждений Государственного музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково». – Всесоюзное объединение «Леспроект». 1973. – С. 20.
5. Шателен М.М. Описание усадьбы-музея А.Н. Островского в 70 – 80-е годы XIX века по рассказам современников и личным воспоминаниям. Машинопись. Копия. Музей-заповедник «Щельково». 17 июля 1964. Ф. 1. Оп. 2. Д. 91. – С. 8.
6. Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова. Машинопись. Музей-заповедник «Щельково». – Ф.1. Оп.1. Д. 879. – С.10.

7. Проект организации и ведения лесопаркового хозяйства на территории Государственного музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково». – Всесоюзное объединение «Леспроект». 1987. – С. 139, 149.
8. Там же. – С. 137.
9. Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова... – С. 7.
10. Скопин В.В. Отчёт о проведённых исследованиях по главному усадебному дому А.Н. Островского в Щелькове. ЦНРПМ. – М., 1997. – С. 11.
11. Проект реставрации насаждений... – С. 36.
12. Ведомость инвентаризации деревьев. Составлена в 1972 году / Ю.П. Пилипенко, В.А. Агальцова, О.Л. Синюк – Всесоюзное объединение «Леспроект», 1972. – С. 500–514.
13. Проект реставрации насаждений... – С. 69.
14. Шателен М.М. Описание усадьбы-музея... – С. 5.
15. Проект реставрации насаждений... – С. 73.
16. Кудряшов Д.П. Усадебная эмблема А. Н. Островского. – Островские вести, 2001, 19 мая.
17. Шателен М.М. Описание усадьбы-музея... – С. 2.
18. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 12-ти т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина, И. В. Ильинского, В. Я. Лакшина и др.; Подг. текста и коммент. Т. И. Орнатской. – М. : Искусство, 1973-1980. Т.10. Дневники. – С. 359.
19. Шателен М.М. Описание усадьбы-музея... С. 1 – 2.
20. Склифосовская Т. Ф. Несколько слов о А. Н. Островском в быту // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / под общ. ред. В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского и др. – М. , 1966. С. 326 – 327.
21. Шателен М.М. Описание усадьбы-музея... – С.1 – 2.
22. Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова... – С.19.
23. Шателен М.М. Описание усадьбы-музея... – С. 2.
24. Цветкова Е.В. «У нас действительно рай...» (Цветочно-декоративное оформление усадьбы «Щельково») // Щельковские чтения 2014. А.Н. Островский и культура конца XIX – начала XX века: сборник статей / науч. ред., сост. И. А. Едошина. – Кострома, 2015. – С. 254 – 255.
25. Островский А.Н. Полное собрание сочинений. Т.12. – С. 231 – 232.
26. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, фонд А. Н. Островского, № 200 инв. № 3511.
27. Островский А.Н. Полное собрание сочинений. Т.11. – С. 517.
28. Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова. – С. 16.
29. Агальцова А.В. Сохранение мемориальных лесопарков. – М., 1980. – С. 173.
30. Ведомость инвентаризации деревьев... – С. 644–662.
31. Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова... – С. 24.
32. Там же. – С. 18.
33. Проект организации и ведения лесопаркового хозяйства... – С. 155.
34. Островский А.Н. Полное собрание сочинений. Т.11. – С. 263.

ИЗ ИСТОРИИ «ВОЛЖСКОЙ» ДРАМЫ

МОТИВЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО В ПЬЕСЕ В.С. РОЗОВА «В ДЕНЬ СВАДЬБЫ»

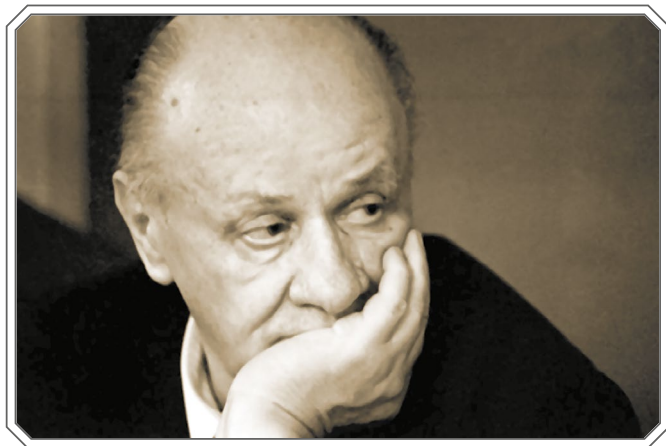
Пьеса «В день свадьбы», написанная В.С. Розовым в 1963 г., является, пожалуй, самым «костромским» произведением драматурга. Действие пьесы разворачивается в костромском Заволжье, судя по всему, где-то в районе Селища и бывшей Никольской слободы (ныне район улиц Стрелецкой, Коллективной, Широкой). На высоком берегу Волги стоит дом Ильи Григорьевича Салова, который работает ночным сторожем на заводе. Салов заявляет: «На заводе-то нашем что раньше выпускали?! Напильники да чугуны с кастрюлями. А теперь экскаваторы». Ясно, что речь здесь идет о костромском заводе «Рабочий металлист». В 1915 г. в Кострому был эвакуирован из Риги инструментальный завод Л.Ф. Пло, который после революции, в 1922 г., переименовали в «Красный металлист», а позже он получил свое нынешнее название.

Экспозицией пьесы является диалог о Волге, который ведут сторонник прогресса Салов и тоскующий по старине кладовщик Менандр Николаевич. «Не увидишь уже на Волге колесных красавцев-пароходов, что когда-то, в двадцатые годы, ходили по реке», – сетует кладовщик. «Зато теперь, – успокаивает друга Салов, – на реке и теплоходы, и буксиры, и моторные лодки». «Да, – неохотно соглашается Менандр Николаевич, – нынче моторок «что раньше стрекоз», а в двадцатые годы «одна ходила, губисполкомовская». И продолжает наступать: «Рощи, однако, по берегам повырублены». «Зато мост пешеходный строят», – парирует не лезущий за словом в карман Салов. «Нет уже на Волге той красоты, того волшебства, – продолжает сокрушаться кладовщик, – все попорчено рукотворными морями – водохранилищами. А берегов старых жалко. Заводы были, камыши, остров песчаный». Устав от причитаний Менандра Николаевича, шутник Салов пугает его такой апокалиптической перспективой: «Погоди, еще издадут приказ – высушить всю Волгу. <...> Один миг! Мол, будет тут проезжий тракт. Зальют, стало быть, русло

асфальтом, до краев нальют, укатают и пустят машины. Мол, для скорости...» Ужас на лице доверчивого Менандра Николаевича сродни тому испугу и недоумению, которые испытала героиня романа С.С. Максимова «Денис Бушуев» юная Манефа, слушая рассказ отца о Туркестане. В какой-то момент девушка восклицает: «А как же там люди-то живут? Как же они без Волги-то живут?». Да, без Волги жить невозможно. По крайней мере, каждый волгарь убежден в этом. А что такое Россия без Волги?

Розов был благодарен судьбе за то, что в его жизни была Волга, красавица-река, делающая простительной писательскую сентиментальность и восторженность. Герой пьесы «Страница жизни» десятиклассник Дима Крылов сознавался, что Волга открыла ему глаза на страну, в которой он живет. Однажды юноша отправился с друзьями в лодочный поход. Позже, отвечая на расспросы о впечатлениях, Дима сказал: «Я ведь впервые посмотрел большой кусок страны, так сказать, в разрезе. И будто не ты едешь, а она плывет мимо тебя и по правому берегу, и по левому. И старинные ориентиры – от церкви до церкви. Одна перед тобой, а там вдали маячит другая. Подплывешь к той, на горизонте следующая показалась. Загляденье... <...> И впереди – Волга, голубая, сверкающая, а по ней трехпалубные белоснежные гиганты – дизель-электроходы, старинные пароходы с колесами, ракеты, самоходки, баржи с буксирами, тучи моторок, рыбацкие лодки – целая жизнь на воде». Когда-то, в середине 1920-х гг., Витя Розов вместе с другими костромскими мальчишками бегал на Волгу, где публике презентовался первый «костромской» самолет «Фарман-30» и пилоты под радостные вопли ребятни совершали показательный полет. В августе 1927 г. толпы костромичей встречали на пристани глиссерную лодку под командой инженера Бойкова, которая в ту пору казалась настоящим техническим чудом. В июле 1928-го – провожали шесть мотолодок во Всесоюзный пробег со

В.С. Розов.

скромным названием «Первый звездный поход». В феврале 1929 г. костромичи стали свидетелями первого аэросанного пробега – по волжскому льду.

Когда В.С. Розов, уже известный драматург, приехал в Соединенные Штаты Америки, он захотел реализовать свою давнюю мечту – проехаться по Миссисипи. И компания подобралась хорошая: Даниил Гранин и Фрида Лурье. Поначалу коллеги-литераторы отнекивались, но Розов настоял на путешествии по реке: «Как-никак я волгарь, речная душа, с рекой у меня связано многое. Уже один речной запах возбуждает меня».¹ Вояж по Миссисипи разочаровал Розова. Река Тома Сойера и Гекльберри Финна оказалась на удивление безлюдной и пустынной – ничего общего с шумной, полной жизни Волгой! В одном из своих постсоветских интервью Розов вновь и вновь возвращался к впечатлениям детства и юности: «Вы можете себе представить радость человека, по весне выбегающего на берег Волги в Костроме, когда начинается ледоход? Когда слышно, как ломаются льды. Это же прекрасно!»²

Пьеса «В день свадьбы» построена так, что река ни на минуту не выпадает из поля зрения читателя, зрителя. Ее присутствие организует не только фабулу, но и настроение героев. «И Волга хороша, и небо хорошо, и во мне все переливается», – признается жизнелюб Василий Заболотный. Сын Салова Евгений буднично бросает: «Я на реку, выкупаюсь». Молодежь разводит на берегу костер. Михаил идет домой за платком для Нюры: «зябко у воды, тя-

нет». Нюра вслушивается в тревожный гудок парохода, предвещающий какую-то беду. Илья Григорьевич, затеявший очередной философский диспут – на этот раз об иных галактиках, – заявляет, что не хочет *туда* (тон Салова не позволяет усомниться в том, что предложение о перемене места жительства уже поступило): «Мне тут хорошо, на Волге». Вернувшись в родные места Клава Камаева не может скрыть своих чувств: «Переехала сейчас Волгу, иду по улочкам – ноги-то родной земли касаются. Ведь каждый забор знаком, каждое дерево, камень».

Но самое проникновенное слово о великой русской реке произносит, конечно же, Менандр Николаевич: «Присел на горе на лавочку у старого кладбища да Волгой любовался. Теткет, милая, с луной играет. Тысячу бы лет на нее глядел без усталости. Чем больше гляжу, тем сильнее к ней тянет... Умирать буду – спросят: чего, Менандр, напоследок хочешь? Отвечу: на нее взглянуть...» Этот текст немедленно относит нас к знаменитому монологу Кулигина, которым открывается драма А.Н. Островского «Гроза»: «Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу на Волгу и все наглядеться не могу <...> Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется!» Почти дословное повторение некоторых пассажей: «пятьдесят лет гляжу ... и все наглядеться не могу» (Островский); «тысячу бы лет на нее глядел без усталости» (Розов) – не оставляет никаких сомнений в части того, на какие классические литературные источники опирался Виктор Сергеевич. Пожалуй, и редкое для XX столетия антично-греческое имя Менандр дано герою не случайно. В «Грозе» острый на словцо Кудряш тоже называет механика-самоучку Кулигина «антиком».

И сциентист Кулигин, и советский служащий Менандр Николаевич являют собой секулярный тип сознания, потому Волга для обоих – по преимуществу предмет эстетического любования. Заметим, что в монологе розовского героя восхищение волжским простором соединяется с печальным мотивом смерти (и любуются-то кладовщик Волгой, сидя у кладбища).

Однако река для Менандра – это роскошная *посюсторонняя* альтернатива тоскливым мыслям о мире «ином». Совсем иное отношение к Волге у религиозной Катерины, чье сознание впитывает в себя христианские и дохристианские, языческие представления о воде как спасающей и защищающей силе: «Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. <...> А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука. <...> Взяли бы, да и бросили меня в Волгу; я бы рада была». Для Катерины *земное* существование в страшном доме Кабановых подобно «могиле» – Волга же соединяется с мечтой о «радостном» избавлении от страданий, это элизиум, овеещающий сны Катерины о «райских деревьях да горах».

«Речная» лексика определяет характеры и даже веки жизненных испытаний героев. Оценивая итоги и перспективы своих амурных походов, Василий Заболотный сетует: «Да, в этих делах я почему-то не по фарватеру иду, сносит». Салов говорит своему будущему зятю, бывшему детдомовцу Михаилу: «Теперь круг твоей жизни замкнулся, причалил, брат». В какой-то момент Волга становится для героев чуть ли не Рубиконом, перейти который и соблазнительно, и страшно. Накануне свадьбы друга Василий пытается убедить его не обманывать ни себя, ни невесту – ведь Михаил не любит ее! Венцом доводов Василия о ненужности свадьбы стал призыв «перемахнуть» Волгу на лодке. Что друзья в конце концов и делают, рискуя попасть под лопасти парохода, – его-то, «раскричавшегося», и услышала встревоженная Нюра.

Бегство на лодке через Волгу, да еще накануне бракосочетания, да еще к красивой сопернице, неизбежно заставляет вспомнить еще одну пьесу А.Н. Островского – «Бесприданница». «Как, вы решаетесь ехать за Волгу?» – настойчиво спрашивает Паратов у Ларисы Огудаловой. «Куда вам угодно», – сдается та на милость победителя. У Розова, правда, «бесприданница» заменена «бесприданником». Михаил Заболотный берет в жены Нюру Салову – а лучше сказать, идет к ней в мужья: любви-то нет никакой! Нюра – председатель

завкома, большой человек на предприятии. В планах у нее поступить в текстильный техникум. И хотя она, по выражению остряка Василия, чуток «обшаблонилась» на своей работе, – партия для сироты и детдомовца Михаила, что и говорить, выгодная. Вспоминается саморекомендация Карандышева: «Она искала для себя человека не блестящего, а достойного...» Заметим, что, в отличие от насельников города Бряхимова, меркантильно-денежные интересы не играют в жизни героев Розова существенной роли. То ли дело Паратов, берущий в приданое за жену золотые прииски! Михаилу, который, по советским меркам, и сам неплохо зарабатывает, нужны не деньги, а приют души, истосковавшейся в долгом сиротстве по надежному берегу, по женской и родительской ласке. Молодой человек еще до свадьбы подумывает перенести из общежития в дом Саловых свои вещи, чем провоцирует реплику неугомонного Василия: «Раньше невесты приданое в дом тащили, а теперь женихи». Но вот в город возвращается давняя любовь Михаила Клава – и сердце его уже там, «за Волгой».

Соответствия Михаил Заболотный – Лариса Огудалова, Нюра Салова – Юлий Карандышев выстраиваются сами собой. Примечательна даже фамилия героя – Заболотный: она подозрительно созвучна уезду Заболотье, куда Лариса Огудалова желает перебраться и торопит Карандышева (Юлий Капитонович собирается баллотироваться там в мировые судьи). С другими персонажами сложнее. Клава Камаева слишком аморфна и безлика, чтобы претендовать на лавры Сергея Паратова, хотя свою функцию внезапно появившейся разлучницы она выполняет. Зато ярко выписанный вертопрах Василий Заболотный удачно соединяет в себе и некоторые паратовские качества (сердцеед, соблаздивший даже неприступную дочку главного инженера Майю Мухину!), и – в еще большей степени – черты Робинзона. Именно он, шпыняемый всеми баламут, выступает в роли резонера, открывающего героям глаза на истинное положение дел. Василий куда симпатичнее своего антипода – дундуковато-правильного и хозяйственного Нюриноного брата Николая.

Розов очень долго размышлял над развязкой пьесы. Кровавые варианты с пистолетной пальбой, само собой, исключались. Финальные строки пришли к писателю как озарение. Нюра Салова оказалась гуманней своего товарища по несчастью Карандышева. Вместо изуверского «Так не доставайся ж ты никому!» она изрекает со слезами на глазах: «Иди, Миша, иди!.. Отпускаю!!» Примечательно, что финальная сцена и у Островского, и у Розова сопровождается не сообразной ситуации громкой музыкой. В первом случае это хор цыган, во втором – брагурный туш, исполняемый поселковым оркестром. Когда один из провинциальных театров решил подкорректировать финал розовской пьесы и не разлучать новобрачных, Розов был просто взбешен. В очерке «Мои дорогие зрители» (1983) Розов, размышляя о странном тяготении части публики к «хэппиэнду», опирается как раз на авторитет А.Н. Островского: счастливый финал «Грозы» или «Бесприданницы» полностью перечеркнет авторский замысел и превратит трагедию в водевиль.³

«В день свадьбы» – «Бесприданница»... Не убежден, что Розов осознанно стремился к таким неожиданным параллелям. Возможно, само обращение к «волжской» теме чревато для любого литератора активацией неких архетипов сознания, и в памяти сразу вспыхивает то печальный образ Катерины Кабановой с ее желанием бежать на Волгу из «душного» дома, то Лариса Огудалова с ее трагической констатацией: «Для несчастных людей много простора в божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге – выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достает».

Волга для героев А.Н. Островского – это и реализованная мечта о ничем не стесняемой воле, и последнее прибежище измаявшейся души. Мысль о водоеме как самом надежном средстве свести счеты с жизнью особенно дорога героям комедии «Горячее сердце». Они удивительно щедры на такого рода заявления. Вот приказчик Гаврило, устав от притеснений курслеповской семейки, признается Матроне Харитоновне: «Я уж и так топиться от вас

хочу». «И чудесно! – бодро отвечает Курслепова. – Вон и Парашка хочет топиться, так уж вы вместе, и нас-то развяжете». Узнав, что его выгоняют со службы, Гаврило сетует: «Прямая моя теперь линия – из ворот да в воду. Сам на дно, пузырики вверх». Полагая, что не уберег Парашу и она угодила в руки разбойников, бывший приказчик рвет на себе волосы: «С мосту, с мосту! С самой середины с камнем. Простите меня, православные, ежели я кого чем...» Жмущаяся к Васе Прасковья Павлиновна тоже знает: «Конец-то терпению в воде либо в петле». В хор страдальцев встраивается даже голос самодура Хлынова: «Река никому не заказана». Тарах Тарасыч любит покурлесить на Волге, но и в его всегда нетрезвой голове скребется мысль об опасностях, которые таит река. О них во время лодочного катания под «бубен» он просит Аристарха предупредить, чтобы сразу «на нутрь принимать для храбрости». Герой комедии «Лес» актер Несчастливцев и вовсе выводит из процесса самоутопления целую театральную «систему» (задолго до системы Станиславского, но – поразительно! – в его терминах): «Бросится женщина в омут головой от любви – вот актриса. Да чтоб я сам видел, а то не поверю. Вытащу из омута, тогда поверю». Его непутевый компаньон Счастливцев, увидев Геннадия Демьяновича, спешащего к берегу озера, восклицает: «Ну, убежал куда-то. Уж не топиться ли? Вот бы хорошо-то» (пародийная вариация на тему монолога Катерины о Волге, несущей «радость» упокоения; вспомним, что действие «Леса» разворачивается под городом Калиновом). Несчастливцеву удалось спасти от самоутопления Аксинью. Кулигину и калиновцам повезло меньше: Катерину они не успели остановить. Именно Несчастливцев ярче и лаконичнее других формулирует содержание «волжской» драмы: «Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятся от горького житья у своих родных: лес, братец». А образ полусумасшедшей барыни («Гроза»), тычущей костлявой рукой в сторону Волги и шипящей: «Вот куда красота-то ведет. Вот, вот, в самый омут», – становится по-настоящему зловещим.

Удел любого пишущего для сцены автора – «чуть смущенной душой» тень великого русского драматурга. Был эпизод, когда актер Тарас Дмитриевич Соловьев после прочтения ранней пьесы Розова «Ее друзья» (1949), которую сам автор самокритично называл «весьма жиденьким произведением», бегал по театру и кричал, что «появился новый Шекспир, Мольер, Лопе де Вега и Островский».⁴

Связь В.С. Розова с А.Н. Островским обнаруживается не только в фабульных моментах, но и в подчеркнутом интересе к топонимическим и предметным деталям. Правда, автор «Бесприданницы» избегает прямых указаний: Кострома спрятана за именем Бряхимов, но все равно узнаваема. Например, Василий Данилыч Вожеватов, разыгрывая Робинзона, обещает ему поездку в Париж. Когда же обнадеженный актер начинает сокрушаться по поводу того, что не знает французского языка, Вожеватов восклицает: «О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть “Париж”, вот куда я с тобой хотел ехать». В бряхимовском «Париже» угадывается костромская гостиница «Лондон» на Сусанинской площади (здание сохранилось), содержавшаяся купцом А.А. Первушиным. Кстати, в том же «Париже» останавливается герой пьесы «Красавец-мужчина» Наум Федотыч Лотохин, приехавший в Бряхимов улаживать сердечные и материальные дела своей родственницы.

В тексте пьесы Розова упоминается паром, который когда-то связывал левобережную и правобережную (заволжскую) Кострому. Встречаются топонимические подробности, известные каждому костромичу: «уехать за Волгу» – значит, отправиться на правый берег, «поехать в город» – на левый, туда, где находится исторический центр. Заволжский дон-жуан Василий Заболотный грозит своей подруге Майе: «Только пикни, и я тебя на таком расстоянии держать буду, вот как отсюда до Пантусова». Из замечаний практичного Салова мы узнаем, что в селе Семеновском можно разжиться хорошим самогоном (тамошний умелец открыл новую технологию «выпаривания» бодрящего напитка с помощью холодильника «ЗИЛ»). Нюра рассказывает, что встретила Клаву Ка-

маеву «в рядах» – так костромичи по сей день называют комплекс Торговых рядов (Мучные, Красные, Табачные, Рыбные, Мелочные и др.) в центре города, создававшийся в XVIII–XIX вв. Упоминается в пьесе и школа № 7 (ул. Борьбы, 50), в которой собирается работать вернувшаяся из Ленинграда Клава.

Верхневолжская, костромская интонация пьесы «В день свадьбы» подчеркнута речью героев. Второе действие открывается сценой хозяйственных хлопот: идут приготовления к свадьбе. Сергеевна тяткой рубит капусту на пироги. Слышится голос Матвеевны: «Кончишь рубить – скрихни меня». Через некоторое время Сергеевна откликается: «Порубила, чего еще надоть?» В окающий хор вплетается голос Салова-старшего: «Ребятки, помогите-ка студень в погреб снести». Розов прекрасно чувствует органику той социальной и этнокультурной среды, о которой пишет. Пространство пьесы наполнено словами и словечками, фразами и фразочками, искусно ограниченными под конкретный характер. Из речевых и бытовых наблюдений драматурга рождаются точные нравоописательные зарисовки. Часто брошенные героями фразы создают комический эффект, причем, понятно, что авторы этих фраз упомянутый эффект вовсе не прогнозируют. Василий Заболотный, например, призывает оркестрантов «добавить оптимизму» свадьбе и сыграть «Смело мы в бой пойдем». Десятилетняя Нелли, подсмотревшая, как целуются Женя и Оля, заявляет им: «Я всегда раньше, чем войти, в щель смотрю: интересно. По-моему, вам еще рано». Мастерски написанный полилог безымянных гостей свадьбы погружает нас в местные пересуды, мифы и сплетни. Из этого, казалось бы, косноязычного гомона выплывают картины прошлого и людские судьбы. Вот кто-то из стариков замечает: «Помню, когда первый аэроплан прилетел, все высыпали, хоть по квартирам шарь». Кто-то роняет ностальгическую слезу: раньше-де порядку было больше. И тут же слышит возражение соседа по застолью: «Катись ты со своим “раньше”!.. Восемь лет я его зазря из котелка хлебал».

«В день свадьбы» насыщена экспрессивно-оценочной лексикой как никакая другая пьеса

Розова. Взять хоть характеристики, которыми заволжәне награждают Василия Заболотного: «вертихвост» (Рита), «баламут», «ветрогон», «сквозняк» (Салов). Пожалуй, самая емкая оценка вложена в уста Майи Мухиной: «Хорош, конечно, но гад». Костромской обыватель за словом в карман не лезет: «А Клавка-то, гадюка, носа не кажет!» Во время молодежных посиделок, сопровождаемых громким лузганьем семечек, одна из гостей жалуется: «Мой Сенька всем бы хорош, а напьется – скотина скотиной, рожа тряпкой висит».

Гендерный подтекст пьесы весьма интересен. Рождаемые костромской ментальностью социокультурные стереотипы сильно сужают жизненное пространство женщины. Слободские, купеческие традиции отводят женщине роль «второго плана», делают ее зависимой от мужских прихотей и амбиций. Известные суждения героев знаменитой «Грозы» А.Н. Островского возникли не на пустом месте. «Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие!» – наставляет Кулигин Бориса Григорьевича. А вот наблюдение и самого Бориса: «Здесь что замуж вышла, что схоронили – все равно». Летом 1927 г. в Костромском городском суде слушалось дело некоего Павла Муравьева, который регулярно избивал свою жену Аполлинару. Муравьев искренне не мог понять, в чем его обвиняют. «Бью жену не из куража, – объяснял он, – а чтоб научить мужа слушаться. Какой же это мужик, который не бьет своей жены?..»⁵ Так что мечта любимых героинь А.Н. Островского о «волюшке» вовсе не причуда, не инфантильный каприз.

Мужчины любят подчеркнуть свое превосходство над женщиной: таковы формировавшиеся веками устои здешней жизни. Даже если мужчина утратил всякое моральное право называться главой семьи и хозяином, он будет – хотя бы словесно! – отстаивать свои мнимые привилегии. Например, Николай на людях стремится подчеркнуть свою доминирующую, мужскую, роль, хотя, в действительности, Рита поколачивает своего нелюбимого и трусливого муженька. Философствующий вдовец Илья Григорьевич Салов привычно командует неотомимыми и безотказными Матвеевной и Сер-

А.Н. Островский.

геевной, которые не покладая рук готовят дом к свадебному пиру. Уже первая сцена может повергнуть неискушенного читателя и зрителя в состояние культурного шока. Салов отправляет Матвеевну на базар купить – внимание! – 14 килограммов мяса, 5 кг селедки, 3 кг лука, 2 кг постного масла, 10 коровьих ног для студня, 100 штук яиц да 4 кочана капусты! Женщина безмолвно берет корзинку и уходит выполнять задачу, которая по силам разве что матери Гаргантюа. Да еще слышит брошенное ей вдогонку Саловым: «Семянок к вечеру купи стаканов пятнадцать». Что же делают оставшиеся во дворе мужчины? С чувством выполненного долга садятся пить пиво: день-то выдался хлопотный! Впрочем, чуть позже Салов внесет свою лепту в подготовку торжества: стрельнув у будущего зятя трешку, он отправится в аптеку за мылом, нашатырем и пирамидоном. В редких случаях мужчина способен признать творящуюся несправедливость. Таков, например, совестливый и добросердечный Гаврило А.Н. Островского («Горячее сердце»). Размышляя о перспективах собственной женитьбы, он говорит: «Тем бы я утешался, что уж очень у нас женщины в обиде и во всяком забвении живут, – нет такого ничтожного, последнего мужичонки,

который бы не считал бабу ниже себя. Так вот я хоть одну-то за всех стал бы ублажать всячески. И было б у меня на сердце весело, что хоть одна-то живет во всяком удовольствии и без обиды». Прошло сто лет, но для героев розовской пьесы «В день свадьбы» слова Гаврилы по-прежнему не актуальны. Здесь скорее согласятся – хотя бы в тайных мыслях своих! – с мнением Павлина Павловича Курослепова («Горячее сердце»): «Уж самое это последнее занятие: с бабой разговаривать».

Инерционный ресурс среды колоссален. Потому так отчетлив в пьесе мотив фаталистической подчиненности неким жизненным обстоятельствам, часто абсурдным и случайным. Такова история замужества Риты. Ее подруга, рассказывающая о пьющем Сеньке – том самом, у которого «рожа тряпкой висит», тем не менее, собирается за него замуж, потому что – где взять других-то? Вырваться из этого заколдованного круга можно только ценой отказа от собственного счастья. Поступок Нюры, отпускающей своего свежее испеченного мужа «на свободу», костромичам кажется алогичным и безумным. Мнение большинства, следующего установленным приличиям и правилам, выра-

жено в репликах Майи: «Чего ты несешь-то, полоумная? <...> Да ты опомнись... что город-то говорить будет!..»

Стремление писателя подчеркнуть «костромскую» фактуру пьесы имеет совсем не «этнографическую», а, скорее, нравоописательную цель. «Волжская» тема, столь любимая В.С. Розовым, неизбежно несет с собой драматические интонации и подтексты, отсылающие нас к образам А.Н. Островского, снова и снова убеждая в их художественной убедительности и жизненной силе.

А.В. ЗЯБЛИКОВ,
*доктор исторических наук, заведующий
кафедрой философии, культурологии
и социальных коммуникаций Костромского
государственного университета*

Примечания

1. Розов В.С. Путешествие в разные стороны. Автобиографическая проза. – М. : Сов. писатель, 1987. – С. 425.
2. Розов В.С. Собр. соч. В 3-х т. – М. : Олма-Пресс, 2001. – Т. 3. – С. 463.
3. Там же. – С. 206.
4. Розов В.С. Путешествие в разные стороны. Автобиографическая проза. – С. 244.
5. [Хроника] // Северная правда. – 1927. – 29 июля.

Паром на реке Волге. Кострома. 1960-е годы.

ЯРИЛИН ДЕНЬ

Народная жизнь глубоко интересовала А.Н. Островского на протяжении всей его творческой жизни. Многие давали драматургу его поездки. Всюду, где привелось ему побывать, он стремился наблюдать народный быт во всех его проявлениях.

Первое путешествие А.Н. Островского в Щельково весной 1848 года совпало с самым поэтическим временем года в жизни русского крестьянина – Егорьевым днем. В обрядовых весенних песнях, звучавших по вечерам за околицей, в рощах и долинах, обращались крестьяне к птицам, кудрявым вербам, белым березам, к любви с ее цветами и венками. Затем шла русальная неделя (Зеленые святки), когда водили в селах хороводы, устраивали игру в горелки, жгли костры, прыгали через огонь.

Крестьянские праздники, обычаи и обряды наблюдал А.Н. Островский и в Щелькове. Свою неиссякаемую любовь к народному творчеству драматург отразил в весенней сказке «Снегурочка». «Колорит поэтической «Снегурочки», – писал В. Маслих, – это колорит Щелькова и его ближайших окрестностей. Там до сих пор сохранилось название места, которое драматург перенес в свою пьесу, это – «Ярилиная долина», небольшая лесная поляна близ Куекши. Здесь исстари местное население справляло свои весенние праздники, на которых неизменно присутствовал А.Н. Островский и наблюдал обычаи и обряды крестьян... Голубой ключ, бьющий в одном из уголков Ярилиной долины, творческая фантазия художника превратила в озеро»¹.

Не без влияния щельковских впечатлений возникла в «Снегурочке» поэтическая картина Ярилиного дня. В XIX веке этот праздник бытовал на территории Костромского края, в том числе и в окрестностях Щелькова. Драматургу приходилось наблюдать еще сохранявшиеся остатки культа Ярилы. В дневнике за 1867

год сохранилась лаконичная запись: «июня 11. Воскр. (Ярилин день)». Островский в этот день присутствовал на народном гулянье, записывал песни. Жители деревень, окружавших Щельково, отмечали, очевидно, день Ярилы во время Троицы. Ярило – бог берендеев – благ как податель тепла, плодородия земли и умножения стад и людей, но «яр», горяч, беспощаден, «палящий бог».

Культе бога солнца оставил заметный след в нашей культуре, что нашло отражение в языке. Достаточно вспомнить родственные слова: *Ярило* – яркий, яростный. Много родственных слов сохранилось в диалектах: *ярий* – сердитый, вспыльчивый; *ярун* – глухарь во время тока, не видящий и не слышащий ничего. *Яроводье* – высокая, стремительно текущая вода весеннего разлива рек. Зерновые культуры, которые сеют весной, называют *яровыми*.

Нашим предкам Ярило представлялся в виде юноши сильного, крепкого, быстроногого. «Ярилин веночек», надетый на шею возлюбленной, означал предложение. Влюбленные клялись именем Ярилы в вечной верности друг другу, ходили трижды вокруг цветущего куста и нарекались с этого дня женихом и невестой. Молодежь считала Ярилу как бы своим божеством и потому славилась его. Одна из форм прославления Ярилы – хоровод. У сербов до сих пор существует одна из форм этой кадрили древности и называется она «коло». В самом названии виден круг – символ Солнца.

Воспоминание о Яриле живее сохранилось в Белоруссии, где его представляли молодым, красивым, разъезжающим на белом коне и в белой мантии. В честь его белорусы праздновали время первых посевов (в конце апреля), для чего собирались по селам девушки и, избрав из себя одну, одевали ее точно так, как представлялся народному воображению Ярило, и сажали на белого коня².

По свидетельству современных А.Н. Островскому фольклористов в Костромском Заволжье долго совершались народные обряды в честь этого языческого божества. В честь Ярилы издавна устраивались «ярилины гулянья», сопровождавшиеся различными действиями. Например, в Галиче и Костроме существовало обыкновение во Всесвятское заговенье хоронить Ярилу. Представителем Ярилы выбирали старика, упивали его и забавлялись над ним. Гулянья в честь Ярилы происходили под Кинешмой, в Ярилиной роще, возле Чухломы на Яриловом поле. На Ярилин день существовал древний обычай поневеститься. Крестьянские девушки и парни собирались по вечерам в рощах и долинах у прудов и озер на пляски и игры.

Кинешма была одним из центров празднования Ярилина дня. Ф.Д. Нефедов описывал празднование Яриловки, как оно выглядело в

1874 году: «В Кинешме этот праздник справлялся за речкой Кинешемкою, на красивой гористой местности, покрытой лесом. Посередине леса есть поляна, на которой происходит торжество, называемое «Яриловой плешью». Празднуют Ярилу два дня: в первый идут Ярилу встречать, а во второй – погребать. Возвращаясь с праздника встречи, все поют песни, но не о виновнике торжества, а кому что на ум взбредет...»³. Несомненно, что празднование Яриловки в Кинешме продержалось вплоть до революции. Когда оборвалась эта традиция, неизвестно.

Смысл этого древнего языческого праздника Б.А. Рыбаков определяет так: «Календарно обряд уничтожения кукол падает на два периода: во-первых, на раннюю весну (сожжение Масленицы), а во-вторых, на разгар лета, завершаясь Троицыным днем, днем Ивана Купалы или Петровым днем.

Голубой ключик в Ярилиной долине в Щелькове.

Первая, ранневесенняя группа обрядов ясна по своему смыслу: правы те этнографы, которые расценивают веселое сожжение Масленицы и катание горящих колес с горы в реку как символическое сожжение зимы, как встречу весны в день весеннего равноденствия, когда день начинает побеждать ночь, тепло побеждает холод...

Второй календарный срок ритуального уничтожения или погребения кукол-чучел, названным народом Зелеными святками, заполнен обрядами совершенно иного значения. Они проводились в то время, когда хлебные злаки уже созревали, когда первичное зерно, посеянное в землю, уже отдало свою силу новым росткам, начавшим колоситься...»⁴.

А.Н. Островский же изображает в «Снегурочке» не похороны, а встречу божества солнечной силы, когда сжигалось чучело зимы (Масленицы) и праздновалось рождение Ярилы. В это время он увлекается чтением «Русских народных сказок», собранных А. Афанасьевым, знакомится с его замечательной книгой «Поэтические воззрения славян на природу» и со статьями, опубликованными ученым в русских журналах.

«Солнце у западных славян, – пишет Афанасьев, – представлялось юношей сильным и красивым... Светлые божества хранили плодотворную силу в своем жилище – в стане вечного лета, которая лежит на восходе солнца... Чувство любви для язычника являлось делом богов света...»⁵.

Возможно, во время работы над «Снегурочкой» А.Н. Островский мог познакомиться с романом П. Мельникова-Печерского «В лесах», который был напечатан в мартовском журнале «Русский вестник» за 1872 год, где автор описывает забытый праздник встречи Ярилы: «Ходит Ярилушка по темным лесам, бродит хмелинушка по селам-деревням. Сам собою Яр-Хмель похваляется: «Нет меня, Ярилушки, краше, нет меня, хмелинушки, веселее – без меня, веселого, песен не играют, без меня, молодого, свадеб не бывает».

Мельников-Печерский рисует далее картину народного гуляния, связанную со встречей юного бога: «Клонится солнце на запад... Мо-

лодцы-удальцы!...Ярило на поле – Красну горку справлять, песни играть, хороводы водить, просо сеять, плетень заплетать... Девицы-красавицы!... Ярило зовет – бегите невеститься... Шаром валит, катит молодежь на зеленеющие луговины. Там игры, смехи... Всех обуял Ярый Хмель...».

Помогал А.Н. Островскому разного рода историческими и фольклорными сведениями и Н. Дубровский. По просьбе драматурга в одном из писем он дает описание языческого праздника встречи Ярилы-солнца для финальной сцены «Снегурочки».

Опираясь на труды ученых своего времени, на собственное изучение фольклора и этнографические наблюдения, А.Н. Островский восстанавливает мировосприятие людей, живших в «доисторическое» время. Жители Берендеева царства в пьесе А.Н. Островского поклоняются богу Солнца – Яриле, подателю летнего тепла и плодородия.

Пребывание А.Н. Островского в Щелькове, расположенном на севере нашей страны, сыграло свою роль. Здесь так часто хмурится небо, и люди особенно радуются теплу, солнцу. Это, по всей видимости, вдохновило драматурга и на создание песни, которую поют берендеи в конце пьесы:

*Даруй, бог света,
Теплое лето.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше⁶.*

Е.Л. ЦВЕТКОВА,
*заведующая отделом
Музея-заповедника «Щельково»*

Примечания

1. Ю.В. Лебедев. Православная традиция в русской литературе XIX века. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 156.
2. А.Ф. Афанасьев. Мифы, поверья и суеверия славян, т.1. М.: «Эксмо»; СПб.: Terra Fantastika, 2002. С. 429.
3. Н.А. Зонтиков. Прощание с Ярилой. [Электронный ресурс]. URL: <https://kostromka.ru/zontikov/yarilo/1>. (дата обращения 02.02.23).
4. Ю.В. Лебедев. В середине века. М.: Современник, 1988. С. 306.
5. Ю.В. Лебедев. Православные традиции в русской литературе XIX века. Кострома КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 158.
6. А.Н. Ревякин. А.Н. Островский в Щелькове. М.: ВТО, 1979. С. 169.

НОВЫЙ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

А.Н. Островский и его костромское окружение: биобиблиографический словарь / [автор-составитель П.П. Резепин]. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2020. – 688 с. – Тираж 300 экз. (Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда).

Среди книг, посвящённых жизни и творчеству А.Н. Островского, до сей поры не было издано ничего подобного как по жанру, так и по количеству включённых персоналий, а ещё по объёму и разнообразию источников (опубликованных и неопубликованных), которые сопровождают каждую из статей. Всего в книге указано более трехсот персоналий, так или иначе связанных с именем драматурга. Среди них встречаются уроженцы и жители Костромской губернии, упомянутые в дневниках и письмах самого А.Н. Островского и в воспоминаниях современников о нём, а также воспоминания тех людей, которые послужили писателю прототипами его персонажей.

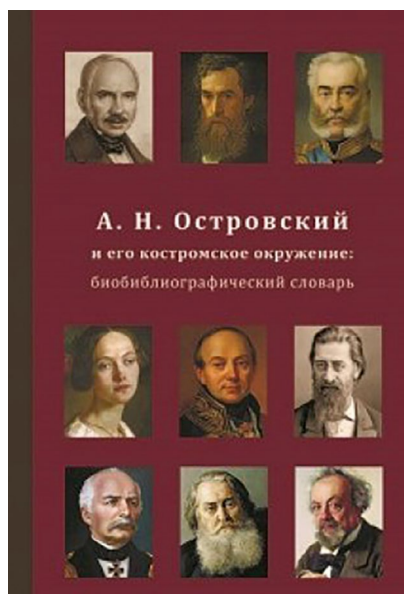
Анализируя литературу предшественников, занимавшихся данной темой, составитель с горечью отмечает, что не всегда приведённые ими факты отвечают действительности; зачастую даётся усечённая информация о той или иной персоне из окружения драматурга. Причём все его критические замечания подтверждены соответствующими библиографическими ссылками. Например, островсковеды, как указывает в авторском предисловии П.П. Резепин, все как один среди костромских знакомцев драматурга установили только троих, двое из которых к тому же являлись его родственниками. А между тем на протяжении четверти сто-

летия из Москвы в Щельково и обратно Островский направлялся через Кострому и задерживался здесь иногда по полмесяца. Или ещё пример: в предыдущих словарях оставался неназванным из ближайшего круга друзей драматурга на протяжении сорока лет А.Ф. Писемский, окружение которого было и окружением А.Н. Островского.

По мнению автора-составителя словаря, подобные пробелы случаются, вероятно, из-за полного отсутствия какого-либо научного задела у предшественников, изучавших и описывавших жизнь и творчество драматурга, что не позволило им выявить все важнейшие источники, благодаря которым можно было получить более полное и правдивое представление о том или ином человеке, имеющем отношение к А.Н. Островскому.

Автору-составителю рассматриваемого нами биобиблиографического словаря удалось выработать безукоризненно чёткую научную систему работы с различными печатными и архивными источниками, эпистолярным наследием, дневниками и воспоминаниями, которая позволила ему, используя столь разные по форме и содержанию документы, выстроить чёткую концепцию и структуру данного словаря.

Хотелось бы отметить ещё одну особенность данного издания: автор охотно делится с читателем собственной методикой библиографических разысканий, особенностями работы с различными документами. В первую очередь он обращает внимание на дневники, письма, воспоминания как самого драматурга, так и его современников, родственников, соседей, сослуживцев, писате-

лей, театральных деятелей, дворовых и крестьян. При этом точно обозначает круг источников в поиске сведений о представителе того и иного сословия или чиновника.

Составителю удалось выявить широкий круг лиц из костромского окружения Островского в Москве, в который входили его родственники и костромское окружение отца, поддерживающего отношения с проживавшими в Москве и Сергиевом Посаде однокашниками по Костромской духовной семинарии и Московской духовной академии, собственных сокурсников будущего драматурга по Императорскому Московскому университету и костромского окружения А.Ф. Писемского, с которым его связывала многолетняя дружба, а также чиновников, предпринимателей, земских, общественных и театральные деятелей, музыкантов, художников, учёных и писателей костромского происхождения, которое для драматурга являлось наилучшей рекомендацией.

Источниками сведений о купцах и крестьянах послужили ревизские сказки, метрические книги и исповедные и приходские ведомости окрестных церквей, сведений о родственниках, соседях, сослуживцах и первых лицах Кинешемского уезда и Костромской губернии – послужные и посемейные списки, клировые, владельческие, оценочные, окладные и податные ведомости, отчётная и текущая документация губернских, земских и городских распоряди-

тельных, исполнительных, правоохранительных, надзорных, налоговых, нотариальных и судебных учреждений, учебных и лечебных заведений, корпоративных, конфессиональных, попечительных, благотворительных и культурных объединений, дворянские родословные и те же метрические книги и приходские ведомости церковью Костромской епархии.

В своём предисловии П.П. Резепин указывает, что данная книга стала последней его совместной работой с многолетним соавтором, кандидатом исторических наук, преподавателем Военной академии радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Ольгой Вячеславовной Горюхой (1964 – 2018).

Издание, подготовленное к предстоящему двухсотлетию драматурга, которое будет отмечаться в апреле 2023 года, послужит прекрасной источниковедческой базой и поможет сориентироваться в огромном потоке литературы как специалистам-литературоведам, критикам, театроведам, педагогам и краеведам, так и широкому кругу читателей, которые будут знакомиться с жизнью и творчеством А.Н. Островского.

Н.Ф. БАСОВА,
*главный библиограф Костромской
областной научной библиотеки*

Эссе

ОСТРОВСКИЙ И КОСТРОМИЧИ

Работая в областной научной библиотеке, часто приходится рассказывать школьникам и студентам об Александре Николаевиче Островском. На вопрос, как имя Островского отражено на карте Костромы, молодые костромичи отвечают довольно уверенно, и отвечают правильно: областной драматический театр носит имя Островского, перед театром установлен памятник Островскому, в городе есть

улица, названная его именем. Наконец, с особой теплотой в голосе наши дети вспоминают о беседке Островского на волжском берегу. Набережная, неспешная широкая Волга..., молодежь любит там гулять, а беседку не заметить невозможно.

Другой вопрос об Островском вызывает у школьников и, даже студентов, затруднение. Вопрос очень простой, и он звучит так: кто же

такой Александр Николаевич Островский? Всегда находится молодой человек или девочка, кто хорошо успеваает по литературе. Тогда звучит неуверенный ответ: писатель. Приходится уточнять, какой писатель? Романист? Автор повестей и рассказов? После долгой паузы слышится робкое: он пьесы писал. Приходим, наконец, к выводу: Островский был драматургом.

Наши дети знают не так мало. Детали и подробности мы обязательно им расскажем. Библиотеки, музеи, театры сделают это сообщая; именно так, через книги, спектакли, вещи и предметы прошлого, передается историческая память и культурный код.

Александр Николаевич Островский, к нашей общей радости, продолжает оставаться нашим современником. В Костромском областном драматическом театре его имени каждый год продолжают идти пьесы драматурга. Речь персонажей девятнадцатого века оказывается бессмертной. XXI век находчив в декорациях и сценических нюансах; словесная основа, текст, остается упругим и свежим, на все времена. Более того, Островский продолжает учить нас правильной, красивой и образной речью, полной едкого юмора, точных формулировок, сказанных просто, легко, без вычурности и книжной напыщенности.

Почти сорок лет назад я присутствовал на одном из спектаклей «по Островскому» в областном драматическом театре. Предваряя спектакль, прошло вручение различных, связанных с театром, наград. До сих пор помню свое удивление, когда вручили ценный подарок скромного вида мужчине лет пятидесяти. Оказалось, он не пропустил за четверть века ни одной премьеры в нашем театре. Это даже не любовь к сценическому действию, что-то более глубокое и серьезное. Невозможность жить без кулис, актерских монологов, всей этой обаятельной сценической кутерьмы. А в основе, в истоке нашего театра, и, соответственно, любви и поклонения ему, – он – Островский, как пишут в серьезных научных книгах, «уже при жизни признанный основоположником национального театра». И Кострома имеет этот

дар, Островского, который ходил по ее улицам, дышал нашим волжским воздухом, и – восхищался.

В 1848 году, когда Островский приехал в Кострому, он вел дневник; записи сохранились. Очень часто в статьях и книгах, посвященных драматургу, цитируют его запись о легендарной костромской беседке на берегу Волги: «Вид из этой беседки вниз и вверх по Волге такой, какого мы еще не видали до сих пор». Эти слова, и другие, расположенные на странице дневника рядом, действительно прекрасны, они стали хрестоматийно известными. Однако редко приводят другие суждения Островского, все из той же дневниковой тетради.

«29-е апреля. 12-й час. Опять ходили смотреть на город. Пошли мелкими улицами и вдруг вышли в какую-то чудную улицу. Что-то волшебное открылось нам. По улице между тенистыми садами расположены серенькие домики довольно большие, с колоннами, вроде деревенских помещичьих. Огромные березы обнимают их с обеих сторон своими длинными ветвями и выдаются далеко на улицу. Все тихо, патриархально, тенисто. На немощной улице играют ребятишки, кошка крадется по забору за воробьями. Заходящее солнце со своими малиновыми лучами забралось в это мирное убежище и дорисовало его окончательно... Пошли по этой улице дальше и выше к какой-то церкви на горе, подле благородного пансиона. Тут я, признаюсь, удержаться от слез был не в состоянии, да и едва ли из вас кто-нибудь, друзья мои, удержался бы. Описывать этого вида нельзя. Да чуть ли не это и вызвало слезы из глаз моих. Тут все: все краски, все звуки, все слова...

Мы стоим на крутейшей горе, под ногами у нас Волга, и по ней взад и вперед идут суда то на парусах, то бурлаками, и одна очаровательная песня преследует нас неотразимо. Вот подходит расшива, и издали чуть слышны очаровательные звуки; все ближе и ближе, песнь растет и полилась, наконец, во весь голос, потом мало-помалу начала стихать, а между тем уж подходит другая расшива и разрастается та же песня. И так нет конца этой песне. С правой

стороны у нас собор и главный город, все это вместе с устьем Костромы облито таким светом, что нельзя смотреть. Зато с левой стороны, почти у самых наших глаз, такой вид, что кажется не делом природы, а произведением художника. По берегу, который гора обогнула полукружием, расположен квартал, называемый Дебря, застроенный разнообразными деревянными строениями с великолепной церковью посередине в старом штиле. С правой стороны Дебря ограничивается той горой, на которой мы стоим, сзади – горой, на которой реденькая и вековая сосна нагнулась и стережет этот уголок; слева тоже березки, и вдруг неизвестно откуда забежала по горе темная сосновая роща, спустившаяся до самой реки. Она охватила это очаровательное место, чтобы не разбежались берег и домики не потеряли порядку. Через рощу видны горы и какие-то неведомые холмы верст на 30. А на той стороне Волги, прямо против города, два села; и особенно живописно одно, от которого вплоть до Волги тянется самая кудрявая рощица, солнце при закате забралось в нее как-то чудно, с корня, и наделало много чудес. Я измучился, глядя на это... Измученный, воротился я домой и долго, долго не мог уснуть. Какое-то отчаяние овладело мной. Неужели мучительные впечатления этих 5 дней будут бесплодны для меня?»

Островский все запомнил. Костромские впечатления воплотились в пьесах, которые сегодня изучают в школе. Дни, проведенные в городе, оказались более чем небесплодными.

Так получилось, что Кострома сохранила свой центр практически таким, каким он сложился в конце 18 – начале 19 веков. Едва ли не любой уголок центральной части города может с полным на то основанием оказаться декорацией к спектаклю, поставленному по пьесе Островского. Полная аутентичность, без малейшего преувеличения и натяжки. Вполне закономерно, что фильм «Жестокий романс», киноверсия «Бесприданницы», снимался Эльдаром Рязановым в нашем городе. Декорацией служил сам город, его набережная, Волга, сам дух провинциальной Костромы. Он, благо-

даря таланту создателя кинофильма, стал не только фоном, но и своеобразным «персонажем» знаменитой картины.

Стоит задуматься над одним очень важным обстоятельством. Писатели-классики создавали свои шедевры не из ничего, руководствуясь одним только воображением. Реальность, которую они воспроизвели и которая сделала их классиками, бралась ими там и тогда, где и когда они оказались волею... случая, обстоятельств... Судьбы. Молодым человеком, он делал еще первые шаги в литературе, Островский приехал на родину отца, в Кострому. Островские жили в Москве, укоренились там, но Кострома притягивала, звала к себе. Так притягивает, сопротивление невозможно, место, где родился, где прошло становление личности. В Костроме жил дядя Павел, известный в городе священник, ключарь кафедрального Успенского собора П.Ф. Островский. По случаю отец драматурга купил в Костромской губернии (на родине!) имение Щельково. Вот оно, наглядное движение судеб: костромские места, в широком смысле слова, оказались источником драматургического гения Островского. «Гроза», «Бесприданница», «Снегурочка», и не только они, воспроизводят костромскую реальность, преобразенную могучим талантом драматурга в бессмертные образы и жизненные коллизии.

Наиболее близкое приближение к пониманию наследия Островского возможно только после знакомства с его знаменитой усадьбой «Щельково». Чудесный уголок, куда Островский приезжал обычно весной на протяжении многих лет. Щельково начинается задолго до... Щельково. Когда автомобиль или автобус делают от шоссе поворот направо и начинают движение в сторону усадьбы, у путешественника появляется ощущение чуда, которое нарастает с каждым проеханным километром. Холмы сменяют настоящие долины с зелеными лугами. Летом, с вершины холма, стадо коров выглядит игрушечным, возникает чувство, будто попал в сказку. Еще один поворот, еще один холм, покрытый живописным лесом, и сказка начнется по-настоящему... Ох,

не случайно Островский придумал и написал легендарную «Снегурочку» в своей костромской усадьбе. Сказки и волшебства здесь, по неведомой причине, больше, чем в других, не менее живописных местах.

Усадьба «Щельково» сочетает в себе природное и рукотворное начало, они дополняют друг друга, создавая прелестный мир гармонии и творческого созидания. Большой коллектив сотрудников музея-усадьбы, фанатично преданных Островскому людям, каждый день прикладывает очень большие усилия, чтобы у посетителя усадьбы появилось ощущение подлинности мемориального места, его непридуманности, неизмышленности и имитации «по мотивам». Сотрудники музея-заповедника «Щельково» сумели создать главное: ощущение живого присутствия Островского среди нас, людей XXI века.

Кострома и А.Н. Островский неразлучны. Мир, созданный гением драматурга, наполнен звуками, дыханием, словами, живой повседневностью Костромы прошлого. А только ли прошлого? С нами остаются Волга, неизменный и красивейший ансамбль центра города. Мы сохранили особенность нашей речи и манеры размышлять, сохранили нашу характерную неторопливость и обязательную, без нее Кострому не представить, – сметливость.

Островский все это обессмертил в своих пьесах. Вспоминая драматурга, погружаясь в его творчество, работая над увековечиванием его памяти, мы обеспечиваем будущее, где духовные традиции служат надежной основой современности.

П.Б. КОРНИЛОВ,
сотрудник областной
научной библиотеки

Маленькие и поклонники

ИМЯ ОСТРОВСКОГО В ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТАХ

Костромской музей-заповедник практикует три главные формы активного краеведческого просвещения, основанные на живом общении с аудиторией: во-первых, экскурсии, во-вторых, лекции и, в-третьих, интерактивные программы. Во всех этих формах в той или иной мере присутствует старание сохранить память и сообщить людям знания о жизни и творчестве А.Н. Островского – главным образом в связи с Костромским краем и конкретно с нашим городом.

Такими памятными объектами изобилует маршрут обзорной экскурсии по Костроме. Мы проезжаем в Ипатьевский монастырь по улице, названной именем А.Н. Островского в год 125-летия со дня его рождения, посещаем парк «Берендеевка», в основу ландшафта которого были положены привезённые из Щелькова декорации к фильму «Снегурочка» по одноимён-

ной пьесе Островского. На Сусанинской площади показываем дом, где останавливался начинающий литератор при первом посещении Костромы. Проходя по Аллее Признания в первом квартале проспекта Мира, показываем мемориальную плиту с именем драматурга, ресторан «Гроза», драматический театр имени А.Н. Островского с бюстом Островского работы скульптора Ю. Саркисова против входа. В так называемой беседке Островского на Волге мы цитируем дневниковые записи молодого драматурга, в которых выражено восхищение заволжскими пейзажами. При выходе на улицу Чайковского раскрываем опосредованную связь между композитором и Костромой, где П.И. Чайковский ни разу не был – через впервые созданную им музыку к спектаклю по пьесе Островского «Снегурочка».

Эта тема подробно излагается в нашей музейной лекции «Образ Снегурочки в музыке». В ней рассказывается о музыкальных произведениях, где Снегурочка фигурирует и как персонаж русских сказок, и как главная героиня пьесы-сказки А.Н. Островского, которую

драматург создал на основе глубокого знания фольклора. Именно на костромской земле у драматурга родился замысел всемирно известного произведения, главная героиня которого ныне служит символом нашего древнего города, привлекая в Кострому гостей.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА НА СЦЕНЕ И В МУЗЫКЕ

Весной 1848 года семья Островских совершила первое путешествие из Москвы в Щелыково, чтобы посмотреть на купленное отцом Александра Николаевича новое имение. Весеннее путешествие Островского в Щелыково явилось по-своему решающим событием в жизни писателя. Особенно влюблён был Островский в щелыковскую весну. Он неизменно присутствовал на весенних праздниках, наблюдая обряды и обычаи крестьян, уходящие своими корнями в седую языческую древность.

Первым поводом к возникновению замысла «Снегурочки» можно считать непосредственные щелыковские впечатления 1872 года. Жаркое солнце, изгоняющее последние воспоминания о зимней стуже из сердец весёлых и беспечных берендеев, плодотворяющие силы могучей природы – во всём этом есть отзвук весенне-летних впечатлений 1872 года.

Вернувшись на зиму в Москву, Островский писал «Снегурочку» в своём рабочем кабинете. За шесть лет до того он познакомился в Москве с начинающим композитором П.И. Чайковским. Как счастлив был молодой Чайковский, когда прославленный драматург предложил ему писать музыку к «Снегурочке»! А потом писатель дружелюбно направлял работу соавтора: «Многоуважаемый Пётр Ильич! Посылаю Вам песню слепых гуслиаров <...> Не лучше ли эту песню сделать с запевом, т. е. первые три стиха каждого куплета пусть поёт один голос, а остальные три – самым маленьким хором. Но на это Ваша воля, я в этом не указчик». Позднее Островский назвал музыку Чайковского очаровательной и горячо любил

её всю жизнь. Премьера состоялась 11 мая 1873 года в Москве.

Когда пьеса была опубликована в девятом номере журнала «Вестник Европы» за 1873 год, с ней познакомился композитор Н.А. Римский-Корсаков. Зимой 1879–1880 г. он почувствовал себя окончательно созревшим для создания первой оперы на этот сюжет. Той же зимой Николай Андреевич поехал из Петербурга в Москву к А.Н. Островскому, чтобы просить разрешения использовать его пьесу «Снегурочка» для оперного либретто. Островский принял Римского-Корсакова весьма радушно, подарил ему авторский экземпляр своей пьесы и разрешил распоряжаться содержанием по своему усмотрению. Так зародилась опера «Снегурочка». Премьера состоялась в Петербурге на сцене Мариинского театра 29 января 1882 года. Островский назвал музыку Римского-Корсакова удивительной.

А в 1885 году известный популяризатор музыкальной культуры П. Юргенсон издал в Москве клавир детской оперы Василия Орлова «Снегурочка» по одноимённой пьесе А.Н. Островского.

«Снегурочка» Островского как драматический спектакль явилась весьма благодатной почвой для творчества композиторов. Из них первым после П.И. Чайковского был А.Т. Гречанинов, это было в 1900 году. И замелькали, как в калейдоскопе, имена последующих авторов своей музыки к «Снегурочке» Островского. Н.И. Привалов, С.Г. Эйдинов, М.О. Заринь, Г.А. Пенто, Н.В. Галапов, Н.Р. Эшба; спектакли с их музыкой ставились в драматических театрах Москвы, Петербурга, Риги, Сухуми, а так-

же Магнитогорска, Владивостока, в Доме культуры города Великие Луки.

А создан ли по пьесе Островского «Снегурочка» полноценный балет традиционного характера? Да, такой балет, причём со специально написанной музыкой, существует, и даже не один. В 1923 году на сцене одного из московских частных театров был поставлен балет «Снегурочка» в трёх действиях с музыкой молодого, впоследствии знаменитого, композитора И.О. Дунаевского.

В первом послевоенном десятилетии свои балеты «Снегурочка» ставились и в Саратове с музыкой Аркадия Котилко, и в Харькове с музыкой Владимира Нахабина. А в Ленинграде в 1947 году на сцене Государственного театра оперы и балета им. С.М. Кирова – бывшего Мариинского – был впервые показан балет «Весенняя сказка» с музыкой крупнейшего советского балетного композитора Бориса Владимировича Асафьева.

Весеннюю сказку А.Н. Островского знают и любят не только в России, но и за рубежом. Так, в Чехословакии композитор З. Востршак даже сочинил в 1956 году балет-сказку «Снегурочка» в пяти картинах по пьесе Островского. Этот балет считается одним из лучших произведений Востршака; он с успехом ставился и в Чехословакии, и в Советском Союзе. Любителей искусства порадовал новинкой и XXI век. В театральном сезоне 2009 – 2010 годов детский московский театр имени Н.И. Сац подарил юным зрителям двухактный балет «Снегурочка». Музыку сочинил композитор-фольклорист Владимир Соколов.

Не отстала от столицы и наша Кострома – известная всей России как «родина Снегурочки». С 9 по 12 декабря 2022 года в костромском концертно-выставочном центре «Губернский» проходил необычный спектакль, предварявшийся мультимедийной увертюрой, созданной компанией «Союзмультфильм» в формате 2D, оживляемый лазерной анимацией. Национальный балет «Кострома» представил хореографическую сказку «Снегурочка». (Режиссёр-постановщик – костромич Юрий

Царенко). В основу спектакля были положены фольклорные мотивы, русские народные сказки, предания и мифы древних славян – всё то, что прекрасно знал великий драматург. «Снегурочка» Национального балета «Кострома» – это драматическая и одновременно жизнеутверждающая история о красоте, природе и любви, сказка со счастливым концом. В спектакле местами используется музыка группы «Иван Купала», но в основном музыка – своя. Её автор – костромич Сергей Капацынский. И это уже не первый случай, когда сказка Островского надела новый музыкальный наряд там, где когда-то родилась в уме драматурга – на костромской земле.

В.Д. ТУНГУСОВ,
сотрудник Костромского
музея-заповедника

Библиография

1. Васильев А. Впервые в нашем городе // Газета «Северная правда». 1969. № 1.3.
2. Иванов Г. К. А.Н. Островский в музыке [Текст] : Справочник / Сост. Г.К. Иванов ; [Вступ. статья А. Красинской, с. 338]. – Москва : Сов. композитор, 1976. – 126 с.
3. Кремнев В.В. В гостях у берендеев // Газета «Северная правда». 1968. № 24.7.
4. Лебедев Ю.В. Об истоках Снегурочка в контексте драматургии А.Н. Островского // «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского : Материалы науч.-практ. конф. / [Отв. ред. Ю.В. Лебедев]. – Кострома, 2001. – 150, [1] с. С. 7-13.
5. Москвина А. Костромской край и музыка России // Газета «Северная правда». 1977. № 30.9. С.4.
6. Островский А.Н. Полное собрание сочинений / А.Н. Островский. – Москва : Гослитиздат, 1949-1953 (Ленинград : Тип. "Печ. двор"). – 16 т.; 20 см. Т. 13: Художественные произведения. Критика. Дневники. Словарь. 1843-1886. Т. 13 / [сост. А.И. Ревякин ; подгот. текста и коммент. К. Н. Державина и др.]. – 1952. – 403 с.
7. Островский А.Н. Снегурочка: программа спектакля Республиканского русского драматического спектакля. Уфа, 1997 г.
8. Островский А.Н. Снегурочка : весенняя сказка в 4-х д. с прологом : [для ст. шк. возраста] / А.Н. Островский ; [худож. Р. Белоусов]. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1983. – 158 с.
9. Персон Д.М. И.О. Дунаевский [Текст] : Ното-библиогр. справочник / Сост. Д.М. Персон. – Москва : Сов. композитор, 1971. – 346 с.
10. Прохорова В. Поэтический гимн прекрасному // Журнал «Театральная жизнь». 1981. № 10. С. 30-31.
11. Снегурочка рождалась в Щелькове // Газета «Советская Россия», 1968г. № 25.5.
12. Снимается «Снегурочка» // Газета «Правда», 1968. № 14.7.
13. Чернов В. Снегурочке приходится таять // Строительная газета, от 26.12.2010. № 8. С. 16.

ДОЛОЙ ОСТРОВСКОГО! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОСТРОВСКИЙ!

Если посчитать, сколько каждый из нас увидел спектаклей по пьесам А.Н. Островского, то окажется, что число это порядочное. Уверен, наш великий национальный драматург занимает по количеству просмотров спектаклей в театре первое место. Конечно, не всё равноценно в этом предполагаемом списке. Какие-то из спектаклей не оставили в памяти почти ничего. После других мы готовы были крикнуть: «Долой Островского!» Но были и те, которые запомнились на всю жизнь, которые заслужили другого восклицания: «Да здравствует Островский!»

Декорация как действующее лицо

Мне повезло, первый спектакль по пьесе А.Н. Островского, который я увидел, был именно таким, которые остаются в памяти. 1971 год, Карагандинский драматический театр имени К.С. Станиславского, «Свои люди – сочтемся». Режиссер-постановщик М. Зильберман, художник – П. Томиловский. Я в это время работал в театре машинистом сцены и готовился в ГИТИС на театроведческий факультет. Наряду с тем, с каким азартом и удовольствием актеры играли свои роли, мне понравилось, как необычно была решена сценография спектакля. Декорации «дали роль», декорацию заставили двигаться. Декорация не фон, а подтекст происходящего на сцене. Я еще тогда только-только входил в мир театра, и для меня это было открытие. Художник не стремится к достоверности быта, в данном случае купеческого, а создает его, выбирая только отдельные знаковые вещи, вещи-символы, гиперболизируя их. Цветастые кулисы, словно развешанные отрезки материй в лавке Большого, крепкие, основательные стулья, самоварище ведер на десять, не меньше, огромная, в три четверти холщового задника икона, как немой свидетель происходящего, не цветок, а просто дерево-фикус в бочке, с двух сторон порталов невероятные по размерам амбарные замки. Вывеска «Торговля всемъ С.С. Большовъ» – супер во всю ширь и высоту сцены – тоже под стать всему: большая, надежная. Единствен-

ная малость: в самом центре вывески вкривь и вкось выведено: «Тарговля временно прекращена». В этой приписке и сарказм, и интрига. Сарказм – грамотность приписки, интрига – а почему торговля прекращена?

Эта вывеска будет обыгрываться по-разному на протяжении спектакля.

«Бенефис» на Таганке

Отношение к драматургии А.Н. Островского в студенческой среде театроведческого факультета ГИТИСа в наше время учебы (1972 – 1977 годы) было, как к драматургии архаичной, как к чему-то оставшемуся в XIX веке. На такое восприятие Островского повлияло огромное количество сложившихся штампов, и чисто постановочных (декорации, костюмы), и устоявшихся трактовок персонажей, и того, как играют эти персонажи. Мы отдавали дань таким авангардным драматургам, как Э. Ионеско с его «Лысой певичей», «Стульями», «Носорогом» или другим представителем театра абсурда, как С. Беккет с его «В ожидании Годо». И вот, как-то неожиданно, новой стороной А.Н. Островский открылся лично для меня в театре на Таганке. Юрий Любимов поставил в 1973 году спектакль «Бенефис», соединив в нем три пьесы драматурга: «Гроза», «На всякого мудреца довольно простоты», «Женитьба Бальзаминова». Появлялись в этой композиции и персонажи из других пьес. Уже то, что

Сцена из спектакля «Бедность не порок». 1980-е годы.

Любимов решил поставить в своем театре Островского, говорило о многом. В частности и о том, что для него этот драматург современен. Мне кажется, Ю. Любимов поставил этот спектакль, как своеобразный театральный манифест нового прочтения А.Н. Островского.

Театр на Таганке, известный своими остро-социальными постановками, естественно, накладывал эту острую социальность и на драматургию Островского. Правда, если сцены из «На всякого мудреца довольно простоты» были на грани политического скандала внутри понятного всем какого государства, то трагедия Катерины в «Грозе» обозначалась как общечеловеческая. Непривычно, по-новому, был сыгран Бальзаминов в «Женитьбе Бальзаминова».

Здесь русский дух

Виктор Симакин был приглашён в Костромской областной драматический театр главным режиссёром в 1981 году. Для своей первой

постановки в театре В. Симакин взял пьесу А.Н. Островского «Бедность не порок», на мой взгляд, одну из самых национально-русских пьес Островского. Спектакль запомнился точностью актерских попаданий в действующие лица пьесы.

В нём была атмосфера праздничности Святков, с гаданиями и песнями (пелись, кстати, вживую), которые словно возвращали нас в нашу национальную самобытность. В нём была чистота первой любви Мити (арт. Е. Разумов) и Любовь Гордеевны (арт. О. Красикова), сострадание к растранившему свою долю отцовского наследства, но не утратившему человеческое достоинство Любиму Торцову (арт. Б. Красиков).

Запомнился своей темой «мещанина во дворянстве» богатый купец во фраке и валенках Гордей Торцов (арт. М. Волгин) и охочий до девиц, но очень расчетливый, знающий себе и другим цену фабрикант Африкан Коршунов (арт. В. Гостищев). Режиссёр очень тщательно

проработал с актерами и роли третьего плана. Каждый, не теряя найденной индивидуальности, органично вписывался в единый ансамбль (между прочим, сложнейшая для постановщика задача!). Мажорный финал был по-настоящему очищающим.

На просмотр спектакля приехал из Москвы известный театральный критик, историк театра, автор книги о В.Э. Мейерхольде К. Рудницкий. Думаю, что именно он посодействовал тому, что спектакль был приглашен на театральный фестиваль в Тбилиси, а потом в Ереван.

...отчего люди не летают?

Всем известны эти слова, которые произносит Катерина в «Грозе» (действие первое, явление седьмое). И как только режиссеры не ставили это желание Катерины полететь как птица! Согласитесь, эффектно, например, показать, как она, действительно, отрывается от земли и летит! А вот режиссер Семен Спивак в своей постановке «Грозы» (театр на Фонтанке из Петербурга показал её в Костроме в 1993 году на фестивале «Дни Островского») вообще не делает на этих словах Катерины (арт. Е. Унтилова) никакого акцента. Они произносятся торопливо, почти впроброс, потому что Катерине важно выговориться Варваре (арт. А. Одинг) о другом. О том, как хорошо ей было в отчем доме, об охватившем ее чувстве, которое она испытывает к Борису. Для нее, замужней женщины, это чувство греховное, она говорит даже, что умрет.

Надо сказать, что С. Спивак вообще старался уйти в трактовке «Грозы» от односложности, которая установилась и к персонажам этой пьесы А.Н. Островского, и к тому, как их играют актёры. Например, он напрочь отказался от штампа, который намертво прилепился к Кабанихе (арт. Н. Леонова) как грубой, властной купчихи. Нет, она у Спивака мягкая, чувственная, даже трогательная в своей любви к сыну. Она может расплакаться. И как она преображается, когда Катерина признаётся в своём страшном грехе.

Так же неожиданно решено им и другое действующее лицо – полусумасшедшая барыня (арт. Т. Григорьева). Акцент сделан режиссером не на её пугающих Катерину предсказаниях, а на её когда-то самой счастливой поре жизни, о которой она вспоминает, исполняя с необыкновенной пронзительностью не то арию, не то песню на итальянском языке.

Кульминация образа Катерины в спектакле – когда Катерина прощается с Борисом (арт. А. Петров). Пожалуй, я впервые увидел так тонко, с такими оттенками сыгранную сцену. Да, полноте, тот ли это знакомый Островский?! Та ли эта известная «Гроза»?!

И еще одна особенность в постановке «Грозы», которая осталась в памяти, – своеобразное включение в нее народных песен. У В. Симакина в спектакле «Бедность не порок» они тоже звучат. Но они есть в самой структуре пьесы. Они как неотъемлемая часть происходящего. С. Спивак вставляет песни в структуру пьесы, песни разрывают её, они звучат, как прелюдии к тому, что в скором времени произойдет.

На фоне проекции видео с плавающей рыбкой идет Мамаев, а впереди него, высоко подняв в авоське аквариум, Крутицкий. Так начинается в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» Калужского областного драматического театра сцена с Крутицким (его играет В. Смородин) и Мамаевым (арт. С. Лунин), в которой звучат знаменитые слова:

Мамаев: Да, мы куда-то идем, куда-то ведут нас; но ни мы не знаем — куда, ни те, которые ведут нас. И чем все это кончится?

Сразу вопрос: а зачем режиссер, Владимир Хрущёв, дал в руки Крутицкому аквариум с рыбками? И почему Крутицкий прячет его потом в сейф? Второе появление Крутицкого с аквариумом в сцене, когда он приходит к Турусиной. Крутицкий, держа перед собой этот аквариум, говорит: «Я вот гулять пошел, ну, дай, думаю, зайду навестить старую знакомую, приятельницу старую...» Говорит так, словно он рыбок пошел выгуливать.

Третий раз мы видим аквариум в распахнутом сейфе, когда Крутицкий знакомится со своим прожектом о реформах, переработанным Глумовым в «Трактат о вреде реформ». И четвертый раз, когда Крутицкий ставит аквариум с рыбками на банкетный стол (именно так решена вся последняя часть с дневником Глумова – длинный банкетный стол во всю ширину задника).

Спектакль очень динамично выстроен. И его такой темпо-ритм сразу же заявляет главное действующее лицо – Егор Дмитрич Глумов (арт. К. Бессонов). Он уже рассчитал в голове, как надо повернуть всю операцию. Ему надо поскорее её воплотить. Поскорее, поскорее! Вынужденные остановки в продвижении реализации замысла им с трудом сдерживаются. Временами он так входит в роль, так увлекается, что и сам в какие-то моменты забывается: это игра или всё на самом деле правда? Он порхает, летает по сцене!

Из слаженного актёрского ансамбля особо хотелось бы выделить актрису С. Никифорову, сыгравшую Клеопатру Львовну Мамаеву. Темпераментная, с какими-то несколько гротескно преувеличенными концертными интонациями и цирковыми жестами «алле – оп», она соответствует и своему имени – Клеопатра, и отчеству – Львовна.

Три «Снегурочки»

На самом деле их увидено больше, но захотелось рассказать именно о постановках этой весенней сказки А.Н. Островского таких очень разных режиссеров, как Александр Семёнов, Евгений Ибрагимов и Александр Огарёв.

* * *

Александр Семёнов поставил «Снегурочку» со своими студийцами «Друзья театра» на сцене бывшего ДК успешного когда-то костромского льнопредприятия «Звольма». Премьера состоялась 4 января 2003 года. Особенность этой постановки – дети играли для детей.

Сцена из спектакля «Снегурочка» студии «Друзья театра». 2003 год.

Своих сверстников студийцы в костюмах персонажей «Снегурочки» встречали в вестибюле с хлебом солью. Затем шла интермедия у елки с пением колядок и хороводами. Пред началом спектакля в зале звучали небольшие отрывки из оперы Римского-Корсакова.

Само представление было поставлено в стилистике карнавала, и хотя световое оформление было яркое, разноцветное, но оно не заполняло всю сцену, а только выхватывало из черноты отдельные её части. Иногда, разрушая четвертую стену, исполнители спускались со сцены в зрительный зал и играли на пяточке между сценой и первым рядом.

Текст Островского сокращён до того варианта, который студийцы могли не озвучить, а осмысленно, исходя из своего возраста, сыграть. Снегурочке 14 или 15 лет. В этом же возрасте и все остальные. Чуть постарше – Дед-Мороз, Весна-Красна и царь Берендей. Декорация «Снегурочки» – открытая площадка сцены,

огороженная по периметру высоким плетёным забором из камыша. Над ним заснеженные ели с двух сторон, а в промежутке между ними зимнее небо. Неподалеку от ДК остались ещё с осени спиленные (так называемая санитарная обрезка) ветви и даже стволы лип и тополей. Неизвестно кому – режиссёру или художнику (Эдуард Арсланов) – пришла идея тоже использовать их в оформлении «Снегурочки». И не ради украшения были повязаны ленточки на ветвях, которые стояли справа и слева от авансцены. По языческим поверьям в ленточке присутствовала энергия четырех первоэлементов: Огонь, Вода, Земля, Воздух.

Спектакль шёл по времени около часа. Снегурочка и Мизгирь не погибали, а всё заканчивалось для них тем, что царь Берендей благословлял их брак. Вставало красное солнце и под ликующий финал оперы Римского-Корсакова все пели:

*Свет и сила, бог Ярило,
Красное солнце наше,
Нет тебя в мире краше!*

Александр Семёнов решил сделать «Снегурочку» со счастливым концом, потому что главное для него в постановке было то, что появившееся в душе Снегурочки чувство любви не должно было трагически оборваться.

Я бы назвал эту постановку театрально-педагогической. Участники студии помогали художнику делать декорации, слушали оперу, вникали в текст Островского, добивались в произношении естественной интонации. Во время показа спектакля для молодых зрителей срабатывал эффект того, что, если мои сверстники так осмысленно и с такой самоотдачей играют сказку, которая не очень-то на нее походит, значит, в этом есть нечто такое, к чему стоит присмотреться и мне.

* * *

Для кого ставится спектакль, для зрителей или критиков? Ответ простой: для зрителей. Случается, что спектакль получает восторжен-

ные отзывы критиков, театральные премии, а зритель, после двух-трех премьерных показов, голосует своё отношение полупустым залом и довольно прохладными аплодисментами. К сожалению, спектакль существует во времени, он с ним связан. Он связан с тем зрителем, который живет в данном городе. Фильм может полежать год, два, три, пять, а спектакль нет. Правда, есть исключение – театр кукол. Спектакль можно, в прямом смысле, положить на полку, «заморозить», а чтобы его поддерживать, показывать очень редко, для той немногочисленной аудитории, которую можно причислить к театральной элите. Мне кажется, именно на такого зрителя рассчитан спектакль «Снегурочка», который поставил в Костромском театре кукол режиссёр Евгений Ибрагимов (художник Эмиль Капелюш).

Нужно ли перед походом на этот спектакль перечитывать пьесу? Наверное, все-таки нужно, потому что она в версии постановщика переплавлена в ритуальное действие без единого слова. Однако, и этого мало – перечитать. А может быть и вовсе не нужно перечитывать, так как попытка соотнести происходящее с текстом А.Н. Островского ничего не даёт. Вы смотрите вроде бы и знакомое (кто не знает «Снегурочку»), но никак не можете его понять. Сам Е. Ибрагимов говорит: «Этот спектакль для думающих людей, которые умеют фантазировать, разгадывать символы». Вот только каждый фантазирует по-разному, и не всякий может разгадать символы, которые заложил в спектакль постановщик. Потому что эти символы будут понятны только тем, кто хорошо знает языческую славянскую мифологию, её сакральное (священное, ритуальное) значение. Много ли таких найдется среди даже театральной элиты?

А вот что говорит художник спектакля: «Всё это делается так, чтобы у людей возникло воспоминание о том, чего они сами не пережили, а пережили предки». Это как?

В анонсе к спектаклю на информационном портале СМИ 44 была даже попытка расшифровать «Снегурочку» как:

«...путешествие в иную реальность... Режиссер Евгений Ибрагимов поставил его в жанре «бродилок». Зрители смотрят его стоя, точнее, переходя за артистами из одного пространства в другое. Причем не только физически, но и благодаря глубоким метафорическим смыслам, как бы раздвигая границы своего внутреннего сознания».

Кто знает, может быть должно пройти какое-то время? Может быть, спектакль не для сегодняшнего зрителя?

* * *

Идея перенести действия пьесы А.Н. Островского в другое время не нова. Вот, например, начало оперы «Снегурочка» в парижском Opéra bastille (2017 год) происходит в современном зале для репетиций балета. Дед-Мороз в светлом плаще поверх обычного костюма. Есть вариант, как сейчас говорят, и покруче. Например, действующие лица предполагаемой оперы на музыку(!) Римского-Корсакова: Снегурочка – бизнес-герл; Бобыль и Бобылиха – её приёмные родители; Лель – поп-певец; Купава – фотомодель; Мизгирь – олигарх; Берендей – генеральный прокурор; Весна – биологическая мать Снегурочки, эмигрантка... Действие начинается с того, что мать Снегурочки, Весна, хочет разыскать дочь и готова заплатить за это крупное вознаграждение и т.д.

Время действия «Снегурочки» Кинешемского драматического театра перенесено в 60-е годы XX века. Место первого действия – городской каток, второго – парк. И по началу спектакля (Лель поет под гитару песню Снегурочке), и по тому, как говорят берендеи, нажимая на букву «о», и как берендеи (парни в шапках-ушанках и масках из папье-маше) встречают Мизгиря, было ощущение, что этот перенос во времени нарочитый. Но, на удив-

ление, постепенно, спектакль начинает втягивать в происходящее. Принимаешь и эти позывные радиостанции «Маяк», и утреннюю гимнастику, и игровую зарисовку на катке под ностальгически-щемящую «А снег идёт, а снег идёт...» Было такое ощущение, что мы, переместившись в 60-е, вместе с актёрами начинаем разыграть сказку А.Н. Островского, которая незаметно превращается в реальность.

Гибель Снегурочки (арт. Э. Манапова) решена режиссером своеобразно. Визуально гибель Снегурочки показана через то, как пластически на нее реагирует Мизгирь (арт. А. Копчинский). В это время звучит песня Дмитрия Шостаковича «Нас утро встречает прохладой», но исполняется она не как привычный нам бодрый марш, а как реквием. Самобытно сделан и финал спектакля. После монолога царя Берендея, что «солнце знает, кого карать и миловать», звучит хит 60-х «Пусть всегда будет солнце», но в современной фольклорной обработке. Этот рефрен повторяется с добавлением после каждого раза «Пусть всегда буду я!»

Вместо заключения

Интересное замечание одного из режиссёров о А.Н. Островском: «Чем дальше от нас время написания пьес, тем они к нам ближе». Впору повторить лозунг 70-х годов прошлого века: «Назад к Островскому! Вперёд к Островскому!» Островский пугающе современен. Некоторые называют его русским Шекспиром. Почему Шекспиром? А почему не русским Мольером? Да и не надо сравнивать. Они сами по себе велики, как и сам по себе велик Островский. Мы ещё многое в нем не открыли. И он ещё многое будет рассказывать нам о нас самих же.

В.С. ЕЛМАНОВ,
член Союза российских писателей

Всем, посетившим «Тубернский дом», — сердечное спасибо!

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

2 (131) историко-краеведческий и литературный журнал
2023

Любезные читатели!

Давненько уже не совершали мы путешествий по городам и весям нашего края, последний раз были в Пыщугском районе прошлым летом. А не отправиться ли нам снова на северо-восток? На сей раз в самый дальний Октябрьский район, в его столицу село Боговарово (вот такое интересное сочетание, одно это уже привлекает внимание). На гербе Октябрьского района – золотая голова лося и солнышко между его рогами, что говорит о лесном крае, о богатом животном мире, о доброте и гостеприимстве.

Разнообразна и богата культурная жизнь района: Межпоселенческий центр культуры и досуга с различными секциями, Межпоселенческая и сельские библиотеки, дома культуры, детская музыкальная школа, народный театр, хор ветеранов, фольклорно-этнографический коллектив «Ирдом», известный далеко за пределами района и области.

В общем, есть что посмотреть и кого послушать. И узнать много нового из истории и культурной жизни Октябрьского (вначале Боговаровского) района.

До встречи летом!

Историко-краеведческий и литературный журнал «Губернский дом»
Учредитель: Департамент информационной политики, анализа и развития коммуникационных ресурсов Костромской области.

Издатель: АУ КО «Издательский центр «Губернский дом».

Адрес: 156005, г. Кострома, ул. И. Сусанина, 48/76.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Костромской области.

Регистрационный номер ПИ № ТУ 44 – 00224 от 20 декабря 2012 г.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

Главный редактор Н. В. Муренин

Ответственный секретарь Т. Г. Гончарова

Художник О. И. Швейцер

Компьютерная вёрстка В. А. Кокшаров

Корректор Е.Н. Кокшарова

Фото: Е. Цветковой, Л. Маркеева, из фондов ГАКО, Костромского музея-заповедника, музея-заповедника «Щельиково», архива журнала «Губернский дом», частных коллекций.

Адрес редакции: 156005, г. Кострома, ул. И. Сусанина, 48/76.

Телефон: (4942) 31-43-67. E-mail: gd_izdat44@mail.ru

Извините, рецензировать и высылать рукописи не имеем возможности.

Подписано в печать 10.03.2023 г. Выход в свет 30.03.2023 г. Печать офсетная.

Объем 15 п.л. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Отпечатано в ГП «Областная типография имени М. Горького», г. Кострома, ул. Петра Щербины, 2. Заказ № 264.

А.Н. ОСТРОВСКИЙ

Колыбельная песня

*Спи, мой сыночек, любимчик ты мой!
Синие живчики глазки закрой!
Тихо, ничто не тревожит твой слух,
Спи же, я стану обмахивать мух.
Ясны теперь, будто золото дни,
Позже, ах, позже не придут они!
Раз лишь заботы обступят кровать,
Больше спокойных ночей не видать.
Ангелы с неба, как ты красотой,
Вьются вокруг ложа и шутят с тобой;
Будут и позже они прилетать,
Но лишь за тем, чтоб слезу отирать.
Спи, мой сыночек, пусть ночька придет,
Мать у постельки сидит, стережет,
Ночью ли поздней, заря ли блеснет,
Матери нежной любовь не заснет.*

Островский А. Н. Полное собрание сочинений. В 12-ти т.
Т. 9. Переводы и переделки. (1865-1886).
М., "Искусство", 1978.